

ISSN 2074-9848

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2013

1 (15)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2013

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2013

1 (15)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2013.
150 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
4 выпуска в год
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел.: +7 4012 59-55-43
Факс: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

© БФУ им. И. Канта, 2013

Редационный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ — сопредседатель (Россия); *С. С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН (Россия); *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф. Боннского университета (Германия); *К. Веллман*, д-р, исполняющий обязанности директора отдела по вопросам исследований мира и конфликтов Института социальных наук Университета Христиана-Альбрехта, г. Киль (Германия); *А. В. Кортунов*, канд. ист. наук, президент «ИНО-Центра (Информация. Наука. Образование)» (Россия); *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор РАНХиГС (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии НИУ — ВШЭ (Россия); *Р. М. Нурев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков департамента прикладной экономики НИУ — ВШЭ (Россия); *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия)

Редакционная коллегия

Г. М. Федоров, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И. Канта — сопредседатель (Россия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., и. о. декана факультета географии и геоэкологии СПбГУ — сопредседатель (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *Т. Р. Гареев*, канд. экон. наук, доц., проректор по развитию и инновационной деятельности БФУ им. И. Канта (Россия); *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, доц. кафедры социально-экономической географии и геополитики БФУ им. И. Канта (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *Э. Кнаппе*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН (Россия); *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., декан факультета международных отношений РАНХиГС (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., проф. кафедры истории БФУ им. И. Канта (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития Гданьского университета (Польша); *В. А. Смирнов*, канд. полит. наук, директор Института балтийских исследований БФУ им. И. Канта (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф. кафедры прикладной институциональной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия)

ISSN 2074-9848

BALTIC REGION

2013

1 (15)

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2013

BALTIC
REGION
2013
1 (15)

Kaliningrad:
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2013.
150 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
4 issues
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address: 14, A. Nevski str.,
Kaliningrad, Russia 236041

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel.: +7 4012 59-55-43
Fax: +7 4012 46-63-13
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University of Russia, 2013

Editorial council

Prof *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Prof *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof *Sergey S. Artobolevsky*, head of the Economic and Social Geography Unit, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia; Prof *Vladimir G. Baranovsky*, deputy director of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Russia; Prof Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof *Aleksander A. Chubaryan*, director of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Russia; Dr *Andrei V. Kortunov*, president of the INO-centre (Information. Science. Education), Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof *Vladimir A. Mau*, rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Applied Political Science, National Research University – Higher School of Economics, Russia; Prof *Rustem M. Nureev*, head of the Department of Economic Analysis of Organizations and Markets, National Research University – Higher School of Economics, Russia; Dr *Christian Wellmann*, acting head of the Division for Peace and Conflict Research, Institute of Social Sciences, Kiel University, Germany.

Editorial board

Prof *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (co-chair); Dr *Nikolai V. Kaledin*, vice-rector for academic affairs, Saint-Petersburg State University, Russia (co-chair); Dr *Timur R. Gareev*, head of the Department of Economics of the Firm and Markets, vice-rector for Innovative Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof *Mikhail V. Ilyin*, head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Elke Knappe*, Leibniz Institute for Regional Geography, Leipzig, Germany; Prof *Vladimir A. Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof *Yuri V. Kosov*, dean of the Faculty of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof *Gennady V. Kretinin*, Department of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University, Russia; Prof *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof *Andrei Ye. Shastitko*, Department of Applied Institutional Economics, Faculty of Economics, Moscow State University, Russia; Dr *Vadim A. Smirnov*, director of the Institute of Baltic Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof *Eduardas Spiriagevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia; Dr *Yuri M. Zverev*, Associate Professor, Department of Socioeconomic Geography and Geopolitics, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Опыт и перспективы трансграничного и приграничного сотрудничества в Балтийском регионе

<i>Федоров Г. М.</i> Перспективы сетевого сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике.....	7
<i>Ланко Д. А.</i> Управление трансграничными водными ресурсами: сравнительный анализ российского и американского опыта.....	27
<i>Межевич Н. М., Жук Н. П.</i> Методика оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных регионов и результаты пилотной оценки.....	38
<i>Михайлов А. С.</i> Формирование международных кластеров в Балтийском регионе.....	53
<i>Ивченко В. В., Фургал М., Мисюк Ю. В.</i> Сетевое моделирование трансграничного сотрудничества между предприятиями регионов России и Беларуси (на примере Калининградской и Гродненской областей).....	67

Региональное развитие и пространственное планирование территорий

<i>Савченко А. Б.</i> Региональное и городское развитие: ситуационный подход к стратегическому управлению и мониторингу.....	78
<i>Мякиненков В. М.</i> Основные подходы к формированию инструментария и методические особенности морского пространственного планирования.....	99
<i>Спиряевас Э.</i> Развитие международного туризма в Литве: сравнительный анализ региональных аспектов.....	116

Исследования молодых ученых

<i>Михайлова А. А.</i> Сравнительный анализ научно-технического потенциала стран Балтии и России.....	128
---	-----

Рецензии

<i>Худолей К. К.</i> Трудные годы Прибалтики.....	143
---	-----

CONTENTS

Practice and Prospects of Cross-Border Cooperation in the Baltic region

- Fedorov G.* Innovations in the Baltic and Network Cooperation between Russia and the EU 7
- Lanko D.* Management of Trans-boundary Water Resources: Comparing Russian and American Experiences 27
- Mezhevich N., Zhuk N.* Cross-border Specialization of Interregional Interaction: Applying New Assessment Methods 38
- Mikhailov A.* Development of International Clusters in the Baltic Sea Region 53
- Ivchenko V., Furgal M., Misyuk Yu.* Network Modelling of Trans-boundary Cooperation between Russian and Belarusian Regional Enterprises: the case of the Kaliningrad and Grodno Regions 67

Regional development and spatial planning

- Savchenko A.* A Situational Approach to Strategic Management and Monitoring of Regional and Urban Development 78
- Myakinenkov V.* Key Strategies of Development of Research Tools and Methods for Marine Spatial Planning 99
- Spiriajevas E.* The Development of International Tourism in Lithuania: a Comparative Analysis of Regional Aspects 116

Research of young scientists

- Mikhailova A.* Innovation Capacity of Russia and the Baltics: a Comparative Approach 128

Reviews

- Khudolei K.* Hard Years for the Baltics 143

ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО И ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

УДК 332.14 (474/476)

ПЕРСПЕКТИВЫ СЕТЕВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И СТРАН ЕС В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ НА БАЛТИКЕ

Г. М. Федоров*

Анализируются развивающиеся в Балтийском регионе процессы транснациональной (между странами) и трансграничной (между приграничными регионами разных стран) кооперации и интеграции, в том числе в инновационной сфере. Отмечается, что Россия отстает от Северных стран и Германии в инновационном развитии и сопоставима с Польшей и странами Балтии, поэтому характер инновационного сотрудничества с этими группами стран неодинаков. Международная кооперация выгодна всем участвующим в ней сторонам, поэтому следует усиливать ее стимулирование. Подчеркивается особая роль в развитии сотрудничества РФ и ЕС Северо-Западного федерального округа (СЗФО), ряд субъектов которого расположен на границе со странами ЕС. Он участвует в формировании сетевых инновационных структур как в масштабе Балтийского региона, так и в приграничном сотрудничестве, включая формирование трансграничных инновационных кластеров. Перспективным названо формирование территориально локализованных инновационных сетей: трансграничных инновационных кластеров Хельсинки — Санкт-Петербург — Таллин, Трехградье (Гданьск, Гдыня, Сопот) — Калининград — Клайпеда. Санкт-Петербург с Ленинградской областью, а также Калининградская область могут стать регионами — инновационными коридорами развития между РФ и ЕС, полюсами роста экономики Российской Федерации.

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 17.01.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-1

© Федоров Г. М., 2013

Ключевые слова: инновации, инновационный потенциал, сетевое международное сотрудничество, трансграничный инновационный кластер, Балтийский регион, Северо-Западный федеральный округ

Балтийский регион является единственным макрорегионом, где Россия граничит со странами Евросоюза и где транснациональные российско-европейские связи дополняются трансграничными связями. На Балтике реализуются многочисленные совместные инициативы и имеется специальный орган по координации международной деятельности — Совет государств Балтийского моря, в состав которого входят все страны макрорегиона. Это способствует развитию сотрудничества между ними в инновационной сфере, предопределяющей уровень и динамику экономического развития стран мира, их место во всемирной геоэкономической системе в эпоху глобализации. Тем самым Балтийский регион занимает ключевое место в постепенно (хотя и довольно медленно) нарастающей российско-европейской интеграции.

Состояние и перспективы сотрудничества России и Евросоюза в инновационной сфере на Балтике активно исследуются в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Ряд статей ученых университета по итогам исследований, а также материалы других российских и зарубежных авторов по данной проблематике опубликованы в журнале «Балтийский регион» [1—4; 6; 7; 9—14; 18; 20; 21; 26; 27]. В настоящей публикации делается попытка обобщить результаты сравнительного изучения инновационного потенциала стран Балтийского региона, эффективности его использования и роли международного сетевого сотрудничества в совместном создании и использовании инновационного продукта.

Инновационный потенциал стран Балтийского региона

Кризис 1990-х гг. подорвал инновационный потенциал России, и предпринимаемые руководством страны в XXI в. усилия по его восстановлению пока еще не привели к значительным успехам. Численность занятых научными исследованиями и опытно-конструкторскими разработками (НИОКР) продолжает сокращаться, хотя и медленнее, чем в 1990-е гг. (в 1992 г. — 1532,6 тыс., 2000-м — 887,7 тыс., 2010-м — 736,5 тыс. занятых [19]). Тем не менее это число и сейчас в 1,5 раза больше, чем в Германии (485 тыс. человек), занимающей второе место среди стран Балтийского региона. Однако по объему расходов на НИОКР (32,6 млрд долларов) Россия в 2010 г. в 2,6 раза уступала Германии (86 млрд долларов) [19]. Остальные страны Балтийского региона несопоставимы ни с Германией, ни с Россией по абсолютным показателям инновационного потенциала: на восемь стран в совокупности приходится 359 тыс. занятых НИОКР и 40,5 млрд долларов расходов на их проведение. По относительным же показателям Россия сравнима только с постсоциалистическими странами макрорегиона, сильно уступая Германии и Северным странам (табл. 1).

Таблица 1

Научно-исследовательский потенциал стран Балтийского региона, 2010 г.

Страна	Численность занятых НИОКР, тыс. человек	Расходы на НИОКР, млн долларов	Число занятых НИОКР в расчете на 1000 человек населения	Расходы на НИОКР в расчете на душу населения, долларов	Доля расходов на НИОКР в ВВП, %
<i>Страны ЕС</i>					
Германия	484,6	85996	5,9	1045	2,80
Польша	100,9	5580	2,6	145	0,74
Швеция	72,7*	12383	8,0*	1367	3,39
Финляндия	57,2	7669	10,9	1461	3,9
Дания	54,7	6733	9,9	1224	3,07
Литва	14,1	483	4,0	136	0,8
Эстония	7,5	437	5,8	336	1,63
Латвия	6,5	220	2,9	99	0,6
<i>Страны, не входящие в ЕС</i>					
Норвегия	44,8*	7004	9,2*	1430	1,69
Россия	736,5	32624	5,2	230	1,16

*2009 г.

Источники: [19; 28—30].

По числу занятых исследованиями и разработками в расчете на 1000 человек населения, доле расходов на исследования и разработки в ВВП, расходам на НИОКР в расчете на душу населения Россия превосходит Польшу, Литву и Латвию, немного уступает Эстонии и значительно — Германии и Северным странам. Особенно велико отставание в финансировании исследований и разработок.

Государства с традиционной рыночной экономикой — Германия и Северные страны Балтийского региона (за исключением Норвегии) — 58—66 % средств на финансирование НИОКР получают от бизнеса и только 25—30 % — от государства. Существенную роль (кроме Германии) играет зарубежное финансирование (7—10 %). В Норвегии благодаря большим бюджетным доходам от экспорта нефти и газа государство несколько превосходит бизнес в финансировании НИОКР. Еще более значительна роль государства в Польше (61 %), а особенно в России (70 %). В странах Балтии и Польше значительна доля зарубежного финансирования, например в Латвии до 33 % (табл. 2).

Таблица 2

Структура финансирования НИОКР по источникам финансирования, 2010 г.

Страна	Сектор			
	предпринимательский	государственный	высшего образования и частный некоммерческий	зарубежного финансирования
ЕС-27	53,9	34,6	2,6	8,9
<i>Страны Балтийского региона, входящие в ЕС</i>				
Германия	65,6	30,3	0,2	3,9
Финляндия	66,1	25,7	1,3	6,9
Швеция*	58,8	27,5	3,3	10,4
Дания	60,7	27,1	3,5	8,7
Эстония	43,6	44,1	0,9	11,4
Латвия	38,8	26,4	1,4	33,4
Литва	32,4	46,0	1,7	19,9
Польша	24,4	60,9	2,9	11,8
<i>Страны Балтийского региона, не входящие в ЕС</i>				
Норвегия*	43,6	46,8	1,4	8,2
Россия	25,5	70,3	0,7	3,5
<i>Другие страны</i>				
США*	61,6	31,3	7,1	...
Япония*	75,3	17,7	6,6	0,4

*2009.

Источник: [30].

Государство вкладывает в развитие российского инновационного сектора весьма значительные средства. Однако предпринимательский сектор не только не инвестирует в производство инноваций, он мало-восприимчив к произведенным в стране инновациям и недостаточно часто приобретает их за рубежом, что особенно характерно для сферы производства товаров. Это объясняется отставанием российской обрабатывающей промышленности от мировых лидеров, ее невысоким удельным весом в производстве ВВП и формировании экспорта¹, недостаточной развитостью крупных корпораций, способных вкладывать значительные средства в производство и внедрение инноваций.

В России удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе промышленных организаций составил в 2008 г. 9,6%, в 2009-м 9,4%, а в 2010 г. только 9,3%. Доля инноваци-

¹ Удельный вес обрабатывающих отраслей в производстве ВВП России составляет всего 13,6%, тогда как в остальных странах Балтийского региона (за исключением Латвии) этот показатель более чем в 1,5 раза выше. См.: [19].

онных товаров, работ услуг в их общем объеме за те же годы составила соответственно 5,1, 4,6 и 4,9% [19]. В странах ЕС доля инновационно-активных предприятий значительно выше — более 50%, в том числе в Германии она достигает 80%, в Северных странах 52—54%, в Эстонии 56%, в Польше, Литве и Латвии — 20—30% (2008 г.). Доля инновационной продукции в ее общем объеме составляет 13,3%, в Германии — 17,4%, в Латвии 5,9%. Однако в Норвегии с ее развитой добывающей промышленностью этот показатель практически такой же, как в России, — 4,6% [30].

В то же время недавно возникшие в России (уже в постсоветский период) высокорентабельные виды экономической деятельности часто развиваются достаточно успешно. Так, компьютеризация и особенно мобильная связь быстро внедряются и в российскую экономику, и в быт жителей страны.

За 2002—2011 гг. в РФ качественно изменилось количество рабочих станций, подключенных к Интернету. В России в 2011 г. в расчете на 100 жителей фиксировалось 30 подключений к Интернету (в СЗФО — 61) против 93 в Швеции и 89 в Финляндии, тогда как в 2002 г. это соотношение составляло: 2 — в России, 4 — в СЗФО, 58 — в Швеции и 51 — в Финляндии [26].

Еще более показательна динамика количества проданных сим-карт мобильной связи в процентах к численности населения. В 2006 г. в Российской Федерации этот показатель достиг, а в 2007 г. превысил показатели Финляндии и Швеции. В СЗФО оба события произошли на год раньше. Количество проданных сим-карт мобильной связи в РФ в 2011 г. составило 172% по отношению к общей численности населения (в СЗФО — 196%), а, например, в Финляндии — 159%, в Швеции — 117% [26].

Итак, отставание российской экономики в производстве и внедрении инноваций во многом обусловлено спецификой современного российского бизнеса, его недостаточной заинтересованностью в активном осуществлении научно-исследовательской деятельности в качестве источника конкурентных преимуществ на мировом рынке. Однако и отечественная наука, пострадавшая от отсутствия финансирования в кризисные 1990-е гг. и испытавшая отток высококвалифицированных кадров за границу, пока не может предложить достаточно убедительные доводы в пользу вложений в нее частного капитала. Она не имеет необходимых навыков работы на всемирном рынке инноваций вследствие длительного функционирования в условиях административно-командной экономики. Тем более значимо для России международное сотрудничество, которое не только позволяет объединять усилия исследователей разных стран, но и способствует совершенствованию организации инновационного сектора российской экономики и обеспечению его связи с бизнесом.

По особенностям экономического и инновационного развития в Балтийском регионе выделяются три группы (кластера) стран.

1. Германия и Северные страны. Эти экономически наиболее развитые государства характеризуются более низкими темпами экономического развития. Они несут большие расходы на исследования и разработки, широко внедряют инновационные технологии в различные отрасли экономики. В ЕС они — в числе лидеров инновационного развития. Относительные (в расчете на душу населения) показатели более высоки в Северных странах, но в абсолютном выражении Германия обладает намного большим инновационным потенциалом.

2. Польша и страны Прибалтики. Эта группа стран имеет менее высокий уровень и повышенные темпы экономического развития. У них значительно меньшие, по сравнению с предыдущим кластером, абсолютные и относительные объемы финансирования НИОКР, намного более низкий уровень внедрения инноваций. В то же время динамика развития инновационного потенциала здесь высока, в значительной мере за счет поддержки структурных фондов и программ Евросоюза.

3. Россия. Имеет невысокий уровень, но повышенные темпы экономического развития. Она обладает относительно высоким научно-технологическим потенциалом, но степень его использования недостаточно высока. Экономика имеет низкий уровень инновационности. Численность занятых в секторе научных исследований и разработок уменьшается; инвестиции в развитие научно-технологического потенциала растут недостаточно быстро и в основном за счет государства; внедрение инноваций в экономику развивается слабо.

Выделенные выше кластеры зарубежных стран Балтийского региона можно подразделить на две группы, которые различаются характером современных и возможных связей с Россией в сфере инноваций:

1) страны — экспортеры (поставщики) технологий и инноваций (Германия, Швеция, Дания, Финляндия и Норвегия) с совместными исследованиями по приоритетным для обеих сторон направлениям;

2) страны — партнеры для развития совместных проектов с возможностью экспорта произведенных в России инноваций (Польша, Литва, Латвия, Эстония).

Германия и Северные страны достигли высокого уровня в сфере инноваций не только благодаря большим объемам инвестиций, но и за счет грамотно выстроенной политики и взаимовыгодного сотрудничества науки и бизнеса. Поэтому следует обратить внимание на средства, с помощью которых они достигли такого высокого уровня.

Говоря о сотрудничестве с Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией, нужно иметь в виду достаточно схожий набор проблем, с которыми столкнулись Россия и названные страны при развитии инновационной сферы. Прежде всего, это неразвитость технической базы по причине

неблагоприятной экономической ситуации в переходный к рыночной экономике период, а также слабость системы поддержки научных исследований и стимулирования инноваций, разрыв связи между наукой, промышленностью и бизнесом. Однако при поддержке ЕС в 2000-е гг. здесь созданы технопарки и другие формы поддержки инновационной деятельности, которые ориентируются на Запад, тогда как в ряде отраслей имеются хорошие перспективы сотрудничества с Россией.

Инновационный потенциал Северо-Западного федерального округа

В сотрудничестве с зарубежными странами Балтийского региона, в том числе в инновационной сфере, большими возможностями располагает Северо-Западный федеральный округ. По сравнению со среднероссийским уровнем СЗФО имеет относительно высокий инновационный потенциал и близкий к среднему уровень внедрения инноваций в экономику. При доле в численности населения РФ в 9,5 %, а в совокупном ВРП субъектов РФ 10,6 % СЗФО концентрирует более 14 % организаций, выполняющих научные исследования и разработки, 13 % занятых научными исследованиями и разработками, 13,5 % затрат на исследования, производит 17 % новых передовых технологий. Менее активно осуществляется внедрение результатов исследований (значительная часть произведенных в СЗФО инноваций поступает в другие российские макрорегионы). Затраты на технологические инновации составляют 9 % общероссийского объема, число используемых передовых технологий — более 8 %, а объем инновационных товаров, работ, услуг — 9,7 % [17].

Основной научный потенциал СЗФО сосредоточен в Санкт-Петербурге. Научными исследованиями и разработками здесь занято около 80 тыс. человек — 83 % от всех занятых в этой сфере в СЗФО и 11,3 % в Российской Федерации. Объем затрат на исследования и разработки составил 59,2 млрд рублей — 84 % от их объема по всему округу и 10,8 % по РФ. По относительным показателям (в расчете на 1000 жителей) превосходство Санкт-Петербурга над остальными субъектами СЗФО не столь велико, но тоже весьма значительно. Тем не менее по отдельным научным направлениям они также располагают определенными возможностями.

Благодаря своему производственному и научному потенциалу Санкт-Петербург с прилегающей территорией Ленинградской области обладает наибольшими интеграционными возможностями среди субъектов СЗФО. Однако недостатком можно назвать периферийное географическое положение Санкт-Петербурга — как в Балтийском регионе, так и в России. Выгодное же расположение по отношению к зарубежным партнерам имеет Калининградская область (хотя у нее нет такого потенциала, как у Санкт-Петербурга и Ленинградской области).

Не случайно Калининградский регион и его муниципальные образования участвуют в деятельности 5 из 7 еврорегионов с российским участием на Балтике.

В СЗФО разработана и реализуется Стратегия социально-экономического развития [22]: аналогичные документы, а часто и региональные программы инновационного развития приняты в каждом субъекте округа. В них, особенно в приграничных регионах, целесообразно предусматривать меры по развитию международного сотрудничества в инновационной сфере. Так, в Стратегии СЗФО специальное внимание обращено на «международное сотрудничество в области инновационной деятельности, развитие совместных разработок и трансфера технологий» как на важный фактор развития научно-инновационного комплекса; отдельный раздел посвящен приграничному сотрудничеству.

Развитие сетевого сотрудничества

Наиболее распространенными формами международного сотрудничества, в том числе в инновационной сфере, являются прямые двусторонние договоры. Однако все более серьезную роль играют и различные формы сетевого сотрудничества.

Термин «сеть», все более часто ассоциируемый с информационными (компьютерными) сетями, имеет более широкое значение. Он используется в торговле (торговая сеть), сфере услуг (гостиничная сеть, сеть ресторанов). В научно-исследовательской деятельности распространено понятие «сетевые проекты», в которых принимает участие несколько научных центров. В таком его значении можно говорить об университетской сети как совокупности сотрудничающих вузов, об инновационной сети как сети инновационных субъектов, связанных между собой научным сотрудничеством². Локализованной в пространстве инновационной сетью выступает инновационный кластер. В приграничных регионах соседних стран, обладающих достаточным инновационным потенциалом, могут формироваться международные (трансграничные) инновационные кластеры. Можно также говорить об инновационных сетях более крупных размеров, охватывающих не трансграничные, а транснациональные регионы, например весь Балтийский регион.

Сеть есть разновидность системы, которая представляет собой совокупность однородных элементов, соединенных существенными связями, которые могут быть горизонтальными (равнонаправленными) и вертикальными (связями субординации). Сеть — это система с преоб-

² Под исследовательской сетью могла бы пониматься совокупность взаимодействующих исследовательских субъектов, но пока чаще имеется в виду специализированная компьютерная сеть, предназначенная для поддержки научных работ [22].

ладающими горизонтальными связями. Для ее формирования требуется достаточная самостоятельность субъектов — элементов будущей сети, которые сами принимают решения об установлении связей с аналогичными субъектами. В этом заключается сложность формирования сетей в постсоциалистических странах с традициями административно-командной экономики, где преобладали вертикальные связи субординации, тогда как в рыночной экономике, наряду с наличием вертикальных связей, широко распространены горизонтальные связи кооперации. Если это связи в сфере инноваций, то речь идет о формировании инновационных систем.

Территориально локализованные горизонтальные связи кооперации в сфере науки и инноваций между субъектами обуславливают формирование инновационных кластеров, которые объединяют исследовательские, проектные, внедренческие организации с тесными взаимными связями, преимущественно горизонтальными. Важнейшие внешние связи объединяют инновационный кластер с хозяйствующими субъектами — потребителями его продукции.

Среди субъектов инновационной сферы наиболее активно сотрудничают между собой вузы. В Балтийском регионе, наряду с многочисленными двусторонними договорами о сотрудничестве, сформировались сети сотрудничающих высших учебных заведений разных стран. С 1990 г. в целях содействия кооперации между вузами действует Конференция ректоров балтийских университетов. На поддержку вузов стран Центральной и Восточной Европы направлены проекты программы «Коперникус» («Copernicus»), содействующей кооперации между университетами, координации образования и исследований. Сетевую структуру представляет собой и образовательная программа «Балтийский университет», объединяющая десятки вузов макрорегиона (с центром в г. Упсала, Швеция) в целях совершенствования дистанционного образования, а в последние годы участники этой программы осуществляли и небольшие исследовательские проекты.

Международные сети с участием вузов, некоммерческих организаций, региональных и муниципальных органов власти формируют программы Евросоюза по приоритету европейского территориального сотрудничества (ЕТС) на 2007—2013 гг. (в 1990—2006 гг. это были программы *Interreg-I, II и III*). В рамках этих программ реализуются (в том числе с участием России и Норвегии) многочисленные международные, в том числе исследовательские, проекты в Балтийском регионе. Россия софинансирует проекты, относящиеся к программам приграничного сотрудничества ЕТС/ЕИСП (ЕИСП — Европейский инструмент соседства и партнерства³).

³ Подробнее см.: [2; 23].

Ряд проектов, имеющих природоохранную и социальную направленность, финансируется в рамках инициативы «Северное измерение».

Но основным инструментом Европейского союза по финансированию исследований и разработок стали так называемые *рамочные программы*. В Седьмой рамочной программе на 2007—2013 гг. российские организации стали участниками более 300 грантовых соглашений. В рамках Федеральной целевой программы РФ «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технического комплекса России на 2007—2013 годы» было выделено софинансирование реализуемых проектов⁴.

Несколько международных проектов финансируют российские национальные фонды — РГНФ и РФФИ. Однако их количество и объем финансирования значительно уступают международным проектам, инициируемых Европейским союзом.

Стимулятором инновационного развития и создания наукоемких производств в СЗФО может стать создание национальных, а также международных (трансграничных) инновационных кластеров. В Балтийском регионе в ходе проведенных в БФУ им. И. Канта исследований выявлено 15 трансграничных кластеров. Особенно много их на границах Швеции (13 кластеров) и Дании (7 кластеров).

Благоприятные предпосылки формирования трансграничных инновационных кластеров имеются и на российских границах со странами ЕС. Можно констатировать постепенное формирование по крайней мере двух таких кластеров — вокруг Финского залива и на побережье Юго-Восточной Балтики.

Теоретическое обоснование трансграничных кластеров (в том числе инновационных) основывается на концепции новых пространственных форм международной экономической интеграции (НПФМЭИ): еврорегионов, больших регионов, треугольников роста и др. К их числу следует отнести и транснациональные инновационные кластеры.

Еврорегионы — это ассоциации приграничных регионов и муниципалитетов стран Евросоюза, а также их прямых соседей. Из общего числа — около 120 еврорегионов — в Балтийском макрорегионе их насчитывается 23; в 7 из них участвуют субъекты РФ и/или их муниципальные образования. Создание еврорегионов активизирует международную кооперацию в различных отраслях экономики, способную перерасти в сотрудничество в инновационной сфере.

Специфическими формами межрегионального сотрудничества в регионе Балтийского моря являются так называемые дуги (arcs). В Южно-Балтийскую дугу входит южное и юго-восточное побережье Балтийского моря от Германии до Латвии, включая Калининградскую область.

⁴ Подробнее см.: [1; 2].

Треугольники роста включают партнеров трех или более стран (и/или регионов) с различающимися факторами производства, соединение которых приводит в действие принцип сравнительных преимуществ и обеспечивает синергетический эффект. Урпо Кивикари (Хельсинки, Финляндия) предложил сформировать на Балтике Южно-Балтийский и Восточно-Балтийский треугольники роста. В состав первого из них он включает регионы Северной Германии и Южной Швеции; Северной Польши, Литвы и Западной Латвии; Северо-Запада Беларуси и Калининградскую область РФ. Второй состоит из Южной Финляндии, Эстонии, Санкт-Петербурга и Ленинградской области [31].

Каркасом Восточно-Балтийского треугольника роста выступают важнейшие центры экономики, культуры и инноваций — Санкт-Петербург, Хельсинки и Таллин. Входящие в Южно-Балтийский треугольник роста Трехградье (Гданьск — Гдыня — Сопот), Калининград и Клайпеда составляют его особую часть — Юго-Восточную Балтику. Здесь действует Программа соседства «Литва — Польша — Калининградская область РФ». Тадеуш Пальмовский (Гданьск, Польша) предложил формирование биполярной российско-польской территориальной системы «Трехградье (Гданьск — Гдыня — Сопот) — Калининград» [16]. По нашему мнению, имеются предпосылки для создания даже более крупной — триполярной — системы, включающей также литовскую Клайпеду. Обе триполярные системы «Санкт-Петербург — Хельсинки — Таллин» и «Трехградье — Калининград — Клайпеда», объединяя крупные инновационные центры, становятся ядрами формирующихся трансграничных инновационных кластеров (см. рис.).

В Балтийском регионе сформировалась и развивается сетевая международная структура взаимодействующих субъектов, имеющих отношение к инновационной деятельности или ее непосредственно реализующих. Это создает предпосылку для организации специальной инновационной сети для координации исследовательской деятельности, обмена опытом внедрения инноваций в экономику, содействия привлечению инвестиций в инновационную сферу. Инициаторами создания такой сети могли бы стать ведущие университеты и научно-исследовательские организации, а также корпорации, наиболее заинтересованные в получении инновационного продукта, и государственные структуры стран региона, в том числе Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что Европейский союз в своей стратегии «Европа 2020», принятой в 2010 г., первым из семи приоритетных направлений стратегии называет Инновационный союз, призванный, помимо прочего:

— объединить усилия стран ЕС в создании Европейского пространства для исследований и инноваций,

— задействовать Европейские инновационные партнерства между Евросоюзом и государствами — членами ЕС для ускорения развития и перераспределения технологий,

— продвигать научные партнерства и усиливать взаимодействие образования, бизнеса и инноваций [15].

Рис. Формирование трансграничных инновационных кластеров с российским участием в Балтийском регионе

Участие России в создании совместного с ЕС инновационного пространства было бы крайне полезно для обеих сторон. Одним из факторов его создания является реализация совместных инициатив в сфере инноваций в Балтийском регионе, вхождение России на равноправной основе в формирующееся транснациональное инновационное пространство Балтийского региона.

Крайне важным условием интеграции российских регионов в инновационные кластеры Балтийском регионе выступает активизация и укрепление тесных социально-экономических отношений между всеми элементами системы, обеспечивающей производство и внедрение инноваций: научно-исследовательскими учреждениями, предпринимательским сектором и региональными или местными властями. образо-

вание в СЗФО ассоциации российских субъектов всех трех этих групп, сотрудничающих в производстве и использовании инновационного продукта, и координация их международного сотрудничества в инновационной сфере могли бы, на наш взгляд, способствовать усилению российских позиций в инновационном сотрудничестве на Балтике.

Перспективные отраслевые направления международного сотрудничества СЗФО с партнерами в Балтийском регионе (по результатам выполненных БФУ им. И. Канта исследовательских проектов) представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Перспективные сферы сотрудничества России
с зарубежными странами Балтийского региона**

Сфера сотрудничества	Страна*								
	Г	П	Ш	Д	Ф	Н	Ли	Ла	Э
Биомедицина и медицинские технологии	+	+	+	+	+	+		+	+
Биотехнологии	+	+	+	+	+		+		
Фармацевтика	+	+		+				+	
Нанотехнологии	+		+	+	+	+			
Новые материалы (включая наноматериалы)	+		+		+		+		+
Микроэлектроника	+		+				+		
Лазерные технологии	+	+	+				+		
IT-технологии	+		+	+	+				
Внедрение новых информационных технологий, созданных в других странах									+
Технологии новых и возобновляемых источников энергии	+		+		+	+			+
Ядерная энергетика	+	+	+						
Добыча и переработка нефти		+		+		+	+		
Энергосбережение, энергоэффективность	+		+	+	+	+			
Судостроение		+					+	+	
Авиастроение	+	+	+						
Автомобилестроение	+		+						
Космос	+	+							
Робототехника	+		+						
Технологии лесопромышленного комплекса			+		+				
Базовые промышленные технологии	+	+						+	
Материаловедение	+	+						+	
Создание биосовместимых материалов	+							+	
Энергосберегающие материалы		+							+
Агротехнологии	+	+	+	+	+		+	+	
Технологии производства продуктов питания	+	+				+	+		+

Окончание табл. 3

Сфера сотрудничества	Страна*								
	Г	П	Ш	Д	Ф	Н	Ли	Ла	Э
Добыча, переработка морепродуктов, аквакультура						+			
Подводные технологии						+			
Экологическое строительство	+				+				
Технологии поиска, разведки, разработки месторождений полезных ископаемых		+	+						
Морские технологии (судоходство, разведка нефти и газа на шельфе и др.)	+	+		+		+			
Арктические технологии (включая технологии судостроения для Арктики)	+				+	+	+		
Управление лесными ресурсами		+						+	
Городское хозяйство (водоочистка, «умные системы», «зеленые технологии»)	+			+					
Охрана природы, природопользование	+	+	+	+	+	+	+	+	+

* Г — Германия, П — Польша, Ш — Швеция, Д — Дания, Ф — Финляндия, Н — Норвегия, Ли — Литва, Ла — Латвия, Э — Эстония.

Для более активного участия приграничных субъектов РФ в сотрудничестве с зарубежными соседями весьма важно было бы принятие федерального закона о приграничном сотрудничестве. В частности, в последнем проекте закона о приграничном сотрудничестве среди перечисленных его направлений указаны «Разработка и реализация совместных научных и научно-технических программ и проектов»; «Сотрудничество при осуществлении инвестиционных проектов и производственно-техническое сотрудничество...» [24].

К сожалению, принятие этого закона, крайне важного для развития приграничных связей, в том числе в инновационной сфере, уже многие годы откладывается, хотя приграничное сотрудничество быстро развивается вдоль большей части сухопутной границы России, в том числе с пограничными территориями стран Евросоюза.

Подводя итог краткому рассмотрению вопроса о развитии сотрудничества России и государств ЕС в инновационной сфере на Балтике, следует подчеркнуть, что целесообразно использовать опыт, накопленный Европейским союзом в организации сетевых взаимодействий субъектов разных стран на Балтике. Российские организации уже участвуют в таких взаимодействиях, но инициатива их развития чаще всего исходит от партнеров из стран ЕС, поскольку сетевые проекты и программы создаются и финансируются преимущественно Евросоюзом. В российских интересах разработать механизм содействия формированию и развитию международных проектов с соответствующим фи-

нансированием и подбором приоритетов, актуальных для развития инновационной сферы в России.

Перспективным видится создание по крайней мере двух трансграничных инновационных кластеров, их центрами с российской стороны могли бы стать Санкт-Петербург и Калининград. В этом случае Санкт-Петербург с Ленинградской областью, а также Калининградская область получили бы больше возможностей для превращения их в регионы — коридоры развития между РФ и ЕС, внедряющие инновации, поступающие от обеих взаимодействующих сторон [8], стали бы полюсами инновационного роста российской экономики.

Список литературы

1. Баранова Ю. В. О международном сотрудничестве Северо-Запада России в инновационной сфере на Балтике // Балтийский регион. 2012. №4. С. 150—166. doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-12.
2. Белова А. В. Инструменты научно-технического сотрудничества России и Европейского союза в инновационной сфере // Балтийский регион. 2012. №4. С. 137—149. doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-11.
3. Волошенко К. Ю. Методические основы сравнительной оценки научно-технического потенциала России и ЕС: региональный и международный аспекты // Балтийский регион. 2012. №4. С. 22—38. doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-2.
4. Воронов В. В. Оценка и факторы роста инновационной конкурентоспособности регионов Латвии // Балтийский регион. 2012. №4. С. 7—21. doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-1.
5. Глоссарий. ru: Исследовательские сети. URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlxxrlkuigylr;xqol!xlyo (дата обращения: 06.01.2013).
6. Зверев Ю. М., Баторшина И. А., Мегем М. Е. Научно-технологическое развитие Литвы и перспективы сотрудничества в инновационной сфере между Литвой и Российской Федерацией // Балтийский регион. 2011. №2. С. 55—63. doi: 10.5922/2074-9848-2011-2-6.
7. Клемешев А. П. Сравнительная оценка инновационного потенциала стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2011. №2. С. 48—54. doi: 10.5922/2074-9848-2011-2-5.
8. Клемешев А. П., Федоров Г. М. От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2004.
9. Клемешев А. П., Федоров Г. М., Зверев Ю. М. О потенциале и возможностях сотрудничества Российской Федерации со странами Балтии в инновационной сфере // Балтийский регион. 2011. №3. С. 88—97. doi: 10.5922/2074-9848-2011-3-9.
10. Кузнецова Т. Ю., Гапанович А. В. Международное научное сотрудничество в Балтийском регионе: наукометрический анализ // Балтийский регион. 2012. №4. С. 82—96. doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-7.
11. Лейцин В. Н., Дмитриева М. А. О перспективах взаимодействия российской и литовской инновационных структур // Балтийский регион. 2011. №2. С. 80—94. doi: 10.5922/2074-9848-2011-2-8.

12. *Межевич Н. М., Прибышин Т. К.* Инновационная экономика в регионе Балтийского моря // Балтийский регион. 2012. №3(13). С. 59—72. doi: 10.5922/2074-9848-2012-3-4.
13. *Мекинен Х.* Инновационный процесс в регионе Балтийского моря // Балтийский регион. 2012. №3. С. 73—86. doi: 10.5922/2074-9848-2012-3-5.
14. *Мычко Е. И., Амтор У., Зёлко А. С.* К вопросу о международном сотрудничестве в инновационной сфере современной высшей школы // Балтийский регион. 2011. №2. С. 112—116. doi: 10.5922/2074-9848-2011-2-11.
15. *Новая Европейская стратегия «Европа 2020».* URL: <http://eulaw.ru/content/307> (дата обращения: 9.01.2013).
16. *Пальмовский Т.* Новая Балтийская биполярная модель межрегионального сотрудничества // Вестник Калининградского государственного университета. 2004. №6. С. 66—75.
17. *Регионы России. Социально-экономические показатели, 2011 г. М., 2011.*
18. *Симаева И. Н., Кузнецова Т. Ю., Короткевич М. И.* Модернизация образования и науки в России, Польше и Литве: сравнительный анализ // Балтийский регион. 2011. №2. С. 95—101. doi: 10.5922/2074-9848-2011-2-9.
19. *Российский статистический ежегодник, 2012 г. М., 2013. С. 324—325.* URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statisticCollections/doc_1135087342078 (дата обращения: 06.01.2013).
20. *Россия в цифрах — 2012 г. М., 2013.* URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d2/22-08.htm (дата обращения: 04.01.2013).
21. *Рябиченко А. В., Кузнецова Т. Ю.* Университеты Северо-Западного федерального округа в российско-шведском и российско-финском сотрудничестве // Балтийский регион. 2012. №3(13). С. 161—168. doi: 10.5922/2074-9848-2012-3-11.
22. *Стратегия социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года.* URL: http://minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/szfo/ (дата обращения: 06.01.2013).
23. *Трансграничное сотрудничество.* URL: http://www.rakennerahastot.fi/rakennerahastot/tiedostot/euroopan_alueellinen_yhteistyö/TEM_esite_EAY_ENPI_yhteistyö_yli_rajojen_RUS_lores.pdf (дата обращения: 08.01.2013).
24. *Федеральный закон о приграничном сотрудничестве. Проект.* URL: <http://council.gov.ru/files/journalsf/item/20080331103717.pdf> (дата обращения: 06.01.2013).
25. *Федоров Г. М.* Северо-Запад России: потенциал и направления российско-литовского сотрудничества в сфере науки и инноваций // Балтийский регион. 2011. №2(8). С. 64—79. doi: 10.5922/2074-9848-2011-2-7.
26. *Федоров Г. М., Волошенко Е. В., Михайлова А. А. и др.* Территориальные различия инновационного развития Швеции, Финляндии и Северо-Западного федерального округа РФ // Балтийский регион. 2012. №3(13). С. 87—102. doi: 10.5922/2074-9848-2012-3-6.
27. *Фидря Е. С., Левина Р. С.* Перспективы предпринимательства в формировании новых рынков высокотехнологичной продукции в регионе Балтийского моря // Балтийский регион. 2012. №4. С. 39—48. doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-3.

28. *Gross domestic product 2010*. URL: [PPPhttp://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/GDP_PPP.pdf](http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/GDP_PPP.pdf) (дата обращения: 04.01.2013).

29. *European Commission*. Eurostat. Population. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/main_tables (дата обращения: 04.01.2013).

30. *European Commission*. Eurostat. Science, Technology and Innovation. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/science_technology_innovation/data/main_tables (дата обращения: 04.01.2013).

31. *Kivikari Urpo*. A Growth Triangle as an Application of the Northern Dimension Policy in the Baltic Sea Region. Russian-Europe Centre for Economic Policy. Policy Paper. URL: <http://www.etela-suomi.fi/english/pdf/kivikari> (дата обращения: 15.03.2008).

Об авторе

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

INNOVATIONS IN THE BALTIC AND NETWORK COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE EU

G. M. Fedorov

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on January 17, 2013

The processes of transnational (i. e. one that involves countries) and cross-border (involving adjacent regions of different countries) cooperation and integration are rapidly developing across all fields in the Baltic Sea area, including the field of innovations. Russia lags behind the Nordic countries and Germany as far as innovative development is concerned, yet our national pace here is comparable to that of Poland and the three Baltic States. At the same time, the types of innovative cooperation vary a great deal depending on the group of countries involved in cooperation processes. Independent of its type, however, international cooperation is beneficial for all parties concerned and should therefore be more actively encouraged. Northwestern Federal District traditionally plays a special role in the development of Russia-EU cooperation since a number of its constituent areas border on the EU

countries. The District participates in the development of network innovative structures both within the Baltic region and in cross-border cooperation; an activity which involves the formation of transborder innovative clusters. There are high expectations associated with the formation of such territorially localised innovative networks, as the Helsinki-Saint Petersburg-Tallinn and Tricity (Gdansk, Gdynia, Sopot)-Kaliningrad-Klaipeda transborder innovative clusters. The city of Saint Petersburg and the adjacent Leningrad region, as well as the Kaliningrad region can become innovative development corridors between Russia and the EU and, in time, develop into the 'economic growth poles' of the Russian Federation.

Key words: innovations, innovative capacity, network international cooperation, transborder innovative cluster, Baltic region, Northwestern Federal District

References

1. Baranova, Yu. V. 2012, O mezhdunarodnom sotrudnichestve Severo-Zapada Rossii v innovacionnoj sfere na Baltike [On the international cooperation of North-West Russia in the field of innovations in the Baltic], *Balt. reg.*, no. 4, p.150—166. doi: 10.5922/2079-8555-2012-4-12.
2. Belova, A. V. 2012, Instrumenty nauchno-tehnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Evropejskogo sojuza v innovacionnoj sfere [The instruments of Russia — EU research and technological cooperation in the sphere of innovations], *Balt. reg.*, no. 4, p.137—149. doi: 10.5922/2079-8555-2012-4-11.
3. Voloshenko, K. Yu. 2012, Metodicheskie osnovy sravnitel'noj ocenki nauchno-tehnicheskogo potenciala Rossii i ES: regional'nyj i mezhdunarodnyj aspekty [The methodological bases of comparative evaluation of scientific and technological potential of Russia and the EU: regional and international aspects], *Balt. reg.*, no. 4, p.22—38. doi: 10.5922/2079-8555-2012-4-2.
4. Voronov, V. V. 2012, Ocenka i faktory rosta innovacionnoj konkurentosposobnosti regionov Latvii [The evaluation and factors of increase in innovative competitiveness of Latvian regions], *Balt. reg.*, no. 4, p.7—21. doi: 10.5922/2079-8555-2012-4-1.
5. *Glossarij. ru: Issledovatel'skie seti* [Glossarij. ru: Research Network], available at: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?Rlxxrlkuigylyr;xqol!xlyo (accessed 6 January 2012).
6. Zverev, Yu. M., Batorshina, I. A., Megem, M. Ye. 2011, Nauchno-tehnologicheskoe razvitie Litvy i perspektivy sotrudnichestva v innovacionnoj sfere mezhdou Litvoj i Rossijskoj [The research and technology development in Lithuania and the prospects of research and technology cooperation between Lithuania and the Russian Federation], *Balt. reg.*, no. 2, p. 55—63. doi: 10.5922/2079-8555-2011-2-6.
7. Klemeshev, A. P. 2011, Sravnitel'naja ocenka innovacionnogo potenciala stran Baltijskogo regiona [A comparative assessment of the innovative potential of the Baltic region countries], *Balt. reg.*, no. 2, p. 48—54. doi: 10.5922/2079-8555-2011-2-5.

8. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M. 2004, *Ot izolirovannogo jeksklava — k «koridoru razvitija»*. *Al'ternativy rossijskogo jeksklava na Baltike* [From an isolated enclave — a "corridor development". Alternative to the Russian exclave on the Baltic Sea], Kaliningrad, Izdatel'stvo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 253 p.

9. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M. 2011, O potencie i vozmozhnostjakh sotrudnichestva Rossijskoj Federacii so stranami Baltii v innovacionnoj sfere [On the potential and opportunities for cooperation between the Baltics in the field of innovations], *Balt. reg.*, no. 3, p. 88—97. doi: 10.5922/2079-8555-2011-3-9.

10. Kuznetsova, T. Yu., Gapanovich, A. V. 2012, Mezhdunarodnoe nauchnoe sotrudnichestvo v Baltijskom regione: naukometričeskij analiz [International research cooperation in the Baltic region: a scientometric analysis] *Balt. reg.*, no. 4, p.82—96. doi: 10.5922/2079-8555-2012-4-7.

11. Leitsin, V. N., Dmitriyeva, M. A. 2011, O perspektivah vzaimodejstvija rossijskoj i litovskoj innovacionnyh struktur [On the prospects of cooperation between Russian and Lithuanian innovation structures], *Balt. reg.*, no. 2, p. 80—94. doi: 10.5922/2079-8555-2011-2-8.

12. Mezhevich, N. M., Pribyshin, T. K. 2012, Innovacionnaja jekonomika v regione Baltijskogo morja [Innovative economy in the Baltic Sea region], *Balt. reg.*, no. 3 (13), p.59—72. doi: 10.5922/2079-8555-2012-3-4.

13. Mäkinen, H. 2012, Innovacionnyj process v regione Baltijskogo morja [The innovative process in the Baltic Sea region], *Balt. reg.*, no. 3 (13), p.73—86. doi: 10.5922/2079-8555-2012-3-5.

14. Mychko, Ye. I., Amthor, U. Zjolko, A. S. 2011, K voprosu o mezhdunarodnom sotrudnichestve v innovacionnoj sfere sovremennoj vysshej shkoly [On international innovation cooperation at modern universities], *Balt. reg.*, no. 2, p. 112—116. doi: 10.5922/2079-8555-2011-2-11.

15. *Novaja Evropejskaja strategija «Evropa 2020»* [The new European strategy "Europe 2020"], available at: <http://eulaw.ru/content/307> (accessed 9 January 2013).

16. Palmowski, T. 2004, Novaja Baltijskaja bipoljarnaja model' mezhrefional'nogo sotrudnichestva [New Baltic bipolar model of interregional cooperation], *Vestnik Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kaliningrad State University], no. 6, p. 66—75.

17. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli, 2011* [Regions of Russia. Socio-economic indicators, 2011], 2011. Moscow, Rosstat, 990 p.

18. Simayeva, I. N., Kuznetsova, T. Yu., Korotkevich, M. I. 2011, Modernizacija obrazovanija i nauki v Rossii, Pol'she i Litve: sravnitel'nyj analiz [The education and research modernisation in Russia, Poland, and Lithuania: a comparative analysis], *Balt. reg.*, no. 2, p. 95—101. doi: 10.5922/2079-8555-2011-2-9.

19. *Rossijskij statističeskij ezhegodnik, 2012* [Statistical Yearbook, 2012], Moscow, Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki, p. 324—325, available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statistic/Collections/doc_1135087342078 (accessed 6 January 2013).

20. *Rossija v cifrah — 2012* [Russia by the Numbers — 2012], Moscow, Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki, available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_11/IssWWW.exe/Stg/d2/22—08.htm (accessed 4 January 2013).

21. Ryabichenko, A. V., Kuznetsova, T. Yu. 2012, Universitety Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga v rossijsko-shvedskom i rossijsko-finskom sotrudnichestve [Universities of the Northwestern federal district in Russian-Finnish research cooperation], *Balt. reg.*, no. 3 (13), p.161—168. doi: 10.5922/2079-8555-2012-3-11.

22. *Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga na period do 2020 goda* [Strategy for Socio-Economic Development of the North-West Federal District 2020], available at: http://minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/federal_development/szfo/ (accessed 6 January 2013).

23. Transgranichnoe sotrudnichestvo [Cross-border cooperation], available at: http://www.rakenerahastot.fi/rakenerahastot/tiedostot/euroopan_alueellinen_yhteistyö/TEM_esite_EAY_ENPI_yhteistyö_yli_rajohen_RUS_lores.pdf (accessed 8 January 2013).

24. *Federal'nyj zakon o prigranichnom sotrudnichestve. Proekt* [Federal law on cross-border cooperation. Project], available at: <http://council.gov.ru/files/journalsf/item/20080331103717.pdf> (accessed 6 January 2013).

25. Fedorov, G.M. 2011, Severo-Zapad Rossii: potencial i napravlenija rossijsko-litovskogo sotrudnichestva v sfere nauki i innovacij [The Northwest of Russia: the potential and areas of Russian-Lithuanian research and innovation cooperation], *Balt. reg.*, no. 2 (8), p.64—79. doi: 10.5922/2079-8555-2011-2-7.

26. Fedorov, G. M., Voloshenko, Ye. V., Mikhailova, A. A., Osmolovskaya, L. G., Fedorov, D. G. 2012, Territorial'nye razlichija innovacionnogo razvitija Shveicii, Finljandii i Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga RF [Territorial differences in the innovative development of Sweden, Finland, and the Northwestern federal district of the Russian Federation], *Balt. reg.*, no. 3 (13), p. 87—102. doi: 10.5922/2079-8555-2012-3-6.

27. Fidrya, Ye. S., Levina, R. S. 2012, Perspektivy predprinimatel'stva v formirovanii novyh rynkov vysokotekhnologichnoj produkcii v regione Baltijskogo morja [The prospects of entrepreneurship in the formation of new hi-tech markets in the Baltic Sea region], *Balt. reg.*, no. 4, p. 39—48. doi: 10.5922/2079-8555-2012-4-3.

28. Gross domestic product 2010, available at: http://siteresources.worldbank.org/DATASTATISTICS/Resources/GDP_PPP.pdf (accessed 4 January 2013).

29. European Commission. Eurostat. Population, available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/main_tables (accessed 4 January 2013).

30. European Commission. Eurostat. Science. Technology and Innovation, available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/science_technology_innovation/data/main_tables (accessed 4 January 2013).

31. Kivikari, U. 2001. A Growth Triangle as an Application of the Northern Dimension Policy in the Baltic Sea Region. Russian-Europe Centre for Economic Policy, *Policy Paper*, available at: <http://www.etela-suomi.fi/english/pdf/kivikari> (accessed 15 March 2008).

About the author

Prof. Gennady M. Fedorov, director of the Institute of Environmental Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

УДК 341.24

**УПРАВЛЕНИЕ
ТРАНСГРАНИЧНЫМИ
ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО
И АМЕРИКАНСКОГО
ОПЫТА**

Д. А. Ланко*

Сравнивается опыт участия Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в институтах международного сотрудничества в сфере управления трансграничными водными ресурсами на примере Российско-Эстонской комиссии по охране и рациональному использованию трансграничных вод и Американско-Канадской совместной международной комиссии. Отмечается, что принципиальное различие между этими двумя институтами международного взаимодействия заключается в том, что в основе работы Российско-Эстонской комиссии лежит принцип межправительственного сотрудничества, в то время как работа Американско-Канадской комиссии строится в соответствии с моделью, предлагаемой сторонниками теории транснационализма. При этом эффективность работы Российско-Эстонской комиссии с точки зрения улучшения водохозяйственной обстановки в регионе ее ответственности выше, чем у Американско-Канадской. Это не дает возможности говорить о межправительственном сотрудничестве как о более эффективном по сравнению с транснациональным, однако позволяет усомниться в выводах сторонников теории транснационализма об однозначно большей эффективности последнего. Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы позволяют сформулировать рекомендации относительно дальнейшей модернизации международного сотрудничества в сфере управления трансграничными водными ресурсами.

* Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 21.11.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-2

© Ланко Д. А., 2013

Ключевые слова: международные отношения, международные соглашения, Россия, Эстония, США, Канада, трансграничное сотрудничество, охрана окружающей среды, управление водными ресурсами, теория транснационализма, межправительственная модель

Ожидается, что 2013 г. станет знаковым для международного трансграничного сотрудничества в сфере охраны и рационального использования водных ресурсов рек и озер, по которым проходят государственные границы, не только в Балтийском регионе и даже не только в Европе в целом, но и в масштабах всего мира. В 2013 г. вступят в силу одобренные сторонами за десять лет до этого поправки к Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, более известной среди экспертов как Хельсинская конвенция [1]. Эта Конвенция была подписана в 1992 г. под эгидой Европейской экономической комиссии ООН; она определила правовой статус трансграничных водных объектов в Европе, где государственные границы проведены по более 150 крупным рекам и более 50 крупным озерам. Хельсинская конвенция равно важна и для Южной Европы, в первую очередь из-за фактора Дуная, и для Балтийского региона.

В Балтийском регионе такие реки, как Висла, Вуокса, Западная Двина, Мамоновка, Нарва, Неман, Одер, Турне-Эльв и Швянтойи, а также свыше десятка меньших рек протекают по территории двух, а иногда и более государств. Здесь же располагается Чудское озеро — крупнейшее озеро Эстонии, по которому проходит часть государственной границы между Эстонией и Россией. Однако трансграничные реки не являются исключительно европейским феноменом. Некоторые реки протекают частично по территории европейских государств, а частично — по территории стран Ближнего Востока или Азии. Осознание значимости данной проблемы и привело к принятию в 2003 г. поправок к Хельсинской конвенции, согласно которым теперь ее участниками могут становиться не только европейские страны. Ожидается, что в 2013 г. эти поправки будут ратифицированы большинством стран — участниц Хельсинской конвенции и, таким образом, вступят в силу.

Это повышает актуальность сравнительных исследований опыта международного управления трансграничными водными ресурсами, в которых не только анализировался бы опыт различных европейских стран, но и проводилось бы сравнение европейских моделей с теми, которые используются за пределами Европы. Тем более что некоторые из этих моделей гораздо старше, чем их европейские аналоги. В данной статье будет проведено сравнение российского и американского опыта на примерах участия России в институтах совместного с Эстонией управления трансграничными водными ресурсами и участия США в аналогичных совместных институтах с Канадой. В отличие от российско-эстонских институтов управления трансграничными водами, появившихся после распада СССР в 1990-х гг., аналогичные американско-канадские институты были созданы еще в начале XX в. Соответствующий Договор был подписан в 1909 г. между США и Великобританией [2], поскольку Канада на тот момент оставалась британским доминионом.

Важнейшим фактором подписания договора стал разворот реки Чикаго, предпринятый американцами с целью не допустить попадания сточных вод города Чикаго, которые в то время не подвергались очистке, в озеро Мичиган — источник питьевой воды для этого города. В 1990 г. было завершено строительство нового канала, благодаря чему река Чикаго начала течь в противоположном направлении: из озера Мичиган через реки Чикаго и Иллинойс в реку Миссисипи и далее на юг в Мексиканский залив. С одной стороны, это позволило снизить эпидемическую угрозу в Чикаго, где в 1885 г. 90 тыс. человек, что составило почти 10% населения города, умерли от холеры в результате того, что водозабор осуществлялся из того же источника, куда сбрасывались неочищенные сточные воды. С другой стороны, уровень озера Мичиган в результате разворота реки Чикаго снизился почти на 15 см, что привело к ухудшению водоснабжения населенных пунктов по берегам Великих американских озер, в том числе и в Канаде.

Гидротехнические сооружения, оказавшие серьезное влияние на водные объекты, расположенные вдоль сегодняшней границы между Российской Федерацией и Эстонской Республикой, были построены в советский период, когда в этом месте проходила не государственная, а административная граница между РСФСР и ЭССР. В 1956 г. было завершено строительство Нарвской гидроэлектростанции, напорные сооружения которой образовали крупное Нарвское водохранилище площадью почти 200 км². Сегодня гидроэлектростанция располагается на российской территории и принадлежит ОАО ТГК-1. Состояние гидротехнических сооружений гидроэлектростанции стало одним, хоть и не самым важным, из вопросов повестки дня российско-эстонского сотрудничества в сфере совместного управления трансграничными водными ресурсами, в основе которого лежит Соглашение между правительствами России и Эстонии, подписанное в 1997 г. [3].

Появившаяся в последнее время научная литература по проблематике международного сотрудничества в сфере управления водными ресурсами уделяет особое внимание данным вопросам в тех регионах мира, где нехватка водных ресурсов может стать или уже является одним из важнейших факторов возникновения международных конфликтов. Эффективное управление водными ресурсами, таким образом, становится в этих регионах вопросом войны и мира. Здесь можно указать на работу И. Е. Нестеровой, в которой на примере бассейнов рек Нил, Иордан, Тигр и Евфрат демонстрируется, как нехватка водных ресурсов может стать основанием для развертывания традиционных конфликтов между государствами [4]. При этом за пределами внимания ученых остается проблематика международного сотрудничества в данной сфере в тех регионах мира, где в силу богатства их водными ресурсами нехват-

ка воды не может в обозримом будущем стать причиной вооруженного конфликта.

Пограничные регионы России и Эстонии и США и Канады как раз относятся к регионам, богатым водными ресурсами, что обуславливает их сопоставимость с точки зрения данного сравнительного исследования. Несмотря на многочисленные противоречия как по вопросу охраны вод, так и в других сферах, США и Канада остаются друг для друга важнейшими партнерами, их сотрудничество эффективно в ряде областей, включая и совместную охрану трансграничных вод, хотя здесь и есть свои проблемы, о чем будет сказано ниже. Случай России и Эстонии принципиально иной: несмотря на интенсивные внешнеэкономические отношения, многочисленные культурные связи и личные контакты жителей, политические отношения между Россией и Эстонией оставляют желать лучшего. В данном контексте сотрудничество сторон в области управления трансграничными водами, хотя и оно не свободно от противоречий, может служить примером эффективности для других сфер двусторонних отношений, где ситуация не столь хороша.

Сопоставимость названных случаев с точки зрения их сравнительного анализа обуславливается и некоторыми другими факторами. Во-первых, существует обширная литература, в которой сравниваются как национальное законодательство, так и практика его применения в сфере охраны окружающей среды в России и США. Среди прочих нельзя не упомянуть работу Л.В. Кошечевой, в которой две главы уделены сравнительному анализу политики по обеспечению качества воды в США и России [5]. Во-вторых, в каждом из случаев речь идет о сотрудничестве государств, серьезно отличающихся по критерию политического влияния, благодаря чему одна из сторон (США и Россия) имеют значительные возможности для оказания давления на другую сторону (Канаду и Эстонию соответственно). Именно поэтому, хотя в статье речь идет о двух случаях двустороннего сотрудничества, в ее заголовке упоминается сравнительный анализ лишь российского и американского опыта.

Наконец, в-третьих, если Канада и Эстония охотно делегируют часть своего национального суверенитета транснациональным международным институтам, включая (в случае Эстонии) и институты Европейского союза, то для США и России максимальное обеспечение своего суверенитета при решении большинства международных вопросов является краеугольным камнем внешней политики. Любопытно, что в схожих условиях, как это было описано выше, для совместного управления трансграничными водными ресурсами были созданы принципиально разные модели институтов сотрудничества: Американо-Канадская совместная международная комиссия (Joint International Commission) действует на основе транснациональной модели, в то время как Российско-Эстонская комиссия по охране и рациональному использо-

ванию трансграничных вод — на основе межправительственной модели, позволяющей сторонам максимально сохранять национальный суверенитет при решении спорных вопросов.

В основу методологии данного сравнительного исследования положены наработки, сделанные в рамках теории транснационализма, согласно которой роль национальных государств, обладающих полной суверенитета, в современных международных отношениях снижается, поскольку такие государства якобы оказываются менее эффективными по сравнению с транснациональными международными институтами, которые не зависят от правительств национальных государств. Одной из классических работ по теории транснационализма можно назвать статью Р. Кеохейна, Э. Моравчика и А. М. Слотер, где авторы демонстрируют эффективность транснациональных международных институтов на примере международных судов, например, Международного уголовного суда [6]. Теория транснационализма была крайне популярна на рубеже XX — XXI вв., однако сегодня, более чем десятилетие спустя, основные положения этой теории все чаще подвергаются сомнению со стороны ученых, в том числе российских исследователей.

В данном контексте нельзя не вспомнить работу Н. М. Межевича и М. А. Сальниковой, в которой они, не задаваясь вопросом об эффективности транснациональных институтов, ставят под сомнение возможность осуществления ими своих функций в отсутствие национальных государств, по-прежнему обладающих почти полной монополией на применение военной силы в международных отношениях [7]. Соответственно, делают вывод авторы работы, тезис о якобы снижении роли национальных государств в современных международных отношениях не до конца верен. Однако они не ставят вопрос о том, насколько верным является тезис о якобы большей эффективности транснациональных международных институтов по сравнению с институтами межправительственными. А ведь этот вопрос крайне актуален, особенно в условиях, когда эффективность международных судов, на пример которых опирались классики теории транснационализма, формулируя ее основные тезисы, подвергается сомнению.

Так, вызывает вопросы эффективность Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., и других аналогичных институтов. Целью исследования, положенного в основу данной статьи, как раз и было сравнение эффективности двух комиссий: Американско-Канадской, построенной на основе транснациональной модели, и Российско-Эстонской, основанной на межправительственной модели, с точки зрения их эффективности. Основное отличие транснациональной и межправительственной моделей здесь заключается в том, что при использовании

первой модели соответствующий международный институт (в данном случае — комиссия) принимает решения независимо от позиций государств, создавших его; этим государствам отводится лишь функция по обеспечению выполнения решений комиссии конкретными хозяйствующими субъектами.

Именно по такому принципу формируется Американо-Канадская комиссия. Она состоит из шести членов: трое из них назначаются Президентом США после консультаций и с одобрения Сената США, трое других — генерал-губернатором Канады по представлению премьер-министра (как правило, это не чиновники, а экологи). Так, в начале 2013 г. членами комиссии от США были Л. Поллак, ранее возглавлявшая Экологический совет штата Мичиган, Р. Мой, бывший руководитель Бассейновой комиссии озера Флэтхэд, и Д. Гланс, в прошлом — исполнительный директор программ Гражданской инициативы за чистую окружающую среду. Членами комиссии со стороны Канады стали Дж. Комуцци, бывший депутат парламента региона Тандер Бэй — Нипигон (сегодня этот регион называется *Thunder Bay — Superior North*) в канадской провинции Онтарио, и Л.Д. Нотт, член совета директоров нескольких благотворительных организаций; должность третьего члена комиссии от Канады оставалась вакантной.

Члены комиссии несменяемы на протяжении всего периода действия их полномочий, что обеспечивает независимость принимаемых ими решений от правительств делегировавших их стран. Более того, в Договоре 1909 г., учреждающем комиссию, зафиксировано, что ее члены должны принимать решения, исходя из соображений целесообразности, а не опираясь на мнение своих правительств. Таким образом, в работе Американо-Канадской комиссии в полной мере реализуется принцип транснационализма. Формирование же Российско-Эстонской комиссии осуществляется по межправительственному принципу, ее членами становятся государственные служащие двух стран, назначаемые в комиссию по должности.

Основная работа комиссии лежит на плечах ее сопредседателей; с эстонской стороны на протяжении всего срока существования комиссии сопредседателем является канцлер Министерства окружающей среды — формально «техническая» должность. На практике, однако, должность канцлера нельзя назвать полностью независимой от влияния партийных баталий. Так, с 2005 по 2007 г., пока во главе эстонского Министерства окружающей среды стояли представители Народного союза В. Рейльян и Р. Рандвер, должность канцлера занимала близкая к руководству этой партии А. Уудэлепп (до 2006 г. — Велтхут). Более того, она проработала в этой должности еще почти полтора года после парламентских выборов 2007 г., по результатам которых должность Министра окружающей среды отошла к представителям Реформист-

ской партии; в 2007 г. ее занял Я. Таммкиви. Летом 2008 г. А. Уудэлепп подала в отставку, и канцлером Министерства, а соответственно и сопредседателем Российско-Эстонской комиссии, стала профессиональный юрист, много лет работавшая в Министерстве окружающей среды Р. Аннус. Она оставалась на этой должности и после парламентских выборов 2011 г., по результатам которых Министром окружающей среды уже стал другой представитель Реформистской партии — К. Пентус.

Что касается сопредседателя Российско-Эстонской комиссии с российской стороны, то эта должность в гораздо меньшей степени, чем в Эстонии, зависима от межпартийных отношений. В 2005 г. сопредседателем стала М.В. Селиверстова после назначения ее заместителем руководителя Федерального агентства водных ресурсов. Должность Министра природных ресурсов в это время занимал Ю.П. Трутнев. В 2008 г. ведомство было преобразовано в Министерство природных ресурсов и экологии, однако Ю.П. Трутнев остался министром. В 2009 г. М.В. Селиверстова была назначена руководителем Федерального агентства водных ресурсов, однако осталась сопредседателем Российско-Эстонской комиссии с российской стороны. Она продолжила занимать эту должность и после президентских выборов 2012 г., по результатам которых премьер-министром стал Д.А. Медведев, а пост Министра природных ресурсов и экологии занял С.Е. Донской. Таким образом, Российско-Эстонская комиссия формируется по межправительственному принципу.

Об эффективности работы Российско-Эстонской комиссии можно судить, в первую очередь, по улучшению водохозяйственной обстановки в бассейне реки Нарвы, включая Чудское, Теплое и Псковское озера, которое из года в год отмечала комиссия в протоколах своих заседаний [8]. Между сторонами были и остаются разногласия, например, по вопросу о применимости в работе комиссии стандартов Европейского союза: это неприемлемо для российской стороны в силу того, что сохранение национального суверенитета является краеугольным камнем внешней политики страны, включая и такой ее аспект, как международное сотрудничество в сфере охраны окружающей среды. Однако водохозяйственная обстановка в регионе продолжала улучшаться. И это происходило не только благодаря снижению в регионе промышленного производства после распада СССР, но и за счет проведения водохозяйственных мероприятий, включая строительство очистных сооружений в Восточной Эстонии и в Псковской и Ленинградской областях.

Что же касается эффективности работы Американо-Канадской комиссии, то она не столь однозначна. В ряде сфер наблюдается и ухудшение контрольных показателей, например в обеспечении качества воды. Можно предположить, что ухудшение водохозяйственной обстановки здесь связано с промышленным ростом; аналогично Г.О. Ярыгин приходит к выводу о том, что ухудшение экологической обстановки в Канаде в

сфере изменения климата становится следствием роста добычи нефти и природного газа [9]. Однако ухудшение качества воды в регионе Великих озер нельзя объяснить фактором промышленного роста; напротив, здесь наблюдается спад промышленного производства, например в районе Детройта. Как представляется, ухудшение водохозяйственной обстановки связано с неспособностью сторон договориться о конкретных обязательствах по уменьшению нагрузки на водную среду и о координации усилий при проведении водохозяйственных мероприятий.

В сентябре 2012 г. США и Канада договорились о внесении очередных поправок в двухстороннее Соглашение о качестве воды в Великих озерах 1978 г. [10]; предыдущие поправки к этому Соглашению принимались в 1983 и 1987 гг. С одной стороны, принятие таких поправок означает существенное изменение в экологическом измерении внешней политики США. Ведь впервые в соглашение такого рода было внесено требование о соотношении проводимых водохозяйственных мероприятий с целями и задачами международного сотрудничества по проблеме изменения климата. До прихода к власти администрации Б. Обамы США отказывались вносить упоминания об изменении климата в международные соглашения по проблематике охраны окружающей среды. Однако, как и в предыдущих редакциях Соглашения, новая редакция не содержит конкретных обязательств сторон по снижению нагрузки на воду, например обязательств по максимальному содержанию в воде ртути. В результате, как констатируют Дж. Брюс и К. Вуд, качество воды в Великих озерах продолжает ухудшаться [11].

Подводя итоги, не представляется возможным заявлять на основе сравнительного анализа только двух случаев — российского и американского опыта международного сотрудничества в сфере управления трансграничными водными объектами — об однозначном преимуществе межправительственной модели сотрудничества, используемой в российско-эстонском взаимодействии, перед транснациональной моделью, принятой в американо-канадском сотрудничестве. Чтобы сформулировать такой вывод, необходимо провести дополнительные исследования различных форм взаимодействия в этой, пока недостаточно изученной сфере трансграничного сотрудничества. Однако сравнение приведенных двух моделей позволяет, по крайней мере, усомниться в беспорности выводов тех исследователей, кто пишет об однозначном преимуществе транснациональной модели перед моделью, основанной на принципе межправительственного взаимодействия.

Список литературы

1. *Конвенция* по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер. Хельсинки, 17 марта 1992 г. URL: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/watercong.pdf> (дата обращения: 11.12.2012).

2. *Treaty between the United States and Great Britain Relating to Boundary Waters, and Questions Arising between the United States and Canada*. Signed at Washington on January 11, 1909. URL: <http://bwt.ijc.org/index.php?page=Treaty-Text&hl=eng> (дата обращения: 11.12.2012).

3. *Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных вод*. Москва, 20 августа 1997 г. URL: <http://voda.mnr.gov.ru/part/?act=more&id=459&pid=961> (дата обращения: 11.12.2012).

4. *Нестерова И. Е.* «Водная карта» в глобальном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 3. С. 53—62.

5. *Kochtcheeva L. V.* *Comparative Environmental Regulation in the United States and Russia: Institutions, Flexible Instruments and Governance*. Albany, 2009.

6. *Keohane R. O., Moravcsik A., Slaughter A. M.* *Legalized Dispute Resolution: Interstate and Transnational* // *International Organization*. 2000. Vol. 54, №3: *Legalization and World Politics (Summer)*. P. 457—488.

7. *Межевич Н. М., Сальникова М. А.* Изменение места и роли национального государства в транснациональном мире и в развитии трансграничного сотрудничества // *Управленческое консультирование: научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы*. 2006. №1. С. 141—153.

8. *Eesti-Vene piiriveekogude kaitse ja kasutamise ühiskomisjoni protokollid*. Aastad 1998—2011. URL: <http://www.envir.ee/1126098> (дата обращения: 11.12.2012).

9. *Ярыгин Г. О.* Прогнозы развития углеводородного сектора энергетики Канады и его воздействия на окружающую среду // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 4. С. 57—63.

10. *Protocol Amending the Agreement between the United States of America and Canada on Great Lakes Water Quality, 1978, as amended on October 16, 1983, and November 18, 1987*. Signed at Washington on September 7, 2012. URL: http://www.epa.gov/grtlakes/glwqa/20120907-Canada-USA_GLWQA_FINAL.pdf (дата обращения: 11.12.2012).

11. *Bruce J. P., Wood C.* *Canada — U.S. Water Quality: One Step Forward, Two Steps Back* // *The Star (Toronto)*. 2012. September 16.

Об авторе

Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: dimppa@hotmail.com

MANAGEMENT OF TRANS-BOUNDARY WATER RESOURCES:
COMPARING RUSSIAN AND AMERICAN EXPERIENCES

D. A. Lanko

Saint Petersburg State University
7—9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received on November 21, 2012

This article is based on a comparative analysis of Russian and US experience of participation in international cooperation institutions in the field of trans-boundary water management. The author showcases the work of Russian-Estonian Commission for Protection and Rational Use of Trans-Boundary Waters and the US-Canadian Joint International Commission. The difference between the two Commissions is that the Russian-Estonian Commission works in accordance with the principle of intergovernmentalism, whereas transnationalism is the founding principle of the Joint International Commission in North America. While the Russian-Estonian Commission is more efficient in terms of water quality improvement in its area of responsibility, it is not yet time to claim that intergovernmental cooperation is more effective than transnational cooperation. However, it gives a reason to question the conclusions of the proponents of transnationalism in international relations theory, who claim that the latter is more efficient. One practical significance of this paper is that its findings can be used as recommendations for further modernization of international cooperation in the field of trans-boundary water management.

Key words: international relations, international agreements, Russia, Estonia, United States of America, Canada, trans-boundary cooperation, environmental protection, water management, transnationalism, intergovernmentalism

References

1. *Konvencija po ohrane i ispol'zovaniju transgranichnyh vodotokov i mezhdunarodnyh ozer. Soversheno v Hel'sinki 17 marta 1992 g.* [The Convention on the Protection and Use of Transboundary Watercourses and International Lakes. Done at Helsinki, 17 March 1992], available at: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/water/pdf/waterconr.pdf> (accessed 11 December 2012).
2. Treaty between the United States and Great Britain Relating to Boundary Waters, and Questions Arising between the United States and Canada. Signed at Washington on January 11, 1909 available at: <http://bwt.ijc.org/index.php?page=Treaty-Text&hl=eng> (accessed 11 December 2012).
3. *Soglashenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Jevtonskoj Respubliki o sotrudnichestve v oblasti ohrany i racional'nogo ispol'zovanija transgranichnyh vod. Soversheno v Moskve 20 avgusta 1997 g.* [Agreement between

the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Estonia on cooperation in the conservation and management of transboundary waters. Done in Moscow on August 20, 1997], available at: <http://voda.mnr.gov.ru/part/?act=more&id=459&pid=961> (accessed 11 December 2012).

4. Nesterova, I. Ye. 2011, "Vodnaja karta" v global'nom mire ["Water card" in a global world], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6: Philosophy. Cultural Studies. Political science. Right. International relations], no. 3. p. 53—62.

5. Kochtcheeva, L. V. 2009, *Comparative Environmental Regulation in the United States and Russia: Institutions, Flexible Instruments and Governance*, Albany, State University of New York Press.

6. Keohane, R. O., Moravcsik, A., Slaughter, A. M. 2000, Legalized Dispute Resolution: Interstate and Transnational, *International Organization*, Vol. 54, no. 3: Legalization and World Politics (Summer), p. 457—488.

7. Mezhevich, N. M., Salnikova, M. A. 2006, Izmenenie mesta i roli nacional'nogo gosudarstva v transnacional'nom mire i v razvitii transgranichnogo sotrudnichestva [Changing the position and role of the nation state in a transnational world, and in the development of cross-border cooperation], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], no. 1, p. 141—153.

8. Eesti-Vene piiriveekogude kaitse ja kasutamise ühiskomisjoni protokollid. Aastad 1998—2011, available at: <http://www.envir.ee/1126098> (accessed 11 December 2012).

9. Yarygin, G. O. 2011, Prognozy razvitija uglevodorodnogo sektora jenergetiki Kanady i ego vozdejstvija na okruzhajushhuju sredu [Forecasts for the hydrocarbon sector Energy of Canada and its impact on the environment], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 6: Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6: Philosophy. Cultural Studies. Political science. Right. International relations], no. 4, p. 57—63.

10. Protocol Amending the Agreement between the United States of America and Canada on Great Lakes Water Quality, 1978, as amended on October 16, 1983, and November 18, 1987. Signed at Washington on September 7, 2012, available at: http://www.epa.gov/grtlakes/glwqa/20120907-Canada-USA_GLWQA_FINAL.pdf (accessed 11 December 2012).

11. Bruce, J. P., Wood, C. 2012, *Canada — U.S. Water Quality: One Step Forward, Two Steps Back*, Toronto, The Star.

About the author

Dr Dmitry A. Lanko, Associate Professor, Department of European Studies, School of International Relations, St. Petersburg State University.

E-mail: dimppa@hotmail.com

**МЕТОДИКА ОЦЕНКИ
ПРИГРАНИЧНОЙ
СПЕЦИАЛИЗАЦИИ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
ПРИГРАНИЧНЫХ
РЕГИОНОВ
И РЕЗУЛЬТАТЫ
ПИЛОТНОЙ ОЦЕНКИ**

Н. М. Межевич*

Н. П. Жук**

Отмечается, что в результате усиления контактной функции границы и степени открытости экономики приграничных регионов приграничное сотрудничество как вид межрегионального взаимодействия становится значимым фактором развития данных регионов. Актуальной научной задачей называется оценка эффектов влияния приграничного сотрудничества на развитие приграничных регионов.

Изложен подход к оценке роли приграничного сотрудничества в общей системе межрегиональных взаимодействий приграничных регионов. К рассмотрению предложена система коэффициентов приграничной специализации межрегиональных взаимодействий по отдельным направлениям, среди которых выделены инвестиционное взаимодействие, внешняя торговля, туризм, миграция. Приграничная специализация характеризует роль приграничного сотрудничества в общей совокупности внешних связей региона. На основе эмпирического материала представлены результаты пилотной оценки приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных регионов СЗФО РФ. В результате получены коэффициенты приграничной специализации по направлениям взаимодействия для каждого из приграничных регионов (СЗФО РФ). Результаты расчета позволили выявить направления взаимодействий с наиболее высокой степенью приграничной специализации, к которым отнесены иностранные инвестиции и деятельность организаций с участием иностранного капитала.

* Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7—9.

** Институт проблем региональной экономики Российской академии наук
190013, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Серпуховская, 38.

Поступила в редакцию 07.12.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-3

© Межевич Н. М., Жук Н. П., 2013

Ключевые слова: межрегиональное взаимодействие, приграничное сотрудничество, оценка приграничной специализации

В результате усиления контактной функции границы и степени открытости экономики современных приграничных регионов приграничное сотрудничество как вид межрегионального взаимодействия становится значимым фактором социально-экономического развития этих регионов. Приграничное сотрудничество — особый вид межрегионального взаимодействия, обусловленный территориальной близостью (соседством) регионов (административных единиц) различных государств; оно представляет собой совокупность взаимодействий элементов триады «природа — население — хозяйство», а также соответствующих управляющих структур, относящихся к сопредельным приграничным регионам двух государств.

Обеспечение эффективного использования возможностей приграничного сотрудничества для регионального развития возможно только при системном подходе к организации управленческого воздействия на процессы такого сотрудничества с учетом их специфики и особенностей отдельных приграничных регионов. Этим определяется необходимость исследования современной практики приграничного сотрудничества, вопросов формирования региональной социально-экономической политики в данной области, разработки методов оценки роли приграничного сотрудничества в общей системе внешних межрегиональных взаимодействий региона.

Для количественной оценки значимости приграничного сотрудничества в общей системе межрегиональных связей предлагается оценить такую характеристику, как приграничная специализация отдельных направлений межрегиональных взаимодействий. Приграничная специализация характеризует степень территориальной специализации внешних межрегиональных взаимодействий, в частности роль приграничного сотрудничества в общей совокупности внешних связей региона, а именно долю его межрегиональных взаимодействий с сопредельной территорией в общей совокупности внешних межрегиональных взаимодействий.

Для количественной оценки уровня приграничной специализации межрегиональных взаимодействий предлагается ввести коэффициент приграничной специализации, который дает возможность охарактеризовать роль сопредельной страны в совокупности трансграничных межрегиональных взаимодействий субъекта РФ по выделенным сферам.

Описание и характеристика системы коэффициентов приграничной специализации по направлениям взаимодействия приведены в таблице 1.

Основная проблема количественного измерения значимости фактора приграничного сотрудничества — дефицит официальной статистической информации. Анализ статистической информации, характеризующей социально-экономическое развитие субъектов РФ, позволил выявить показатели (табл. 2), дающие возможность объективных расчетов приграничной специализации межрегиональных взаимодействий; пилотные расчеты проведены по всем приграничным субъектам СЗФО РФ.

Содержание и методика расчета коэффициентов приграничной специализации по сферам взаимодействия

Сфера	Показатель	Методика расчета	Содержание показателя
1. Инвестиционное взаимодействие	Коэффициент приграничной специализации иностранных инвестиций	$ИИ_{пс} = \frac{ИИ_{р}}{ИИ}$, где ИИ _р — объем иностранных инвестиций сопредельной страны в экономику субъекта РФ, млн долл. США; ИИ — общий объем иностранных инвестиций по субъекту РФ, млн долл. США	Характеризует инвестиционную активность сопредельной страны в экономике приграничного региона. Рассчитывается на основе данных за пятилетний период. Также может быть рекомендован коэффициент, рассчитанный на основе показателей «Объем накопленных инвестиций» и «Объем прямых инвестиций»
2. Инвестиционное взаимодействие	Коэффициент приграничной специализации организаций с участием иностранного капитала	$ОИК_{пс} = \frac{ОИК_{р}}{ОИК}$, где ОИК _р — число организаций с участием капитала сопредельной страны в субъекте РФ, ед.; ОИК — общее число организаций с участием иностранного капитала в субъекте РФ, ед.	Характеризует деловую активность сопредельной страны в экономике приграничного региона. Также может быть рекомендован расчет коэффициента на основе показателей «Оборот организаций с участием иностранного капитала сопредельной страны» и «Количество сотрудников в организациях с участием иностранного капитала сопредельной страны»

3. Междуна- родная мигра- ция	Коэффициент приграничной специализации мигра- ционного обмена	$MO_{пс} = \frac{MO_{р}}{MO}$, где $MO_{р}$ — объем миграцион- ного обмена с сопредельной страной, единиц по субъекту РФ; MO — общий объем миграцион- ного обмена субъекта РФ	Характеризует миграционную активность между приграничным регионом и сопредельной страной. Может также рассчиты- ваться отдельно для входящего и исходя- щего миграционного потока
4. Внешняя торговля	Коэффициент приграничной специализации внешнеторгового обо- рота	$BT_{пс} = \frac{BT_{р}}{BT}$, где $BT_{р}$ — объем внешне-торго- вого оборота с сопредельной страной, млн долл. США; BT — общий объем внешнеторгового оборота приграничного региона	Характеризует внешнеторговую активность между приграничным регионом и сопредельной страной. Может также рассчиты- ваться отдельно для экспорта и импорта с целью более полной характеристики содержа- ния внешнеторгового взаимодействия (в том числе по отдельным группам товаров)
5. Туризм	Коэффициент приграничной специализации туристского обмена	$TO_{пс} = \frac{TO_{р}}{TO}$, где $TO_{р}$ — объем туристского обмена с сопредельной страной, человек; TO — общий объем туристского обмена пригранич- ного региона	Характеризует туристскую активность ме- жду приграничным регионом и сопредель- ной страной. Может также рассчитываться отдельно для входящего и исходящего тури- стских потоков

Таблица 2

**Показатели расчетов приграничной специализации
межрегиональных взаимодействий**

Сфера взаимодействия	Исходный показатель	Источник
1. Инвестиционное взаимодействие	Объем иностранных инвестиций субъекта РФ по странам-инвесторам (2006—2010)	Региональные статистические ежегодники (2011)
2. Инвестиционное взаимодействие	Деятельность организаций с участием иностранного капитала в субъекте РФ по странам (2010)	Региональные статистические ежегодники (2011). Регионы России. Социально-экономические показатели (2011)
3. Внешнеторговое взаимодействие	Структура экспорта, импорта субъекта РФ по странам-партнерам (2006—2010)	Региональные статистические ежегодники (2011), данные СЗТУ (Псковская область), данные Федеральной службы статистических данных (Центральная база статистических данных)
4. Международная миграция	Количество прибывших и выбывших мигрантов в/из субъекта РФ по странам	Данные Федеральной службы статистических данных (Центральная база статистических данных)
5. Туризм	Количество принятых / отправленных туристов в/из субъекта РФ по странам (деятельность туристских фирм)	Данные Федеральной службы статистических данных (Центральная база статистических данных)

Несмотря на некоторые недостатки статистического обеспечения, удалось сформировать базу для объективных расчетов. Следует отметить, что система коэффициентов приграничной специализации может быть рассчитана как для текущего состояния (данные за текущий год), так и для определенных периодов (например, пятилетнего периода). Расчет индикаторов на основе данных за пять лет позволяет нивелировать возможные конъюнктурные всплески инвестиционной активности отдельных стран. В таких сферах, как внешнеторговое взаимодействие, туризм, международная миграция, данный подход также оправдан.

Частный коэффициент приграничной специализации по отдельному направлению рассчитывается как среднее значение коэффициента приграничной специализации по направлению за пятилетний период (2006—2010).

Для интегральной оценки степени приграничной специализации внешних межрегиональных взаимодействий по регионам рассчитывается средний коэффициент приграничной специализации по регионам.

Для проведения экспериментальной оценки приграничной специализации трансграничных межрегиональных взаимодействий были вы-

делены приграничные субъекты СЗФО РФ, к которым отнесены Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Псковская области, Республика Карелия и г. Санкт-Петербург.

В соответствии с источниками, приведенными в таблице 2, была подготовлена информационная база для проведения экспериментальной оценки. Следует отметить, что ввиду отсутствия статистических данных инвестиционное взаимодействие рассматривается в одностороннем порядке, с точки зрения иностранных инвестиций сопредельной страны в экономику приграничного региона. По этой же причине выпал блок взаимодействий, связанных с образованием, хотя была бы интересна статистика обмена студентами, практики двойных дипломов и т. д.

Также следует отметить, что по туристскому направлению взаимодействия в качестве исходного выбран показатель, характеризующий деятельность туристских фирм. Нужно учесть, что доля самостоятельного туризма за последние годы резко возросла, но статистика, к сожалению, не предоставляет данных для количественной оценки данного явления. Поэтому в случае оценки приграничной специализации по направлению «Туризм» использовался показатель по туристским фирмам, дающий возможность объективной оценки и сравнения ситуации по приграничным субъектам СЗФО РФ.

Предложенный метод оценки, как характеризующий объективные процессы, предполагает определенное упрощение, однако при практическом отсутствии количественных оценок процессов приграничного сотрудничества представляется ценной попытка выявить значимость приграничного сотрудничества для приграничных регионов и конкретизации сфер взаимодействия, в которых процессы приграничного сотрудничества отличаются особой интенсивностью.

В результате экспериментальной оценки были получены частные коэффициенты приграничной специализации по направлениям взаимодействия для каждого из приграничных субъектов СЗФО РФ (табл. 3).

Полученные значения коэффициентов приграничной специализации внешних межрегиональных взаимодействий приграничных субъектов СЗФО РФ по направлениям взаимодействий могут служить основой для выявления направлений с повышенной степенью приграничной специализации, а также маркером для более тщательного анализа отдельных направлений взаимодействия.

На основе коэффициентов приграничной специализации внешних межрегиональных взаимодействий приграничных субъектов СЗФО Российской Федерации по направлениям этого взаимодействия проведена интегральная оценка коэффициента приграничной специализации внешних межрегиональных взаимодействий по направлениям взаимодействия для каждого из субъектов СЗФО РФ. Результаты интегральной оценки представлены в таблице 4.

**Коэффициенты приграничной специализация внешних межрегиональных взаимодействий
приграничных субъектов СЗФО РФ по направлениям взаимодействия***

Регион СЗФО РФ	Страна-инвестор	ИИпс (иностраные инвестиции)	ОИКпс (организации с участием ИК)	ВТпс (внешняя торговля)	МОпс (международная миграция)	ТОпс (туризм)
1. Калининградская область	Литва, Польша	0,23	0,411	0,115	0,031	0,128*
	Литва	0,104	0,325	0,043	0,028	—
	Польша	0,126	0,086	0,072	0,004	0,128
2. Республика Карелия	Финляндия	0,203	0,448	0,261	0,263	0,491
3. Ленинградская область	Финляндия, Эстония	0,185	0,126**	0,132	0,051	—
	Финляндия	0,174	0,126	0,121	0,033	—
	Эстония	0,011	—	0,011	0,026	—
4. Мурманская область	Норвегия, Финляндия	0,109	0,372	0,156	0,051	0,100
	Норвегия	0,108	0,355	0,101	0,038	0,033
	Финляндия	0,001	0,017	0,055	0,014	0,067
5. Псковская область	Латвия, Эстония, Беларусь	0,677	0,72	0,103	0,265	—
	Латвия	0,509	0,506	0,075	0,048	—
	Эстония	0,155	0,128	0,028	0,082	—
	Беларусь	0,013	0,085	—	0,136	—
6. Санкт-Петербург	Финляндия, Эстония	0,051	0,126**	0,068	0,03	0,045*
	Финляндия	0,048	0,126	0,061	0,015	0,045
	Эстония	0,003	—	0,067	0,015	—

Примечание: Рассчитано автором на основе данных, приведенных в: Региональный статистический ежегодник (2011); Регионы России. Социально-экономические показатели (2011); а также данных СЗТУ, Федеральной службы статистических данных (Центральной базы статистических данных).

* Данные рассчитаны по одной сопредельной стране.

** В статистике данный показатель представлен единой цифрой по двум субъектам.

**Результаты интегральной оценки коэффициента
приграничной специализации внешних межрегиональных взаимодействий**

Регион СЗФО РФ	Интегральная оценка	
	по четырем направлениям взаимодействия (средний коэффициент)	по пяти направлениям взаимодействия, включая туризм* (средний коэффициент)
1. Калининградская область	0,197	0,183
2. Республика Карелия	0,294	0,333
3. Ленинградская область	0,125	—
4. Мурманская область	0,172	0,158
5. Псковская область	0,441	—
6. Санкт-Петербург	0,070	0,065

*Статистические данные по показателю «Количество принятых/отправленных туристов в/из субъекта РФ по странам (деятельность туристских фирм)» по Ленинградской и Псковской областям недоступны.

Интегральный показатель может служить основой для сравнительного анализа степени приграничной специализации межрегиональных взаимодействий приграничных субъектов СЗФО РФ, а также для группировки регионов по признаку приграничной специализации.

В качестве перспективных направлений доработки системы коэффициентов приграничной специализации могут быть выделены:

— совершенствование системы коэффициентов приграничной специализации (разработка дополнительных коэффициентов, характеризующих приграничную специализацию по отдельным конкретным направлениям), а также разработка интегральных показателей приграничной специализации региона по сферам взаимодействия;

— разработка пороговых значений коэффициентов приграничной специализации с точки зрения экономической безопасности региона;

— совершенствование системы статистического обеспечения процесса оценки степени приграничной специализации регионов.

Результаты расчета коэффициентов приграничной специализации по направлениям позволяют выявить направления межрегиональных взаимодействий с наиболее высокой степенью приграничной специализации по приграничным субъектам СЗФО РФ (табл. 5).

Таблица 5

Направления межрегиональных взаимодействий с наиболее высокой степенью приграничной специализации

Регион СЗФО	Страна-инвестор	Направление взаимодействия	Значение КПСп
1. Калининградская область	Литва, Польша	Деятельность организаций с участием иностранного капитала	0,411
2. Республика Карелия	Финляндия	Деятельность организаций с участием иностранного капитала	0,448
		Туризм	0,491
3. Ленинградская область	Финляндия, Эстония	Иностранные инвестиции	0,185
4. Мурманская область	Норвегия, Финляндия	Деятельность организаций с участием иностранного капитала	0,372
5. Псковская область	Латвия, Эстония, Беларусь	Иностранные инвестиции	0,677
		Деятельность организаций с участием иностранного капитала	0,720

Из таблицы 5 видно, что наиболее высокие значения коэффициентов приграничной специализации наблюдаются по направлению инвестиционного взаимодействия, а также приграничной специализации иностранных инвестиций и деятельности организаций с участием иностранного капитала.

Высокий уровень деловой и инвестиционной активности сопредельных стран в экономике приграничных регионов может быть частично объяснен спецификой приграничного сотрудничества, проявляющейся в кумулятивном эффекте межрегиональных взаимодействий. При наличии добрососедских отношений и благоприятных внешних условий процессы приграничного сотрудничества постепенно эволюционируют, появляются новые направления сотрудничества, расширяется спектр возможных форм взаимодействия, развивается деятельность сетевых структур, в том числе по поддержке интернационализации компаний. В целом это повышает уровень доверия и улучшает инвестиционный климат сопредельного региона, а вместе с географической близостью и транспортной доступностью делают сопредельный регион привлекательным для инвестиционной деятельности. Экономический эффект проявляется в уменьшении транзакционных издержек при интернационализации компаний, что выделяет приграничное сотрудничество среди других видов внешних взаимодействий.

Также интересен анализ приграничной специализации отдельных направлений взаимодействия, который может служить основой для корректировки тех или иных направлений региональной политики. Так, в Рес-

публике Карелия выявлен высокий уровень приграничной специализации по направлению «Туризм» (0,491). Более того, если вычислить коэффициент приграничной специализации въездного туризма (как отношение числа туристов из Финляндии к общему числу туристов из всех стран), то он составит 0,968 (среднее значение за 5 лет). Это означает, что практически 100% иностранных туристов региона прибывают из сопредельной Финляндии. Вполне объяснимо, почему именно туризм выбран приоритетом реализации программы приграничного сотрудничества «Карелия». Можно говорить о серьезной зависимости развития туристской отрасли региона от потока туристов из сопредельной Финляндии. Это должно послужить основой для более глубокого анализа и разработки рекомендаций по оценке эффективности реализации туристского потенциала, а также диверсификации туристского потока.

В этой связи отметим тезис о роли внешнего влияния на регион. С точки зрения задач настоящего исследования данный тезис показателен для характеристики процессов приграничного сотрудничества по линии Россия — ЕС: «В силу разности уровней экономического развития северные регионы России являются контрагентами стран Северной Европы, воспринимаемыми, а не предлагающими повестку дня в вопросах, в которых Россия в целом является "ведомой" страной. В этом смысле международная коммуникация делает Мурманскую область в большей степени объектом сотрудничества и рынком сбыта, с другой стороны, она служит для российского региона источником идей, опыта и лучших практик для модернизации» [20].

Таким образом, эффекты, выявленные в рамках пилотной оценки приграничной специализации, могут стать основой для более глубокого анализа и корректировки отдельных направлений региональной политики с целью усилить позитивные эффекты межрегионального взаимодействия приграничных регионов и снизить риск возможных негативных эффектов высокого уровня приграничной специализации.

Разработанная методика создает основу для более глубокого анализа процессов приграничного сотрудничества на уровне страны в целом, на уровне макрорегионов и отдельных регионов. Очевидно, что ситуация, выявленная в рамках пилотной оценки приграничной специализации, требует дополнительных исследований для более тщательного анализа структуры и динамики взаимодействий, в том числе с учетом оценки риска для экономической безопасности региона. Возможные перспективные направления исследования — это анализ пространственной проекции приграничной специализации, нахождение причинно-следственных связей между спецификой социально-экономического развития региона и уровнем приграничной специализации, выявление факторов, влияющих на интенсивность приграничной специализации.

Список литературы

1. *Алаев Э. Б.* Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
2. *Гранберг А. Г.* Основы региональной экономики. М., 2000.
3. *Жабрев А. А., Леонтьева А. Н., Межевич Н. М.* Развитие приграничного сотрудничества — цель и совокупность задач стратегического развития Северо-Запада Российской Федерации // Псковский регионологический журнал. 2011. № 12. С. 3—9.
4. *Кузнецов А.* Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // МЭиМЭ. 2008. № 9. С. 40—47.
5. *Лексин В. Н., Шевцов А. Н.* Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 2000.
6. *Лексин В., Шевцов В.* Региональная политика России: концепции, проблемы, решения // Российский экономический журнал. 1993. № 9.
7. *Либман А. М.* Децентрализация, интеграция и регионализация: взаимосвязь и взаимовлияние // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 19—35.
8. *Межевич Н. М.* Региональная экономическая политика Российской Федерации: влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации. СПб., 2002.
9. *Некрасов Н. Н.* Региональная экономика. М., 1978.
10. *Ружмонт Д. де.* Будущее и наши взаимоотношения. Париж, 1978.
11. *Сигов И. И.* Региональная экономика (методология исследования и понятийный аппарат). М., 2003.
12. *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of international studies. 1995. Vol. 21. P. 331—358.
13. *Концепция* приграничного сотрудничества в Российской Федерации, 2001 г. : распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 февраля 2001 г. № 196-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. *Концепция* приграничного сотрудничества Мурманской области : постановление Правительства Мурманской области от 10.06.2008 № 263-ПП. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. *Программа* социально-экономического развития Калининградской области на 2007—2016 годы: закон Калининградской области от 28 декабря 2006 г. № 115. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. *Программа* социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2013 года и стратегической перспективы до 2025 года : постановление Правительства Ленинградской области от 12.12.2008 года № 394) (в стадии разработки).
17. *Областная* долгосрочная целевая программа «Поддержка реализации программ приграничного и международного сотрудничества в Псковской области на 2012—2014 годы» : постановление администрации Псковской области от 23 ноября 2011 г. № 466. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. *О концепции* развития международных, межрегиональных и внешнеэкономических связей Ленинградской области на период до 2013 года : постановле-

ние Правительства Ленинградской области от 12 октября 2009 г. № 311. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. *Стратегия* социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 года : постановление Законодательного собрания Республики Карелия от 27 декабря 2007 г. № 706-IV ЗС. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. *Стратегия* социально-экономического развития Мурманской области до 2025 года : постановление Правительства Мурманской области от 26.08.2010 № 383-ПП. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. *Стратегия* социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 18.10.2011г. № 2074-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Об авторах

Межевич Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: mez13@mail.ru

Жук Надежда Петровна, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук.

E-mail: nadya.zhuk@gmail.com

CROSS-BORDER SPECIALIZATION OF INTERREGIONAL INTERACTION: APPLYING NEW ASSESSMENT METHODS

N. M. Mezhevich, N. P. Zhuk

* Saint Petersburg State University

7—9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

** Institute of Economics of the Russian Academy of Science (IERAS)

38, str. Serpukhov, Saint Petersburg, 190013, Russia

Received on December 07, 2012

Cross-border cooperation as a type of interregional interaction is becoming a significant factor of border region development. It is the result of intensification of the contact function of the border and increasing economic openness between cross-border regions; so the roots of current development are quite easy to pinpoint.

However, assessment of the effects of cross-border cooperation on the development of border regions appears to be a scientific challenge. In this paper, we offer an approach to the assessment of the role of cross-border cooperation in the general system of interregional interactions between adjacent regions. We present a system of indices to describe cross-border specialization of interregional interactions in certain fields; namely, investment, international trade, tourism, and migration. Cross-border specialization determines the role of cross-border cooperation in the general complex of regional external relations. The empiric data we have gathered was used to develop and implement a pilot assessment of cross-border specialization of interregional interactions characteristic of the border regions of the Russian Northwestern federal district. The article offers cross-border specialization indices for each border region of the Northwestern federal district of the Russian Federation. With their help, we were able to identify the spheres of interaction with the highest degree of cross-border specialization, and, in particular, foreign investment and business activity with the participation of foreign capital.

Key words: interregional interaction, cross-border cooperation, assessment of cross-border specialization

References

1. Alaeв, E. B. 1983, *Social'no-jekonomicheskaja geografija. Ponjatijno-terminologicheskij slovar'* [Social and economic geography. Conceptual and terminological dictionary], Moscow.
2. Granberg, A. G. 2000, *Osnovy regional'noj jekonomiki* [Principles of Regional Economy], Moscow.
3. Zhabrev, A. A., Leontieva, A. N., Mezhevich, N. M. 2011, Razvitie pri-granichnogo sotrudnichestva — cel' i sovokupnost' zadach strategicheskogo razvitija Severo-zapada Rossijskoj Federacii [The development of cross-border cooperation — a goal and a set of tasks of the strategic development of the North-West of the Russian Federation], *Pskovskij regionologicheskij zhurnal* [Pskov regional Journal], no. 12, p. 3—9.
4. Kuznetsov, A. 2008, Prjamye inostrannye investicii: «jeffekt sosedstva» [Foreign direct investment, "neighborhood effect"], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye ot-noshenija* [World Economy and International Relations], no. 9, p. 40—47.
5. Lexin, V. N., Shevtsov, A. N. 2000, *Gosudarstvo i regiony. Teorija i prak-tika gosudarstvennogo regulirovanija territorial'nogo razvitija* [States and re-gions. The theory and practice of state regulation of territorial development], Moscow.
6. Lexin, V., Shevtsov, V. 1993, Regional'naja politika Rossii: koncepcii, prob-lemy, reshenija [Regional Policy of Russia: concepts, problems, solutions], *Rossi-jskij jekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], no. 9.
7. Liebman, A. M. 2008, Decentralizacija, integracija i regionalizacii: vzaimos-vjaz' i vzaimovlijanie [Decentralization, integration and regionalization: the relation-ship and interaction], *Prostranstvennaja jekonomika* [Spatial Economics], no. 4, p. 19—35.

8. Mezhevich, N.M. 2002, *Regional'naja jekonomicheskaja politika Rossijskoj Federacii: vlijanie transgranichnogo sotrudnichestva na tradicionnye i novye mehanizmy realizacii* [Regional economic policy of the Russian Federation: the impact of cross-border cooperation in the traditional and new mechanisms for implementing], St. Petersburg, Izdatel'stvo St. Petersburg state university.

9. Nekrasov, N.N. 1978, *Regional'naja jekonomika* [Regional Economy], Moscow, Ekonomika.

10. de Rougemont, D. 1977, *L'Avenir est notre affaire* [The future is our business], Paris, Al éditeurs.

11. Sigov, I.I. 2003, *Regional'naja jekonomika (metodologija issledovanija i ponjatijnyj apparat)* [Regional Economics (research methodology, and the conceptual apparatus)], Moscow, Vuz i shkola.

12. Hurrell, A. 1995, Explaining the Resurgence of Regionalism in World, *Review of international studies*, Vol. 21, p. 331—358.

13. *Koncepcija prigranichnogo sotrudnichestva v Rossijskoj Federacii, 2001 g. (Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 fevralja 2001, № 196-r)* [The concept of cross-border cooperation in the Russian Federation, 2001 (Order of the Government of the Russian Federation on February 9, 2001, № 196-p)].

14. *Koncepcija prigranichnogo sotrudnichestva Murmanskoy oblasti (Postanovlenie Pravitel'stva Murmanskoy oblasti ot 10.06.2008 N 263-PP)* [The concept of cross-border cooperation of the Murmansk region (Government of the Murmansk region from 10.06.2008 N 263-PP)].

15. *Programma social'no-jekonomicheskogo razvitija Kaliningradskoj oblasti na 2007—2016 goda (Zakon Kaliningradskoj oblasti № 115 ot 28 dekabnja 2006 g)* [Socio-economic development of the Kaliningrad region in 2007—2016 years (KO Law № 115 of December 28, 2006)].

16. *Programma social'no-jekonomicheskogo razvitija Leningradskoj oblasti na period do 2013 goda i strategicheskoj perspektivy do 2025 goda (v stadii razrabotki, Postanovlenie Pravitel'stva Leningradskoj oblasti ot 12.12.2008 goda № 394)* [Socio-economic development of the Leningrad region for the period up to 2013 and the strategic vision to 2025 (under development, the Governmental ot 12.12.2008 Leningrad region, № 394)].

17. *Oblastnaja dolgosrochnaja celevaja programma «Podderzhka realizacii programm prigranichnogo i mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Pskovskoj oblasti na 2012—2014 gody» (Postanovlenie Administracii Pskovskoj oblasti ot 23 nojabnja 2011 g. N 466)* [Regional long-term target program "Support to the implementation of programs of cross-border and international cooperation in the Pskov region in 2012—2014 years" (Resolution of the Pskov region on November 23, 2011 N 466)].

18. *O koncepcii razvitija mezhdunarodnyh, mezhregional'nyh i vneshnejekonomicheskikh svjazej Leningradskoj oblasti na period do 2013 goda (Postanovlenie Pravitel'stva Leningradskoj oblasti ot 12 oktjabnja 2009 goda N 311)* [On the concept of international, inter-regional and international relations of the Leningrad region for the period up to 2013 (Government of Leningrad region from October 12, 2009 N 311)].

19. *Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Respubliki Karelija do 2020 goda (Postanovlenie Zakonodatel'nogo Sobranija Respubliki Karelija ot*

27 dekabrja 2007 g. N 706-IV ZS) [Strategy for Socio-Economic Development of the Republic of Karelia 2020 (Resolution of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia on December 27, 2007 N 706-IV AP)].

20. *Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Murmanskoj oblasti do 2025 goda, (Postanovlenie Pravitel'stva Murmanskoj oblasti ot 26.08.2010 № 383-PP)* [Strategy for Socio-Economic Development of the Murmansk region to 2025 (Government of the Murmansk region of 26.08.2010 №383-PP)].

21. *Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga na period do 2020 goda (Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 18.10.2011g. № 2074-r)* [Strategy for Socio-Economic Development of the North-West Federal District for the period up to 2020 (Russian Federation Government Decree 18.10.2011g. №2074-p)].

About the authors

Prof. Nikolai M. Mezhevich, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University.

E-mail: mez13@mail.ru

Dr Nadezhda P. Zhuk, Junior Research Fellow, Institute of Regional Economy, Russian Academy of Sciences.

E-Mail: nadya.zhuk@gmail.com

УДК 332.133
339.944

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ КЛАСТЕРОВ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ

А. С. Михайлов *

Уточнены определения международного кластера, трансграничного кластера и транснационального кластера. Проведена классификация международных кластеров стран Балтийского региона с выделением трансграничных и транснациональных кластеров. Рассмотрены особенности международных кластеров в странах региона Балтийского моря с приведением конкретных примеров реализации национальной и международной кластерной политики. На основе сравнительного анализа в Балтийском регионе выделены страны с высокой концентрацией международных кластеров, такие как Скандинавские страны и Германия, а также государства, являющиеся потенциальными участниками международных кластеров, — Прибалтика и Польша, — что находит свое отражение в значительном количестве международных кластерных инициатив. Определены факторы, способствующие формированию международных кластеров в Балтийском регионе.

Ключевые слова: международный кластер, трансграничный кластер, транснациональный кластер, Балтийский регион

Формирование кластеров на международном уровне представляет собой эффективный механизм инновационного развития периферийных регионов стран — участниц кластерных взаимодействий, однако научные работы по изучению данного явления носят преимущественно эмпирический характер и направлены на описание отдельных примеров без проведения сравнительной оценки. В данной статье предпринимается попытка проанализировать

* Балтийский федеральный университет им. И. Канта.
236041, Россия, Калининград,
ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 27.12.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-4

© Михайлов А. С., 2013

позитивный опыт стран Балтийского региона в области международных кластерных взаимодействий с целью выявления факторов, способствующих формированию международных кластеров. В связи с этим решался ряд задач:

- 1) уточнение понятийного аппарата;
- 2) выявление особенностей международных кластеров в странах региона Балтийского моря с рассмотрением конкретных примеров;
- 3) определение причин, оказывающих влияние на процесс образования и развития международных кластеров на Балтике.

На основе анализа определений *международного кластера* в отечественной [19; 21; 22; 27—31] и зарубежной [3; 8; 11—13] науке в данной статье под ним будет пониматься устойчивое взаимодействие широкого круга взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодополняющих стейкхолдеров, локализованных на территориях двух и/или более стран, функционирующих в смежных отраслях и обладающих сходным уровнем развития навыков и технологий, занимающихся совместным созданием товаров и/или услуг, что обеспечивает синергетический эффект в развитии соответствующих территорий и диффузию инноваций между ними.

Все международные кластеры по уровню локализации могут быть подразделены на две группы — трансграничные и транснациональные. *Транснациональный* кластер представляет собой разновидность международного кластера, участники которого сосредоточены преимущественно в не граничащих друг с другом регионах двух и более стран, причем членами такого кластера могут выступать как широкий круг самостоятельных стейкхолдеров, так и отдельные региональные кластеры. *Трансграничный* кластер также является разновидностью международного кластера, однако его члены локализованы в приграничных территориях соседних стран [25]. На основе приведенной классификации в Балтийском регионе были выделены успешные примеры создания международных кластеров (табл. 1).

Большинство трансграничных и транснациональных кластеров расположено в Скандинавских странах и участвует в правительственных инициативах по формированию центров регионального роста, например: датско-шведские кластеры «Научный регион Эресунн» («The Øresund Science Region») и шведско-финские — «Ботническая дуга» («Bothnian Arc»).

Значительное скопление устойчивых международных кластеров расположено в приграничных областях Швеции. Мощный научно-технический и инновационный потенциал страны обеспечивает активное развитие таких высокотехнологичных видов деятельности, как фармацевтическая промышленность, ИКТ, биомедицинские технологии, экотехнологии, нанотехнологии, видео и мультипликация и т. д. Одной из основных движущих сил кластерного развития в рамках модели «тройной спирали» (Triple — helix model) выступают шведские университеты: Гётеберг, Лунд, Мальмё, Карлстад, Стокгольм, Упсала и др.

Международные кластеры в Балтийском регионе

Аналог в зарубежной литературе	Уровень локализации кластера	Примеры в Балтийском регионе
<i>Трансграничные кластеры</i>		
Cross-border cluster, trans-border cluster, bi-national cluster, transnational cluster	Приграничные территории соседних стран	<p>Кластеры региона Эресунн (Öresund region) — Дания и Швеция: кластер ИКТ, кластер биомедицины и фармацевтики, кластер нанотехнологий, кластер продуктов питания, кластер окружающей среды, кластер мультипликации и видео, транспортно-логистический кластер и кластер транспортных инновационных сетей.</p> <p>Кластеры региона Ботнической дуги (Bothnian arc) — Швеция и Финляндия: научно-образовательный кластер, металлургический кластер, кластер ИКТ, кластер деревообработки и лесного хозяйства, рекреационный кластер.</p> <p>Кластеры трансграничной территории Норвегии (г. Осло) и Швеции (регион Вестра — Гёта-ланд): кластер медицинских технологий и кластер экотехнологий.</p> <p>Кластеры региона Ютландия (Jutland route) — Дания и Германия: кластер альтернативных источников энергии, туристический кластер, кластер продуктов питания, кластер медицинских технологий, транспортно-логистический кластер и научно-образовательный кластер</p>
<i>Транснациональные кластеры</i>		
Bi-national cluster, tri-national cluster, transnational cluster	Территории двух и более стран; возможно наличие общей границы	<p>Сервис-кластер Дания (Service Cluster Denmark): Дания, Швеция, Финляндия, Великобритания.</p> <p>Балтийский кластер биоматериалов (Baltic Biomaterial Cluster): Германия, Польша, Литва и Норвегия.</p> <p>Балтийский диабетный кластер (Baltic Diabetes Cluster): Германия, Польша, Литва и Норвегия.</p> <p>Медиаэволюция (MediaEvolution): Швеция, Дания, Австрия.</p> <p>Кластер по изучению онкологических заболеваний Осло (Oslo Cancer Cluster): Норвегия (г. Осло), Франция (г. Тулуза), Дания (г. Копенгаген), Швеция (г. Лунд и г. Солна), Германия (г. Хайдельберг) и США (Северная Каролина).</p> <p>Кластер алюминиевых технологий — «АлюКластер» («AluCluster»): Дания, Швеция, Норвегия.</p> <p>Кластер роботизированных медицинских технологий «РОБИН» («ROBIN»): Дания (Оденсе), Германия (Шлезвиг-Гольштейн, г. Киль)</p>

Источник: составлено на основе [4; 6; 7; 15; 16; 18].

Концентрация международных кластеров в Дании также высока. Показатели инновационного и научно-технического развития этой страны сопоставимы со шведскими, однако синергетический эффект достигается за счет отличий в сферах специализации. Примером может служить трансграничный кластер «Медиконовая долина», в котором компании из Дании специализируются в области фармацевтики и медицинского оборудования, а специализация шведских компаний охватывает разработки в области медицины и биотехнологий [1]. Дания участвует и в других европейских международных кластерах, в том числе вне Балтийского региона.

Ключевую роль в формировании инновационной системы Дании играет Министерство науки, технологий и развития (МНТР), которое занимается вопросами развития научно-технической сферы на национальном и международном уровнях, разработкой государственной политики, поддержкой конкуренции во всех отраслях экономики, управлением системой финансирования исследований, общим управлением научных кластеров и т. д.

Международные кластеры Финляндии располагаются преимущественно в регионе «Ботнической дуги» (приграничные области Швеции и Финляндии). Основные сферы их специализации: ИКТ, металлургия, деревообработка и лесное хозяйство, медицина, образование и НИОКР. Ключевой целью правительственной инициативы по формированию трансграничных кластеров стало развитие приграничных периферийных территорий двух стран, с перспективой их дальнейшего позиционирования в качестве посредника в отношениях между Россией и ЕС.

В целом основой инновационной политики Финляндии выступает государственная «Программа экспертных центров» («The Centre Expertise Program»), направленная на развитие специализации отдельных регионов и организацию системы управления. На базе данной программы создан ряд исследовательских компаний для аккумуляции новых знаний и проведения НИОКР в рамках выбранных приоритетных направлений.

Норвегия принимает участие в нескольких международных кластерных образованиях. В стране уделяется большое внимание развитию инновационной составляющей экономики. Среди организаций, непосредственно занятых в данной сфере, могут быть выделены: Научно-исследовательский совет Норвегии, агентство «Инновационная Норвегия» («Innovation Norway»), Государственная корпорация промышленного развития Норвегии (The industrial development corporation of Norway — SIVA). С 2006 г. реализуется Программа по созданию сети исследовательских инновационных центров (Centres for Research —

based Innovation — CRI) с целью повышения эффективности коммерциализации инноваций. Действует национальная программа создания Норвежских экспертных центров (Norwegian Centres of Expertise — NCE). В стране организован ряд сид-фондов — частных и с государственным участием [26].

Представители Германии участвуют в международных кластерных взаимодействиях как в регионе Балтийского моря, так и за его пределами. Федеральное правительство страны проводит активную политику по стимулированию кластерного развития с целью ускорения процесса разработки новых технологий и внедрения их на рынок. Многие исследовательские инфраструктуры Германии играют заметную роль в мире в области исследований по физике, геологии, климату и гуманитарным наукам. Обладая высокой степенью самостоятельности, федеральные земли разрабатывают собственные программы развития, финансируют НИР и НИОКР, создают научно-исследовательские организации [20].

Наиболее яркие примеры международных кластеров в Балтийском регионе показаны в таблице 2.

То, что большинство устойчивых международных кластеров Балтийского региона сосредоточено в Скандинавских странах и Германии, обусловлено как наличием здесь благоприятных условий для формирования инновационных кластеров (высокий уровень экономического развития стран¹, мощный инновационный и научно-технический потенциал), так и проведением активной кластерной политики и реализацией программ государственной поддержки кластеров в приоритетных областях.

В Северных странах и Германии большое внимание уделяется стимулированию научно-исследовательской, технологической и инновационной деятельности. Инновационная политика этих государств направлена на повышение эффективности использования передовых знаний и технологий с последующим внедрением инноваций в экономику, что в свою очередь обеспечивается высокой степенью взаимосвязи между теоретическими и практическими исследованиями.

¹ Северные страны и Германия занимают лидирующие позиции по уровню конкурентоспособности экономики. Они находятся на третьей, высшей стадии развития и входят в первую десятку стран мира по созданию и продвижению инноваций. Страны Прибалтики и Россия, по расчетам Всемирного экономического форума, отстают от стран-лидеров по значению индекса глобальной конкурентоспособности и занимают промежуточное положение между второй и третьей стадиями экономического развития. РФ по величине индекса находится на последнем месте среди государств Балтийского региона, сохраняя значительный разрыв со страной-лидером — Швецией (33%).

Примеры международных кластеров в Балтийском регионе [9; 10; 14]

Страна / регион	Специализация кластера и его тип	Название кластера	Члены кластера
Швеция (Лулео) — Финляндия (Оулу)	Научно-образовательный трансграничный кластер	«Ботническая дуга знаний» («Bothnian Arc of Knowledge»)	<i>Наука:</i> 7 вузов из Швеции и Финляндии: Технологический университет Лулео (Швеция), Университет Оулу и Университет Лапландии в г. Рованиеми (Финляндия), Политехнический институт Кеми-Торнио, Политехнический институт Оулу, Политехнический институт Рованиеми, Центральный политехнический институт Остроботнии, Юливиеска; а также шведские школы: музыкальная школа в Питео и школа технологий обработки древесины в Шеллефтео. <i>Власть:</i> муниципалитеты городов Финляндии — Кеми-Торнио, Ий, Оулу, Раахе, Калайоки; Швеции — Хапаранда, Каликс, Боден, Лулео, Питео. <i>Бизнес:</i> высокотехнологичные компании: Нокия (Nokia), Электробит (Elektrobit) и Полар (Polar)
Швеция — Дания (регион Эресунн)	Трансграничный кластер фармацевтических и биомедицинских технологий	«Медиконовая долина» («Medicon Valley»)	<i>Наука:</i> 12 университетов и 11 университетских клиник. <i>Власть:</i> Агенство инновационных систем Швеции (VINNOVA, the Swedish Governmental Agency for Innovation Systems), Агенство экономического и регионального развития Швеции (Swedish Agency for Economic and Regional Growth — Tillväxtverket), Агентство кооперации регионов Зеландия и Сконе-Эресунн комитет (The Öresund Committee). <i>Бизнес:</i> 471 фирма (350 естественно-научных компаний со штатом более 250 человек): НовоНордиск (NovoNordisk), Люндбек (Lundbeck), ЛеоФарма (LeoPharma), Никомед (Nycomed), Ферринг (Ferring), АстраЗенека (AstraZeneca), Пфизер (Pfizer), АЛК Абелло ор Колопласт (ALK Abelló or Coloplast), 119 биотехнологических компаний, 24 фармацевтические компании и 183 компании, занимающиеся медицинскими технологиями (шведские компании специализируются на медицинских технологиях, датские — на фармацевтике и медицинских приборах), 21 больница (более 300 человек биологов, медицинского и технического персонала)
Норвегия, Франция, Дания, Швеция, Германия и США	Транснациональный кластер по изучению онкологических заболеваний	Кластер по изучению онкологических заболеваний Осло (Oslo Cancer Cluster)	На 2008 г. в состав кластера входили 56 организаций из Норвегии и Северной Европы: 26 биотехнологических компаний, 13 фармацевтических компаний, 9 научно-исследовательских институтов и больниц, 2 офиса трансфера технологий; посредники; инкубаторы; организации пациентов и пр. По данным на 2012 г., количество членов кластера составляет 71. Число организаций из других стран, взаимодействующих в рамках кластера, в ежегодных отчётах организации не указано

В названных странах активно проводится целенаправленная кластерная политика¹, разработаны программы государственной поддержки формирования и развития кластеров (табл. 3).

Таблица 3

Примеры национальных программ государственной поддержки формирования и развития кластеров стран Балтийского региона

Страны	Примеры национальных программ
Северные страны и Германия	<p><i>Дания:</i> Инновационные сети Дании (Innovation Networks Denmark).</p> <p><i>Финляндия:</i> Центр экспертизы программ (The Center of Expertise Program); Стратегические центры науки, технологий и инноваций (Strategic Centers for Science, Technology and Innovation).</p> <p><i>Германия:</i> Сети компетенций Германии (Competence Networks Germany); Вперед — кластер (Go — cluster); Центр программ малого и среднего предпринимательства — модуль финансирования сетевых проектов (Central on Program SME — Funding Module Network Projects (ZIM-NEMO)); Стратегия кластерной политики свободного и ганзейского города Гамбург (Cluster Policy Strategy of the Free and Hanseatic City of Hamburg).</p> <p><i>Норвегия:</i> Норвежские экспертные центры (Norwegian Centers of Expertise (NCE)); Арена-программа (The Arena Program).</p> <p><i>Швеция:</i> Региональный рост через динамичные инновационные системы (Regional Growth through Dynamic Innovation Systems — VINNVÄXT)</p>
Страны Прибалтики и Польша	<p><i>Эстония:</i> Программа кластерного развития (Cluster Development Program).</p> <p><i>Латвия:</i> Кластерная программа (Cluster Program).</p> <p><i>Литва:</i> ИнноКластер ЛТ (InnoCluster LT); ИнноКластер ЛТ + (InnoCluster LT +).</p> <p><i>Польша:</i> Польская кластерная поддержка (Polish Cluster Support)</p>

Источник: составлено на основе [5].

Страны Скандинавии и Германия организовали большое количество национальных программ по поддержке формирования и развития

¹ Согласно глоссарию Российской кластерной обсерватории, кластерная политика представляет собой «совместные, целенаправленные, закрепленные документально действия представителей бизнеса, органов власти, образовательных и научно-исследовательских институтов, а также других элементов кластера по формированию благоприятных условий бизнес-среды для развития кластеров и повышения эффективности деятельности всех их элементов» — см.: *Российская кластерная обсерватория*. URL: <http://cluster.hse.ru/about> (дата обращения: 04.01.2013).

кластеров с ярко выраженным акцентом на инновационную составляющую. Приоритетное направление работы таких программ — содействие развитию сетевых структур малого и среднего инновационного бизнеса, обладающего высокой долей специализации и локализации в определенном регионе.

Определяющую роль в кластерном развитии Северных стран сыграла государственная поддержка НИР и НИОКР: разработка нормативно-правовой базы и ее последующее совершенствование; формирование инновационной системы; организация венчурного финансирования НИОКР; налаживание взаимодействия между представителями предпринимательского и научно-образовательного секторов, инвестиционными компаниями, общественно-государственными организациями; поддержка малого предпринимательства.

Примером существенной роли государства в реализации кластерной политики может служить Финляндия, где вопросами кластерного развития занимается широкий круг государственных учреждений, таких как Министерство промышленности и торговли; Министерство образования; Министерство внутренних дел; Парламент; Кабинет министров; Совет по научной и технологической политике (The Science and Technology Policy Council — STPC); Академия Финляндии; Национальное агентство технологий (The National Technology Agency — TEKES); Национальный центр исследований и разработок для благосостояния и здоровья (National Research and Development Center for Welfare and Health — STAKES); Сельскохозяйственный исследовательский центр Финляндии (Agricultural Research Centre of Finland); Технический исследовательский центр Финляндии (Technical Research Centre of Finland — VTT) и Финский инновационный фонд (The Finnish Innovation Fund — SITRA). Деятельность данных организаций направлена на формирование и развитие современной инновационной системы Финляндии, финансирование НИОКР и реализацию совместных международных проектов.

Эффективным механизмом по содействию формированию международных кластеров в Северных странах и Германии стала деятельность транснациональных корпораций (ТНК), которые через свои дочерние компании образуют связи, одновременно экзогенные по отношению к кластеру и эндогенные по отношению к ТНК. Выступая связующим звеном компетенций соответствующих региональных кластеров, участвующих в цепи добавленной стоимости, ТНК являются «основными субъектами прямых иностранных инвестиций» [23] и играют роль катализатора кластерной инициативы². На конец 2011 г. из

²В качестве примера роли ТНК при формировании международных кластеров может быть рассмотрена «Медиконовая долина», в которой разместили свои производственные предприятия пять крупнейших транснациональных компаний: Novo Nordisk, Nycomed, H. Lundbeck, AstraZeneca, LEO Pharma и Novozimes.

100 ведущих ТНК 12 были зарегистрированы: в Германии, 3 — в Швеции, по 1 — в Норвегии, Финляндии и Дании. Основные сферы специализации данных компаний: автомобилестроение (4 ТНК), электро-, газо- и водоснабжение (4 ТНК), телекоммуникации (3 ТНК), фармацевтическая и химическая промышленность (3 ТНК) [17].

Результаты реализации кластерной концепции в странах Прибалтики и Польше скромнее. На данный момент большинство международных объединений представляют собой только кластерные инициативы. Однако данные страны обладают высоким потенциалом для создания и развития международных кластеров. Например, в Польше к марту 2012 г., согласно данным из каталогов кластеров, в 16 воеводствах было зафиксировано около 212 кластерных инициатив, преимущественно в Мазовецком (26), Варминьско-Мазурском (18) и Силезском (17) воеводствах. При этом многие из существующих региональных кластеров стремятся к интеграции в международные образования с целью дальнейшего развития и обмена компетенциями [24]. Помимо отдельных международных кластерных инициатив в странах Прибалтики реализуются программы по интернализации кластеров. Например, на базе учреждения Вентспилсский парк высоких технологий (Латвия) был организован проект «Межрегиональное сотрудничество кластеров малых и средних предприятий в рамках Северо-Восточного коридора» (Baltic Supply), объединивший партнеров из всех стран Балтийского региона с целью получения выхода на международные рынки [2]. Таким образом, страны Прибалтики и Польша имеют все предпосылки для активного участия в международных кластерных взаимодействиях в регионе Балтийского моря.

Изучение успешных примеров реализации кластерной политики на международном уровне в рамках Балтийского региона позволило выявить следующие факторы, способствующие формированию и устойчивому развитию международных кластеров:

- 1) наличие соответствующего уровня научно-технического и инновационного развития в странах-участницах;
- 2) активная государственная политика по стимулированию создания инновационных кластеров и их интернализации;
- 3) реализация программ поддержки кластеров на государственном и надгосударственном уровнях.

Список литературы

1. *Asheim B. T., Coenen L., Moodysson J.* The Life Science Cluster of Medicon Valley, Scandinavia // P. Jonathan, M. Gabriela (eds.). *Clusters, Innovation and Entrepreneurship*. P., 2009. P. 131—154.
2. *Baltic Supply* : [official website]. URL: <http://www.balticsupply.eu/> (дата обращения: 17.12.2012)

3. *Birkinshaw J., Solvell O.* Leading-edge Multinationals and Leading-edge Clusters // *International Studies of Management and Organization*. 2000. Vol. 30 (2). P. 3—9.
4. *Burger P., Džupka P., Hudec O. et al.* Preconditions of successful cross-border cluster in renewable energy sources // 1st Knowbridge Conference on Renewables. Miskolc, 2010. P. 8.
5. *Clusters are individuals: new findings from the European cluster management and cluster program benchmarking*. Danish Ministry of Science, Technology and Innovation. Berlin, 2012. Vol. 2. URL: http://files.conferencemanager.dk/medialibrary/04d6301d-b532-4d77-9d6f-90a7e38fc1db/images/Updated_Report_Clusters_are_individuals_Vol._II.pdf (дата обращения: 16.12.2012)
6. *Dávila N. G.* Simultaneous cooperation and competition for economic development: the case of Copenhagen capacity (Denmark) and invest in Skane (Sweden) to foster the Medicon valley cluster. Edinburgh, 2011.
7. *Den Dansk — Tyske Region «Vioverskrider Graenser»*: [official website]. URL: <http://www.deinregionsportal.de/> (дата обращения: 20.12.2012).
8. *Karlsson Ch.* Handbook of research on cluster theory. Cheltenham, 2008.
9. *Oslo Cancer Cluster*: [official website]. URL: <http://www.oslocancercluster.no/Aboutus.aspx> (дата обращения: 19.12.2012).
10. *Promoting Trans-Regional Co-operation, 2002*. URL: http://www.hallinto oulu.fi/suunnit/raportit/Bothnian_Arc_of_Knowledge.pdf (дата обращения: 17.12.2012).
11. *Royer S.* Crossing — borders: International clusters: An analysis of Medicon Valley based on value-adding web. Flensburg, 2007.
12. *Rugman A. M., D'Cruz J.* Multinationals and flagships firms: regional business networks. Oxford, 2000.
13. *Rugman A. M., Verbeke A.* Multinational Enterprises and Clusters: An Organizing Framework. Calgary, 2002.
14. *Streiffert B.* The Øresund Mode. Luxembourg, 2009. URL: http://www.charta-universities.eu/fileadmin/downloads/oeresund_Luxemburg_5_juni_1_.pdf (дата обращения: 15.12.2012).
15. *TerWal A.* Cluster emergence and network evolution: a longitudinal analysis of the inventor network in Sophia-Antipolis // *Regional Studies*. 2010. Vol. 45. P. 1—18.
16. *Walerud C., Viachka A.* Transnational networks of cluster organisations. Stockholm, 2007.
17. *World Investment Report, 2012: Annex Tables*. URL: <http://unctad.org/en/pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (дата обращения: 17.09.2012).
18. *Zámborský P.* Emergence of Transnational Clusters // *Journal for East European Management Studies*. 2012. Vol. 16 (4). P. 464—479.
19. *Бакланов П. Я., Шинковский М. Ю.* Трансграничный регион: понятие, сущность, формы. Владивосток, 2010.
20. *Германский дом науки и инноваций*. URL: <http://www.dwih.ru/index.php/ru/netzwerke-und-cluster-de.html> (дата обращения: 9.12.2012).

21. *Дриго М. Ф.* Формирование территориально-промышленных комплексов в условиях экономической стабилизации региона // Менеджмент в России и за рубежом. 2007. №3. С. 76—86.

22. *Ермоленко В. В.* Интеллектуальные ресурсы и международное сотрудничество в экономике знания // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. №6 (60). С. 25—41. URL: <http://ej.kubagro.ru/2010/06/pdf/03.pdf> (дата обращения: 15.11.2012).

23. *Зверев Ю. М.* Глобализация и Балтийский регион // Космополис. 2008. №2(21). С. 60—67.

24. *Кластеры в Польше.* 1-е изд. Варшава, 2012. URL: http://www.pi.gov.pl/PARPFiles/file/klastry/Polskie_klastry/Katalogi/katalog_ROS_PI.pdf (дата обращения: 17.12.2012).

25. *Михайлов А. С., Михайлова А. А.* О возможностях российского участия в формировании трансграничных инновационных кластеров на Балтике // Экономика, управление, финансы (II) : матер. междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, декабрь 2012 г.). Пермь, 2012. С. 171—178.

26. *Обзор инновационных кластеров в иностранных государствах.* М., 2011. URL: http://www.ved.gov.ru/moder_innovac/analitic/analytical_materials/obzor_innov_klasteri/ (дата обращения: 04.12.2012).

27. *Погорецкая В. Я., Журан Е. А.* Трансграничные кластеры — инструмент формирования корпоративной стратегии // Прометей. 2011. №2 (35). С. 195—199.

28. *Сегедин В. Н.* Перспективы развития трансграничных систем предпринимательства в современной России : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2011.

29. *Терешин Е. М., Володин В. М.* Современная дефиниция понятия «кластер» и подходы к формализации этого явления // Экономические науки. 2010. №2 (63). С. 164—167.

30. *Фатеев В. С.* Кластеры, кластерный подход и его использование как инструмента регулирования развития национальной и региональной экономики // Экономика. Сацьялогія. Біялогія. 2012. №2 (131). С. 40—50.

31. *Яшева Г. А.* Формирование международных кластеров как фактор повышения конкурентоспособности экономик России, Беларуси и Украины // Информационно-аналитический ресурс «Россия — Украина: тенденции развития и перспективы сотрудничества». URL: ukros.ru/wp-content/uploads/2012/11/яшева.doc (дата обращения: 10.12.2012).

Об авторе

Михайлов Андрей Сергеевич, магистр прикладных наук, магистр экономических наук, аспирант, младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL CLUSTERS IN THE BALTIC SEA REGION

A. S. Mikhailov

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on December 27, 2012

This article gives a more accurate definition of international, cross-border, and transnational clusters. The author offers a classification of international clusters of the Baltic Sea states and identifies cross-border and transnational clusters. The paper considers the features of international clusters in the Baltic Sea region, as well as certain cases of implementation of national and international cluster policy. A comparative analysis of the Baltic region serves as the basis for identifying countries with a high concentration of international clusters, such as the Scandinavian countries and Germany, and the potential participants of international clusters – the Baltics and Poland, which manifests in a large number of international cluster initiatives. The author identifies the factors contributing to the formation of international clusters in the Baltic region.

Key words: international cluster, cross-border cluster, transnational cluster, Baltic Sea region

References

1. Asheim, B. T., Coenen, L., Moodysson, J. 2009, The Life Science Cluster of Medicon Valley, Scandinavia. In: Jonathan, P., Gabriela, M. *Clusters, Innovation and Entrepreneurship*, Paris, OECD publishing, p. 131—154.
2. Baltic Supply, official website, available at: <http://www.balticsupply.eu/> (accessed 17 December 2012).
3. Birkinshaw, J., Solvell, O. 2000, Leading-edge Multinationals and Leading-edge Clusters, *International Studies of Management and Organization*, Vol. 30, no. 2, p. 3—9.
4. Burger, P., Džupka, P., Hudec, O., Suhányi, L., Urbančíková, N. 2010, Preconditions of successful cross-border cluster in renewable energy sources. In: *1st Knowbridge Conference on Renewables*. Miskolc, University of Miskolc, 8 p.
5. *Clusters are individuals: new findings from the European cluster management and cluster program benchmarking*, 2012, Danish Ministry of Science, Technology and Innovation, Berlin, Innovation + Technik GmbH, Vol. 2, 88 p, available at: http://files.conferencemanager.dk/medialibrary/04d6301d-b532-4d77-9d6f-90a7e38fc1db/images/Updated_Report_Clusters_are_individuals_Vol._II.pdf (accessed 16 December 2012).
6. Dávila, N. G. 2011, *Simultaneous cooperation and competition for economic development: the case of Copenhagen capacity (Denmark) and invest in Skane*

(Sweden) to foster the Medicon valley cluster, Edinburgh, Edinburgh Napier University, 70 p.

7. Den Dansk — Tyske Region «Vioverskrider Graenser», official website, available at: <http://www.deinregionsportal.de/> (accessed 20 December 2012).

8. Karlsson, Ch. 2008, *Handbook of research on cluster theory*, Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 316 p.

9. Oslo Cancer Cluster, official website, available at: <http://www.oslocancercluster.no/Aboutus.aspx> (accessed 19 December 2012).

10. *Promoting Trans-Regional Co-operation*, 2002, 20 p., available at: http://www.hallinto oulu.fi/suunnit/raportit/Bothnian_Arc_of_Knowledge.pdf (accessed 17 December 2012).

11. Royer, S. 2007, *Crossing — borders: International clusters: An analysis of Medicon Valley based on value-adding web*, Flensburg, Flensburg University, 40 p.

12. Rugman, A. M., D'Cruz, J. 2000, *Multinationals and flagships firms: regional business networks*, Oxford, Oxford University Press, 219 p.

13. Rugman, A. M., Verbeke, A. 2002, *Multinational Enterprises and Clusters: An Organizing Framework*, Calgary, University of Calgary, 25 p.

14. Streijffert, B. 2009, *The Øresund Mode*, Luxembourg, Øresund Science region, available at: http://www.charta-universities.eu/fileadmin/downloads/oeresund_Luxemburg_5_juni_1_1_.pdf (accessed 15 December 2012).

15. TerWal, A. 2010, Cluster emergence and network evolution: a longitudinal analysis of the inventor network in Sophia-Antipolis, *Regional Studies*, Vol. 45, p. 1—18.

16. Walerud, C., Viachka, A. 2007, *Transnational networks of cluster organizations*, Stockholm, Stockholm School of Economics, 22 p.

17. World Investment Report, 2012: Annex Tables, available at: <http://unctad.org/en/pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx> (accessed 17 September 2012).

18. Záborský, P. 2012, Emergence of Transnational Clusters, *Journal for East European Management Studies*, Vol. 16, no. 4, p.464 —479.

19. Baklanov, P. Ya., Shinkovsky, M. Yu. 2010, *Transgranichnyj region: ponjatie, sushhnost', formy* [Cross border region: the concept, essence, forms], Vladivostok, Dal'nauka, 276 p.

20. *Germanskij dom nauki i innovacij* [German House of Science and Innovation], available at: <http://www.dwih.ru/index.php/ru/netzwerke-und-cluster-de.html> (accessed 9 December 2012).

21. Drigo, M. F. 2007, Formirovanie territorial'no-promyshlennyh kompleksov v uslovijah jekonomicheskoj stabilizacii regiona [The formation of industrial complexes in terms of economic stability in the region], *Menedzhment v Rossii i za ru-bezhom* [Management in Russia and abroad], no. 3, p.76—86.

22. Yermolenko, V. V. 2010, Intellektual'nye resursy i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v jekonomike znaniya [Intellectual resources and international cooperation in the knowledge economy], *Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic Network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University], no. 6 (60), p. 25—41, available at: <http://ej.kubagro.ru/2010/06/pdf/03.pdf> (accessed 15 November 2012).

23. Zverev, Yu. M. 2008, Globalizacija i Baltijskij region [Globalization and the Baltic Region], *Cosmopolis*, no. 2 (21), p. 60—67

24. *Klastery v Pol'she. 1 izdanie. Varshava: Pol'skoe agentstvo razvitija predprinimatel'stva* [Clusters in Poland. 1 edition. Warsaw: Polish Agency for Enterprise Development], 2012, available at: http://www.pi.gov.pl/PARPFiles/file/klastery/Polskie_klastery/Katalogi/katalog_ROS_PI.pdf (accessed 17 December 2012).

25. Mikhaylov, A. S., Mikhaylova, A. A. 2012, O vozmozhnostjakh rossijskogo uchastija v formirovanii transgranichnyh innovacionnyh klasterov na Baltike [On the possibilities of Russian participation in the formation of cross-border innovation clusters in the Baltic Sea], *Jekonomika, upravlenie, finansy (II): materialy mezhdunarodnoj zaochnoj konferencii* [Economics, management, finance (II): Proceedings of the international scientific and practical conference], December 2012, Perm, Merkurij, p. 171—178.

26. *Obzor innovacionnyh klasterov v inostrannyh gosudarstvah. M.: Minjekonomrazvitija Rossii* [Overview of innovative clusters in foreign countries. Moscow: Russian Ministry of Economic Development], 2011, available at: http://www.ved.gov.ru/moder_innovac/analytic/analytical_materials/obzor_innov_klasteri/ (accessed 4 December 2012).

27. Pogoreckaya, V. Ya., Zhuran, Ye. A. 2011, Transgranichnye klastery — instrument formirovanija korporativnoj strategii [Cross-border clusters — an instrument for shaping corporate strategy], *Prometej* [Prometheus], no. 2 (35), p. 195—199.

28. Segedin, V. N. 2011, *Perspektivy razvitija transgranichnyh sistem predprinimatel'stva v sovremennoj Rossii: avtoref. dis. kand. jekon. nauk* [Prospects for the development of cross-border business systems in modern Russia: summary of dis... candidate of economic sciences], Volgograd, Voronezh State Technical University, 27 p.

29. Tereshin, Ye. M., Volodin, V. M. 2010, Sovremennaja definicija ponjatija «klaster» i podhody k formalizacii jetogo javlenija [The modern definition of the term "cluster" and the approaches to the formalization of this phenomenon], *Jekonomicheskie nauki* [Modern economic journal], no. 2 (63), p. 164—167.

30. Fateev, V. S. 2012, Klastery, klasternyj podhod i ego ispol'zovanie kak instrumenta regulirovanija razvitija nacional'noj i regional'noj jekonomiki [Clusters, cluster approach and its use as a tool for regulating the development of national and regional economies], *Jekonomika. Sociologija. Biologija* [Economy. Sociology. Biology], no. 2 (131). p. 40—50.

31. Yasheva, G. A. 2012, Formirovanie mezhdunarodnyh klasterov kak faktor povyshenija konkurentosposobnosti jekonomik Rossii, Belarusi i Ukrainy [Formation of clusters as a factor in international competitiveness of economies of Russia, Belarus and Ukraine], *Informacionno-analiticheskij resurs «Rossija — Ukraina: tendencii razvitija i perspektivy sotrudnichestva»* [Informational and analytical resource "Russia — Ukraine: trends and prospects of cooperation"], available at: ukros.ru/wp-content/uploads/2012/11/яшева.doc (accessed 10 December 2012).

About the author

Andrei Mikhailov, M. A., Mgr., MScBA, PhD student, Research Fellow, Center for Socio-economic Research, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: mikhailov.andrey@yahoo.com

УДК 339.56

**СЕТЕВОЕ
МОДЕЛИРОВАНИЕ
ТРАНСГРАНИЧНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
МЕЖДУ ПРЕДПРИЯТИЯМИ
РЕГИОНОВ РОССИИ
И БЕЛАРУСИ**

**(НА ПРИМЕРЕ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ
И ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)**

В. В. Ивченко*
М. Фургал**
Ю. В. Мисиюк*

Рассматривается развитие нового процесса в интеграции между Россией, Беларусью и Казахстаном — межрегиональное трансграничное сотрудничество. В качестве инструмента его регулирования предлагается сетевое моделирование. Приводится авторская сетевая модель трансграничного сотрудничества между РФ и РБ на примере Калининградской и Гродненской областей.

Модель разработана на основе известной и хорошо зарекомендовавшей себя методологии ПЕРТ. Она охватывает три основные этапа всего процесса трансграничного сотрудничества на примере двух регионов Российской Федерации и Республики Беларусь — Калининградской и Гродненской областей: организационно-аналитическое обеспечение, методико-технологическое обеспечение и формирование комплексной программы сотрудничества. В рабочей проектировке модель состоит примерно из 150 событий и по назначению представляет собой макет международной хорошо сбалансированной типовой координационной программы трансграничного сотрудничества на уровне двух регионов.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, сетевая модель программы, межрегиональное трансграничное сотрудничество, ожидаемая результативность моделей

Современный этап развития экономики России характеризуется усилением интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Сформировался таможенный союз России, Беларуси и Казахстана;

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

** Высшая школа экономики и информатики ТВП. 10-061, Польша, Ольштын, ул. В. Барчевского, 11.

Поступила в редакцию 27.01.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-5

© Ивченко В. В., Фургал М., Мисиюк Ю. В., 2013

идет активная работа по переходу к полномасштабному экономическому объединению этих стран.

Углубление экономического трансграничного взаимодействия трех государств подошло к новому этапу — расширению сотрудничества непосредственно между их регионами и хозяйствующими субъектами, учитывающего экономическую заинтересованность каждого региона. Такое сотрудничество основывается в первую очередь на системе межгосударственных соглашений в рамках Таможенного союза. В то же время переход на региональный уровень объективно требует учета региональных особенностей каждой из сторон, что уже должно находить отражение в межрегиональных международных соглашениях. Актуальность такой формы трансграничного сотрудничества очевидна для каждого из участвующих в нем регионов. Среди ожидаемых положительных моментов такого взаимодействия следует назвать:

- усиление экономической устойчивости развития регионов, в том числе малого предпринимательства;
- взаимное расширение рынков сбыта продукции и услуг; ускорение инновационного развития хозяйства регионов;
- лучшая адаптация к условиям ВТО;
- повышение надежности экономики к ожидаемой новой волне экономического кризиса и пр.

На этапе развития международного регионального трансграничного сотрудничества возникает много различных проблемных задач, которые замедляют этот процесс. Их решение требует научно-практических проработок.

Одной из таких задач, выходящих на первый план, стала необходимость моделирования процессов комплексного программирования трансграничного регионального сотрудничества, прежде всего между странами, образовавшими Таможенный союз на постсоветском пространстве.

В БФУ им. И. Канта проводятся исследования по совершенствованию управления процессами приграничного сотрудничества и межрегионального международного трансграничного сотрудничества на основе методологии сетевого управления (выступающего инструментом проектного управления). В качестве полигона таких исследований взято развивающееся в рамках интеграционных процессов между Россией и Беларусью трансграничное сотрудничество между Калининградской и Гродненской областями. Значительный вклад в это направление внесла преподаватель университета Н. Ф. Сергиевич.

Особенностью исследуемого сотрудничества является то, что оно осуществляется через территорию другой страны — Литвы. Оно набирает, образно говоря, «обороты», охватывая все новые и новые сферы экономического, социального и культурного взаимодействия. В таблице приводятся основные направления и виды сотрудничества между

Калининградской и Гродненской областями. Она носит укрупненный характер, но с достаточным уровнем конкретики показывает масштабы рассматриваемой деятельности.

**Матрица трансграничного сотрудничества
между Калининградской и Гродненской областями**

Сфера взаимодействия	Направление сотрудничества			
	Промкооп и АПК	Транспортное взаимодействие	Торговля	Социально-гуманитарное взаимодействие
1. Мягкая и мебельная промышленность	+			
2. Агропромышленное производство, в том числе рыбное хозяйство	+			
3. Торговля мясомолочными и рыбными продуктами			+	
4. Торговля сельхозпродукцией			+	
5. Торговля продукцией легкой промышленности			+	
6. Торговля химической продукцией			+	
7. Автомобильное сообщение		+		
8. Железнодорожное сообщение		+		
9. Авиационное сообщение		+		
10. Среднее и высшее образование, в том числе аспирантура				+
11. Здравоохранение, в том числе лекарственные препараты				+
12. Культурные связи				+

Говоря о положительных сторонах регионального сотрудничества, надо отметить и недостатки, которые затрудняют и в ряде случаев тормозят его развитие. Исследования показали следующие основные сложности в организации этого процесса:

- недостаточный анализ хода сотрудничества с обеих сторон;
- недостаточная гармонизация региональных положений Калининградской и Гродненской областей о сотрудничестве, учитывающих особенности экономики хозяйства и рынка каждого из регионов;
- отсутствие четкой комплексной программы трансграничного сотрудничества у каждой из сторон;
- слабый совместный мониторинг и недостаточная координации выполнения мероприятий по сотрудничеству.

Анализ свидетельствует, что эти недостатки носят общий характер и присущи другим регионам, осуществляющим трансграничное международное сотрудничество. Отечественный и зарубежный научно-практический опыт показывает, что для преодоления указанных недостатков и обеспечения эффективного управления всем процессом со стороны региона необходима предварительная разработка типовых моделей программ такого взаимодействия.

Концептуальный подход к моделированию межрегионального трансграничного сотрудничества позволяет сформулировать основные положения, на которых он должен строиться:

- системный подход ко всему процессу;
- четкое формирование главных целей и подцелей;
- структуризация всего процесса и программы;
- выделение типовых программных мероприятий и формализация программы трансграничного сотрудничества в виде сетевой модели;
- итеративный подход к управлению сетевыми моделями программы трансграничного сотрудничества.

К настоящему времени современная наука управления накопила большой научно-методический опыт сетевого моделирования и управления программами различного назначения и масштабности. Будучи инструментами проектного управления, эти модели выступают главным системообразующим ядром управления межрегиональным трансграничным сотрудничеством. Они позволяют осуществлять четкую логическую взаимосвязь между всем многообразием действий и выделять на любой момент времени комплекс ведущих (так называемых критических) работ, что дает возможность координаторам программ принимать рациональные управленческие решения.

Моделирование программ трансграничного сотрудничества имеет еще одну важную функцию — повышение устойчивости экономики региона, принимающего участие в международном трансграничном сотрудничестве. В своих работах по этому вопросу канд. экон. наук М. В. Бильчак подчеркивает, что стимулирование отраслей устойчивого функционирования региона должно осуществляться в первую очередь

за счет приоритетной поддержки конкурентоспособных производств и отраслей, выпускающих конкурентоспособную продукцию и услуги, прежде всего на внешних рынках. Он сформулировал основные элементы механизма устойчивого функционирования экономики приграничного региона, которые в полной мере подходят и для региона, участвующего в трансграничном сотрудничестве. К таким элементам в первую очередь относятся:

- формирование перспективных направлений хозяйственной специализации и центров экономического роста;
- поддержка отраслей жизнеобеспечения;
- стимулирование отраслей устойчивого функционирования;
- формирование условий активизации хозяйственной деятельности.

Сюда следует добавить и такой важный фактор, как повышение устойчивости малого и среднего предпринимательства.

Использование сетевого моделирования программ трансграничного межрегионального сотрудничества для повышения устойчивости региональных экономик непосредственно связано с оценкой надежности этих моделей. Причем такая оценка должна осуществляться как на стадии построения моделей, так и на этапе их реализации, что весьма важно для такого уязвимого сектора экономики, как малое и среднее предпринимательство. В целом под надежностью сетевых моделей международного трансграничного межрегионального сотрудничества можно понимать способность этих моделей полно отражать процессы управления за определенный период времени при минимальных отказах отдельных элементов этих моделей. Уже разрабатывается методическая база оценки надежности сетевых моделей определенного назначения, что создает предпосылки для разработки аналогичных методик при построении моделей трансграничного сотрудничества.

При проведении информационно-логического анализа трансграничного сотрудничества между Калининградской областью (КО) РФ и Гродненской областью (ГО) Республики Беларусь на основе программно-целевого метода была осуществлена структуризация этого сотрудничества, определена основная цель и главные направления, выявлены типовые программные мероприятия. В результате построено укрупненное «дерево целей» модели программы трансграничного сотрудничества между Калининградской и Гродненской областями (рис. 1).

Структуризация позволила выявить три подцели (направления):

- 1) организационно-аналитическое обеспечение;
- 2) методико-технологическое обеспечение;
- 3) формирование комплексной программы трансграничного сотрудничества.

Рис. 1. Принципиальная схема структуризации развития трансграничного сотрудничества между регионами Республики Беларусь и Российской Федерации (на примере Гродненской и Калининградской областей)

В процессе построения и анализа «дерева задач» было выявлено и сформулировано 17 укрупненных программных мероприятий, число которых при рабочем разукрупнении составит около 120. Они служат основой для построения стартовой (укрупненной) модели программы трансграничного сотрудничества. Путем информационно-логического анализа устанавливаются связи между программными мероприятиями и с использованием методики ПЕРТ проектируется укрупненная сетевая модель программы всего процесса (рис. 2). Для обеспечения ее практического применения на основе экспертных оценок продолжительности выполнения мероприятий формируется стартовая информационная база. При этом детерминированные оценки по методике ПЕРТ переводятся в вероятностные оценки по формуле:

$$t_{ож}(ij) = \frac{t_o + 4t_{н.в.} + t_n}{6},$$

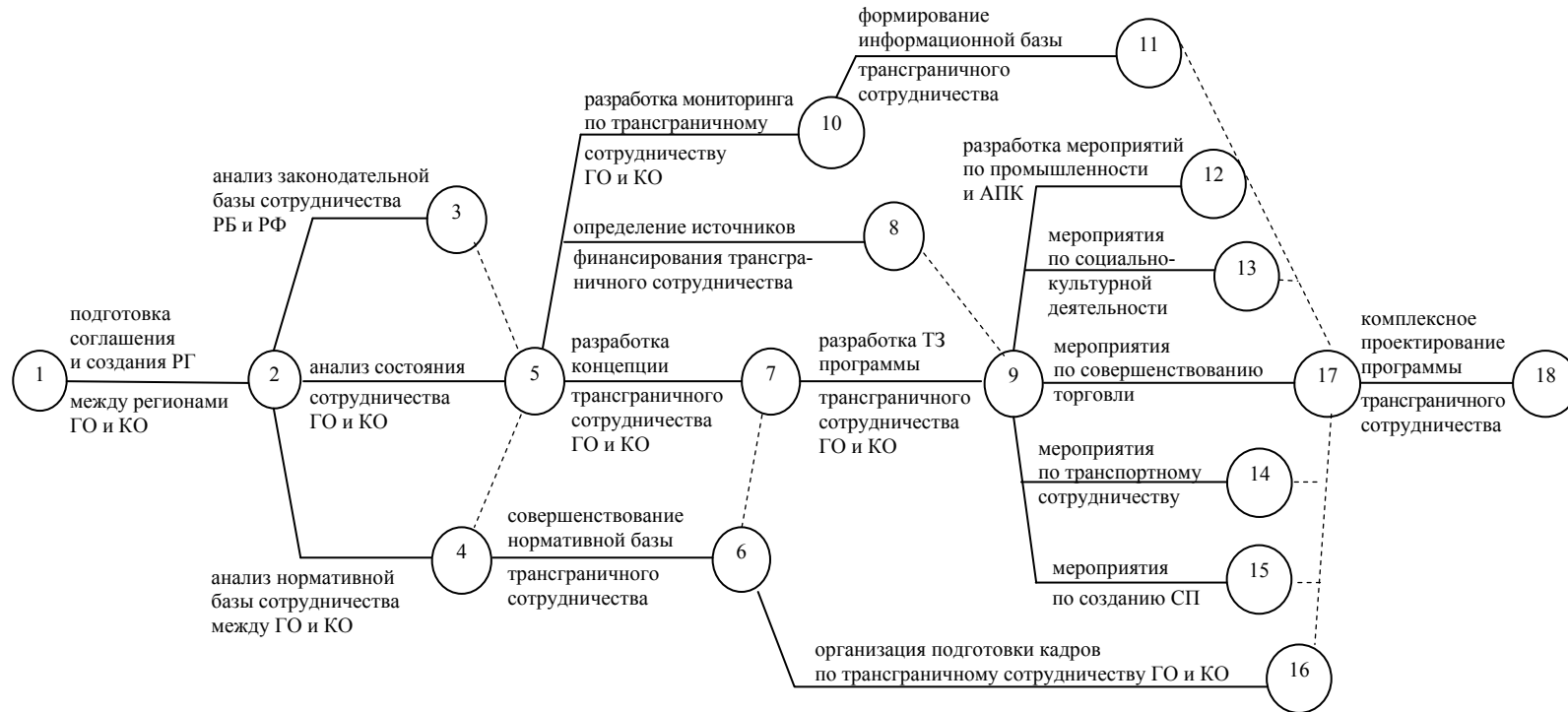
где t_o — оптимистическая оценка;

t_n — пессимистическая оценка;

$t_{н.в.}$ — наиболее вероятная оценка, если бы требовалось дать только одну временную оценку выполнения программного мероприятия.

Подбирая необходимый (т. е. наиболее удобный) алгоритм анализа сетевой модели, рассчитывают по нему все ее параметры, среди которых ведущим представляется *критический путь работ* (т. е. программных мероприятий). В процессе системного использования сетевой модели программы критический путь работ служит основой для принятия администрацией региона решений по управлению всем процессом межрегионального сотрудничества. Экспериментальные работы по построению и анализу сетевой модели трансграничного межрегионального сотрудничества, выполненные на примере КО и ГО, подтвердили их соответствие данному процессу и выполнимость. Эти модели обладают большим потенциалом повышения эффективности системы управления в данной сфере внешнеэкономической деятельности. Достаточно отметить тот факт, что, по литературным источникам, применение сетевых моделей в самых различных областях научной, производственной и внешнеэкономической деятельности позволяет сокращать общую продолжительность выполнения программ до 25% при одновременном снижении затрат на их реализацию до 15%.

В заключение следует подчеркнуть главное условие успешного применения сетевого моделирования программ межрегионального трансграничного сотрудничества — активную и полномасштабную подготовку кадров регионального правительства и муниципалитетов по основам управления проектами и сетевого управления. Практика свидетельствует, что зачастую слабая подготовка в этой сфере значительно снижает эффективность управления данными процессами.

Обозначения: РГ — рабочая межрегиональная группа; ГО — Гродненская область Республики Беларусь; КО — Калининградская область Российской Федерации.

Рис. 2. Концептуальная модель разработки программы трансграничного сотрудничества между регионами Республики Беларусь и Российской Федерации на примере Гродненской и Калининградской областей (разработана с участием Н. Ф. Сергиевич)

Список литературы

1. *Бильчак В. С.* Приграничная экономика : монография. Калининград, 2001.
2. *Бородавкина Н. Ю.* Особенности трансграничного сотрудничества субъектов предпринимательства Калининградской области // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 3. 2010. С. 80—89.
3. *Ивченко В. В.* Сетевое программирование развития приморских регионов России: теория, методология, практика : монография. Калининград, 2008.
4. *Ивченко В. В., Бильчак М. В.* Моделирование развития приграничной экономики как фактор преодоления кризисных явлений в регионе // Вестник Балтийского научного центра. 2009. № 1 (29). С. 40—47.
5. *Райзберг Б. А., Лобко А. Г.* Программно-целевое планирование и управление : учебник для вузов. М., 2002.
6. *Регионы России* : статистический ежегодный сборник. М., 2011.
7. *Сергеевич Н. Ф.* Влияние российско-белорусского трансграничного сотрудничества на интеграционные процессы // Вестник Балтийского научного центра. 2011. № 1 (33).
8. *Федоров Г. М., Корнеевец В. С.* О сущности и соотношении понятий «регион», «международный», «транснациональный» и «трансграничный» регион // Вестник РГУ им. И. Канта. 2010. № 3. С. 8—15.

Об авторах

Ивченко Владислав Васильевич, доктор экономических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: ivchenko_kantiana@mail.ru

Фургал Марек, профессор, канцлер Высшей школы экономики и информатики ТВП (Польша).

E-mail: management.kafedra@yandex.ru

Мисиюк Юлия Валентиновна, аспирантка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: yuliamisiyuk@mail.ru

NETWORK MODELLING OF TRANSBOUNDARY COOPERATION
BETWEEN RUSSIAN AND BELARUSIAN REGIONAL ENTERPRISES:
THE CASE OF THE KALININGRAD AND GRODNO REGIONS

V. V. Ivchenko, M. Furgal, Yu. V. Misyuk

**Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

*** Higher School of Economics and Computer Science TVP
W. Barczewskiego St., Olsztyn, 10—061, Poland*

Received on January 27, 2013

This article examines the development of a new process within Russian-Belarusian-Kazakh integration – interregional transboundary cooperation. Network modelling is suggested as a mechanism for its regulation. The authors present a network model of transboundary cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus based on the case of the Kaliningrad and Grodno regions.

The model is developed on the basis of the well-known and widely accepted PERT. It covers the three main stages of the whole transboundary cooperation process identified in the case of the two regions – the Kaliningrad and Grodno ones: organisational and analytical support, methodological and technological support, and the development of a complex cooperation programme. The working version of the model includes approximately 150 events. As to its purpose, it is a representation of a well-balanced standard international coordination programme of transboundary cooperation at a level of two regions.

Key words: transboundary cooperation, network model of a programme, interregional transboundary cooperation, expected model efficiency

References

1. Bilchak, V. S. 2001, *Prigranichnaja jekonomika* [Frontier economics], Kaliningrad, Izdatel'stvo Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta.
2. Borodavkina, N. Yu. 2010, *Osobennosti transgranichnogo sotrudnichestva sub#ektov predprinimatel'stva Kaliningradskoj oblasti* [Especially cross-border cooperation of businesses Kaliningrad], *Vestnik Immanuel Kant State University of Russia*, no. 3, p. 80—89.
3. Ivchenko, V. V. 2008, *Setevoe programmirovaniye razvitiya primorskih regionov Rossii: teorija, metodologija, praktika* [Network programming, development of coastal regions of Russia: theory, methodology, practice], Kaliningrad, Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. Kanta.

4. Ivchenko, V. V. Bilchak, M. V. 2009, Modelirovanie razvitiya prigranichnoj jekonomiki kak faktor preodolenija krizisnyh javlenij v regione [Modeling the development of cross-border economy as a factor in overcoming the crisis in the region], *Vestnik Baltijskogo nauchnogo centra*, no. 1 (29), p. 40—47.

5. Raizberg, B. A., Lobko, A. G. 2002, *Programmno-celevoe planirovanie i upravlenie* [Software-oriented planning and management], Moscow, INFRA-M.

6. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli, 2011* [Regions of Russia. Socio-economic indicators, 2011], 2011. Moscow, Rosstat, 990 p.

7. Sergievich, N. F. 2011, Vlijanie rossijsko-belorusskogo transgranichnogo so-trudnichestva na integracionnyye processy [The influence of the Russian-Belarusian cross-border cooperation on the integration processes], *Vestnik Baltijskogo nauchno-go centra*, no. 1 (33).

8. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S. 2010, O sushhnosti i sootnoshenii ponjatij «region», «mezhdunarodnyj», «transnacional'nyj» i «transgranichnyj» region [On the essence and the relationship between the concepts "region", "international", "trans-national" and "cross-border" region], *Vestnik Immanuel Kant State University of Russia*, no. 3, p. 8—15.

About the authors

Prof. Vladislav Ivchenko, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: ivchenko_kantiana@mail.ru

Prof. Marek Furgal, Chancellor of the Higher School of Economics and Computer Science, Olsztyn.

E-mail: management.kafedra@yandex.ru

Yulia Misiyuk, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: yuliamisiyuk@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 332.146.2

РЕГИОНАЛЬНОЕ И ГОРОДСКОЕ РАЗВИТИЕ: СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД К СТРАТЕГИЧЕСКОМУ УПРАВЛЕНИЮ И МОНИТОРИНГУ

А. Б. Савченко *

* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Россия, Москва, Вернадского просп., 82.

Поступила в редакцию 15.12.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-6

© Савченко А. Б., 2013

Показано, что ситуационный подход к стратегическому управлению региональным и городским развитием позволяет выявлять взаимодействие его процесса и механизма, объединять пространственное и деятельностное представление территориального развития, совмещать его объяснение с позиций общих закономерностей и конкретно-географическое описание. Ситуация территориального развития становится основным объектом стратегического управления регионом или городом, использование позитивных аспектов ее динамики — важнейшим инструментом, а формирование и использование потенциала конструктивного взаимодействия всего многообразия акторов и факторов территориального развития, способных изменить ситуацию в целевом направлении, — его основной задачей. Мониторинг ситуации территориального развития выступает неотъемлемой частью управления ею, обеспечивая стратегическую обратную связь — инвентаризацию, учет и соотнесение разнохарактерных трендов, формирующих ситуацию, а также результатов действий, направленных на ее целевое изменение. Подчеркивается, что мониторинг способен не только своевременно вскрывать угрозы, но, главное, находить необходимые возможности развития ситуации в целевом направлении, заложенные в «естественных» трендах ее динамики.

Представленный ситуационный подход к мониторингу регионального и городского развития был последовательно реализован при разработке Стратегии социально-экономического развития г. Москвы на период до 2025 года, осуществленной по заказу Департамента экономической политики и развития Правительства г. Москвы международным коллективом под руководством специалистов РАНХ и ГС при Президенте РФ и НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: ситуация, регион, город, территориальное развитие, стратегия, мониторинг, «дерево целей», жизненный цикл

Обеспечение современного — устойчивого и избирательного — регионального и городского развития связано со сменой представления о развитии как о самоценном наращивании тех или иных объектов и активностей на их территории на установку получения результатов, востребованных тем или иным кругом их потенциальных потребителей. Проблема в том, что властные, ведомственные, собственнические, профессиональные, групповые, интеллектуальные и прочие *аспектные* ограничения активно препятствуют построению единой для всех заинтересованных сторон (*создателей и потребителей*) **целостной картины** ситуации развития территории, на которой и должна была бы строиться система управления им. Это проявляется, в частности, в сложностях организации конструктивного диалога властей и бизнеса, в преобладании «точечных» и традиционалистских планировочных решений, в несогласованности приоритетов и способов реализации противоречивых активностей и проектов различных ведомств и экономических субъектов.

Для построения такой целостной и общеприемлемой картины необходимо представить региональное и городское развитие для целей управления и мониторинга как единство их процесса и механизма, в тенденциях которого находит свое выражение реальный баланс взаимодействия на их территории всех представленных на ней **сил, ресурсов и условий — акторов и факторов**. Инвентаризация, учет и регулирование такого взаимодействия, направленные на консолидацию и взаимное усиление этих разнохарактерных «данностей», формирующих ситуацию территориального развития, является необходимым требованием к построению качественной системы управления развитием территориального образования: региона — субъекта федерации, города, отдельных функциональных типов территорий в их рамках и т. д. Ситуационный подход к управлению и мониторингу региональным и городским развитием объединяет, таким образом, оба значения термина «ситуация»: общепринятое, трактуемое ее как обстановку и совокупность обстоятельств; и принятое в топографии — как совокупности особенностей местности, изображаемой условными знаками на карте или плане.

Ситуация территориального развития — это комплекс взаимодействующих разнонаправленных, целеустремленных действий ее участников: руководства региона или города, заинтересованных федеральных ведомств, основных групп интересов местного бизнеса, внешних инвесторов, кредиторов, поставщиков, различных общественных движений и групп, — ведущих к общим событиям и результатам, которые

будут, однако, иметь для разных участников ситуации различные последствия. Понять или описать ситуацию можно только через взаимодействие составляющих ее действий — собственное, особенное содержание ситуации не обнаруживается в каждом отдельном действии, оно заключено во всех них сразу: ситуации обладают функциональной, пространственной и временной целостностью. Предметом взаимодействия участников ситуации территориального развития выступают ресурсы территории. Элементарными единицами ситуации являются *события* как акты взаимодействия ее участников. Ситуационный подход позволяет объединить деятельностное и пространственное представление регионального и городского развития, его описание с позиций общих закономерностей и его конкретно-географическое описание.

Ситуация территориального развития, как неоднородная полиструктура, включающая компоненты, принадлежащие общественным системам, сфере использования территорий, подчиняющихся разным группам законов и существующих в своих особых процессах, связывается в целостную (актуально или потенциально) систему своим жизненным циклом, объединяющим разнонаправленные процессы, протекающие с разным темпом. Ситуации проходят *жизненный цикл*, включающий фазы запуска, развертывания, кульминации, развязки и исхода. Динамика жизненного цикла ситуации описывается функцией интенсивности событий от времени (рис. 1). Развертывание цепи событий жизненного цикла ситуации территориального развития может быть представлено также в виде структурной схемы — *ситуаграммы*, фиксирующей распределение этих событий и их связей по фазам жизненного цикла ситуации (рис. 2).

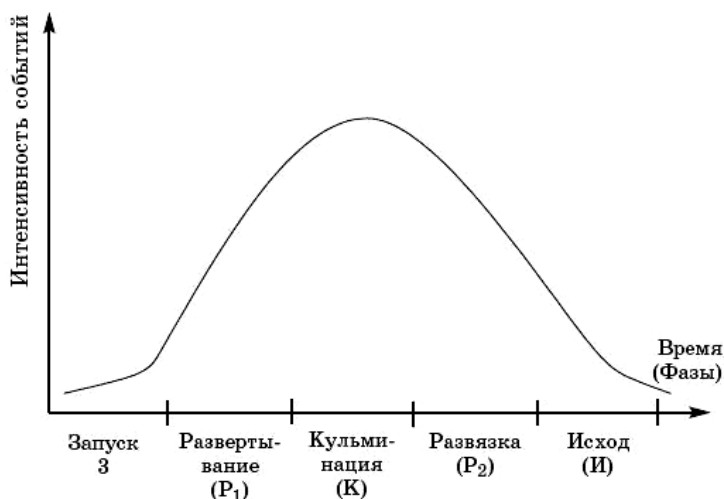

Рис. 1. Жизненный цикл ситуации территориального развития

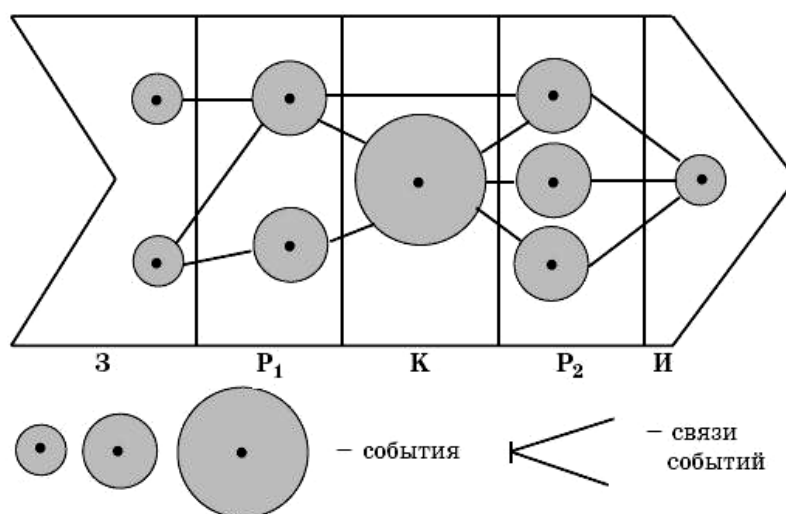

Рис. 2. Ситуаграмма — структурное представление жизненного цикла ситуации территориального развития

В исследовательской позиции ситуационного анализа («*что происходит*»), когда осуществляется поиск и анализ возможностей, ситуаграмма прочитывается *как план-карта — версия или сценарий* — происходящего и используется для описания, объяснения и прогнозирования сделок или встреч, образующих жизненный цикл ситуации. В преобразовательной позиции («*что делать*»), когда на основе выявленных возможностей принимаются и реализуются решения, — *как дорожная карта — сетевой график или программа действий*, подлежащая выполнению, и используется для планирования и реализации собственных действий в ситуации, для организации взаимодействия с другими формирующими ситуацию носителями целеустремленного поведения.

Понятие ситуации — функционально, а не атрибутивно; это набор свойств и признаков, относимых к ситуации, выступающих ее необходимыми и достаточными атрибутами, однако он не является абсолютным, раз и навсегда априори данным. Напротив, этот набор каждый раз обусловлен позицией, задачами и методологическими возможностями «наблюдателя». Его установками и возможностями будут определяться основания и критерии отнесения каких-либо объектов, в том числе событий, к ситуации, принципы и операции их индивидуализации и дифференциации (т. е. рассмотрение их различий и сходств и выделение на этой основе совокупностей), очерчиваемые пространственные, временные и функциональные границы (т. е. распространение, продолжительность, воздействие, изменение и последствия), внутренняя шкала времени (т. е. скорость, темп и ритм реализации). Поэтому в одних и тех

же обстоятельствах разные «наблюдатели» могут видеть разные ситуации.

Цепь событий, образующих ситуацию территориального развития, становится результатом взаимодействия внешних и внутренних движущих сил ее динамики, которые обобщенно могут быть представлены как единство ее исторического фона, деятельностного контекста, структуры, содержания, смысла и значения, также являющихся частью ситуации как единства ее хода и движущих сил, процесса и механизма (рис. 3).

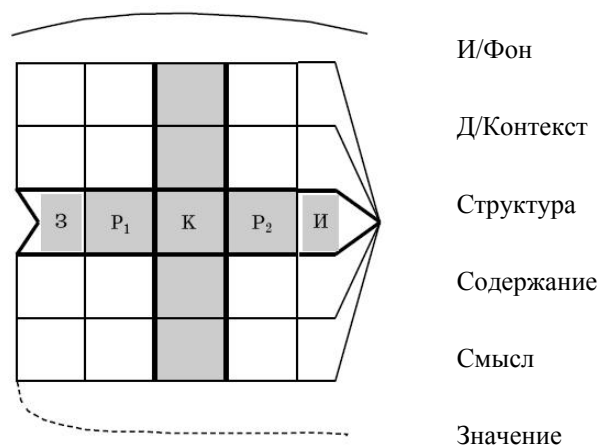

Рис. 3. Движущие силы динамики ситуации территориального развития

Представленный на рисунке 3 состав позиций анализа ситуации обеспечивает *логическую полноту ее описания как системного объекта*, так как позволяет рассмотреть в их единстве внешние связи и отношения («вход» и «выход») и внутреннюю структуру ситуации, представив их, соответственно, как внешние и внутренние движущие силы динамики ее жизненного цикла.

Исторический фон и деятельностный контекст ситуации — это внешние движущие силы ее развития, выступающие генераторами и носителями тех рамочных ограничений и объемлющих тенденций изменений, взаимодействие которых формирует общие «граничные» характеристики анализируемой ситуации (ресурсные, содержательные, функциональные, позиционные, пространственные и временные). Они задают также общий вектор развития ситуации, коридор возможных траекторий ее жизненного цикла и пространство возможных исходов — результатов и последствий. Эти движущие силы многообразны и многоплановы, действие каждой из них несводимо к действию прочих, но и неотрывно от них. Главные *вопросы* анализа исторического фона и деятельностного контекста ситуации — вопросы о расстановке, соотношении, характере взаимодействия и направленности изменения

внешних движущих сил ее развития, а также вопрос об их влиянии на развитие жизненного цикла ситуации, опосредованном действием ее внутренних движущих сил. Логически и эмпирически первым здесь является вопрос об организации власти и ее источников, так как именно организация власти организует далее все остальное.

Структура — отношения и связи непосредственных участников ситуации в ходе их взаимодействия, а также каналы взаимодействия внешних и внутренних движущих сил развития ситуации — это ее действующие лица в их связях и отношениях. Структура ситуации задает организационные формы и ресурсную базу реализации внутренних движущих сил ее развития. Главные *вопросы* анализа ситуации — о характере ее внутреннего строения и составе ее непосредственных участников.

Содержание — основные противоречия, для и вокруг разрешения которых строится взаимодействие участников ситуации и которые выступают поэтому внутренними движущими силами ее развития. Содержание ситуации составляют такие противоречия, разрешение которых ведет к ее необратимым, направленным и закономерным изменениям, т. е. к развитию. В основе механизма развития ситуации лежит столкновение и борьба различных, часто противоположных, тенденций разрешения основных сложивших ситуацию противоречий и стоящих за ними сил и участников ситуации. Основной *вопрос* анализа содержания ситуации: в чем состоят противоречия, послужившие импульсом к ее запуску и реализации, противоречия, для и вокруг разрешения которых строится взаимодействие участников ситуации; противоречия, которые, трансформируясь в индивидуальные проблемы всех участников ситуации, служат для каждого из них побудительным мотивом для взаимодействия. Наконец, это вопрос о том, каким способом (компромисса или конфликта) осуществляется разрешение этих противоречий в результате развития ситуации.

Смысл — способ осознания ситуации ее непосредственными участниками, а также стоящими за ними и вокруг них силами; актуальная структура и состояние сознания участников ситуации, те способы, которыми они ставят для себя *вопросы* «что происходит» и «что делать», а также способы, с помощью которых они на эти вопросы отвечают. Анализ смысла ситуации сводится к выявлению влияния на ее динамику многообразного «человеческого фактора», т. е. интеллектуальных, мотивационных, волевых, ментальных, морально-этических и прочих «идеальных» характеристик участников ситуации. Основным здесь выступает *вопрос*: как, почему и какую модель ситуации строит себе каждый ее участник? Ответ на него предполагает, прежде всего, анализ их миропонимания, «картины мира», которые образуют базовые посыпки и основания суждений и действий, в том числе и способов по-

строения модели ситуации. Связь идеального и реального в ситуации носит интерактивный характер: то или иное понимание смысла ситуации приобретает онтологический характер, становится неотъемлемой составляющей ситуации, активно направляет ее развитие. Понимание смысла ситуации — это не некое механическое «считывание», это всегда творческий акт, порождение индивидуального сознания.

Значение — последствия реализации ситуации как для ее непосредственных участников, так и для взаимодействующих систем деятельности, сформировавших ситуацию и выступавших внешними движущими силами ее развития. При этом исход ситуации будет для всех один и тот же, а вот последствия, влияние и результаты, т. е. значение, — разными. Представление о значении ситуации всегда строится на основе частично неполного, недостоверного и недостаточного знания, т. е. в условиях неопределенности, которая усугубляется неустойчивостью самих ситуаций и нарастающим темпом и масштабом изменений в объемлющих системах деятельности. Однако необходимость принимать решения и действовать «здесь и сейчас» заставляет участников ситуации поступать таким образом, как будто в их распоряжении находится необходимый и достаточный объем информации об исходе ситуации. Первая группа *вопросов*, объектно-аспектная, касается, например, политических, экономических, финансовых и других последствий исхода ситуации или отдельных ее событий; вторая, субъектная, конкретизирует последствия того или иного исхода ситуации для каждого из ее участников, а также стоящих за ними сил.

Опыт последнего десятилетия разработки и реализации многочисленных стратегий территориального развития в России и его сравнение с практикой ЕС [1—4] выявляет значительный потенциал воздействия целенаправленной социально-экономической политики региональных и городских властей на результаты развития соответствующих территориальных образований. Вместе с тем данный опыт наглядно демонстрирует, что у этих властей в одиночку не хватает ресурсов и инструментов, достаточных для решения стратегических задач на уровне современных требований. Реальный успех приносит только способность обеспечить взаимодействие и консолидацию усилий многих заинтересованных сторон, в том числе федеральных и иностранных, на решении четко сформулированных и измеримых целей.

Достижение этих целей должно обеспечить новый, более высокий уровень конкурентоспособности региона или города по качеству жизни и человеческого капитала, качеству товаров и услуг, среды, в том числе деловой, качеству экономического роста. Все это, в свою очередь, требует нового качества управления — развития инструментов и компетенций управления целостной ситуацией территориального развития, а

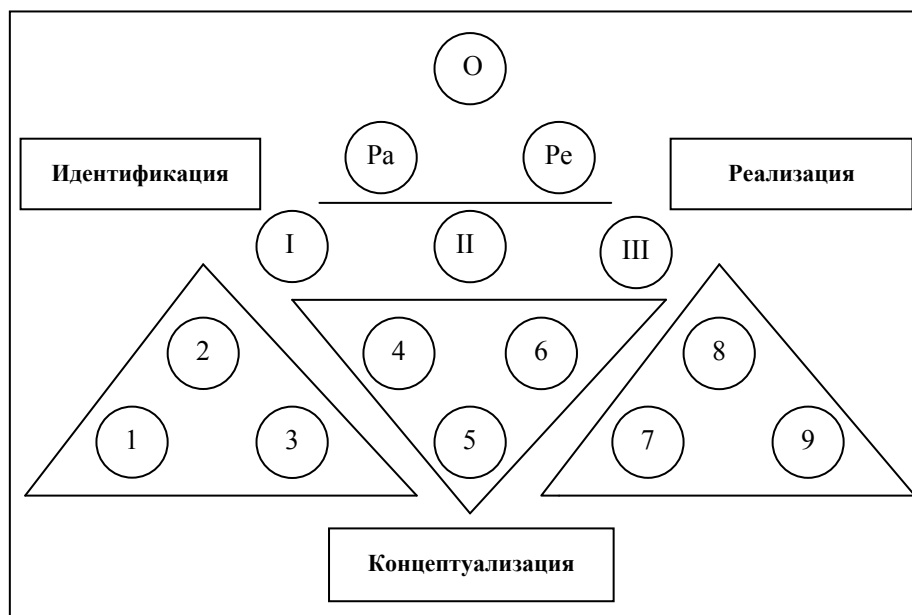
не ее отдельными (ведомственно закрепленными) фрагментами. *Ситуация территориального развития* становится *основным объектом стратегического управления* регионом или городом, использование позитивных аспектов ее динамики — *его важнейшим инструментом*, а формирование и использование потенциала конструктивного взаимодействия всего многообразия акторов и факторов территориального развития, способных изменить ситуацию в целевом направлении, — *его основной задачей*.

Региональное и городское развитие, особенно в части изменения территориальной структуры регионов и городов, обладает весьма значительной инерцией. Сложившаяся специализация, пространственная упорядоченность, уровни заселенности и освоенности создавались десятилетиями, а иногда и веками, зачастую они — результат взаимодействия многих акторов не только внутри данной территории, но и вне ее. Поэтому успешное региональное и городское развитие может строиться только на детальном учете и использовании сложившегося положения и важнейших трендов его изменения — задача развития фактически состоит в том, чтобы наиболее эффективно «вписать» возможные сегодня и в плановом периоде действия, зачастую весьма скромные по объему, в выявленные «естественно» существующие тренды для получения максимального целевого эффекта. Частным случаем будет и задача использования выявленных трендов для их изменения в желательном направлении.

Мониторинг ситуации территориального развития становится, таким образом, неотъемлемой частью управления ею — он обеспечивает инвентаризацию, учет и соотнесение разнохарактерных трендов, формирующих ситуацию территориального развития, а также результатов действий, направленных на целевое изменение ситуации и их последствий. Более того, необходимо отметить, что собственно *управление* ситуацией территориального развития носит (если учесть соотношение ресурсов, задействованных в объект развития, с одной стороны, и средства — с другой), по сути, точечный характер, в то время как ее мониторинг должен быть всеобъемлющим — именно он способен не только своевременно вскрывать угрозы, но, главное, находить необходимые возможности развития ситуации в целевом направлении, заложенные в «естественных» трендах ее динамики.

Учитывая такое соотношение управления и мониторинга в региональном и городском развитии, целесообразно ставить вопрос о контроле ситуации территориального развития как их единстве. *Контроль ситуации* включает ее *мониторинг* и *анализ*, состоящий из фаз *идентификации* ситуации и ее проблем, предполагающей ответ на вопрос «что происходит», и *концептуализации* желательных траекторий раз-

вития ситуации и необходимых для этого действий, предполагающей ответ на вопрос «что делать», а также *управление ситуацией* — фаза *реализации* действий, намеченных на предыдущих фазах (рис. 4).

Порядок расположения (типов) процедур на схеме:

О (оценка)

Ра (распознавание) — Ре (реагирование)

I (проблемы) — II (*цели*) — III (действия/инструменты)

2 (диагноз) — 4 (*прогноз*) — 6 (*пространство выборов*) — 8 (выбор)

1 (фон/контекст) — 3 (содержание) — 5 (*смысл*) — 7 (структура) — 9 (значение)

Рис. 4. Контроль ситуации территориального развития

Совокупность основных 15 (типов) процедур контроля ситуации может быть представлена как матрица двусторонних отношений, обеспечивающих анализ баланса основных *движущих сил* динамики ситуации территориального развития. Горизонтальная черта на схеме (рис. 4), отделяющая процедуры *распознавания*, *оценки* и *реагирования* от остальных, показывает, что они относятся к контролю ситуации рутинного уровня, когда имеют место повторяющиеся ситуации, для решения которых достаточно сделать выбор из заранее заданного числа вариантов действий и ограничиться заданными регламентами и предписаниями при минимуме аналитической работы. Этот режим не позволяет адекватно адаптироваться к стратегически значимым изменениям, он недостаточен для успешной работы в ситуациях территориального развития.

В ситуациях территориального развития обязательен проблемный уровень их контроля, требующий значительной аналитической работы по постановке, структурированию и поиску путей решения стратегических проблем развития регионов и городов. Необходимые для этой работы взаимосвязанные процедуры располагаются на рисунке 4 ниже горизонтальной черты, таких (типов) процедур — двенадцать, они образуют три кластера, обозначенных римскими цифрами: I (1, 2, 3), II (3, 4, 5), III (5, 6, 7). Центральным является кластер II — целеполагание, содержательно объединяющий фазы идентификации, концептуализации и реализации контроля ситуации территориального развития. В выдвигаемой системе целей должно фиксироваться основное содержание стратегии территориального развития. Стратегическое целеполагание в рамках стратегического планирования территориального развития обязательно затрагивает основные группы интересов и задействуют основные типы ресурсов региона или города.

Цели стратегии территориального развития необходимо организовывать системно, т.е. их совокупность должна отвечать не только на мотивационные вопросы «зачем», но также и на предметные — «что», «где», «когда» и, наконец, на реализационные — «кто», «как» и «чем». Такая система целей с необходимостью будет иерархической (трех-, четырехуровневой) и задается «деревом целей» стратегии территориального развития (рис. 5). Каждый из уровней «дерева целей» стратегии выполняет свои особые, но связанные с другими уровнями *функции* в процессе стратегического планирования и управления.

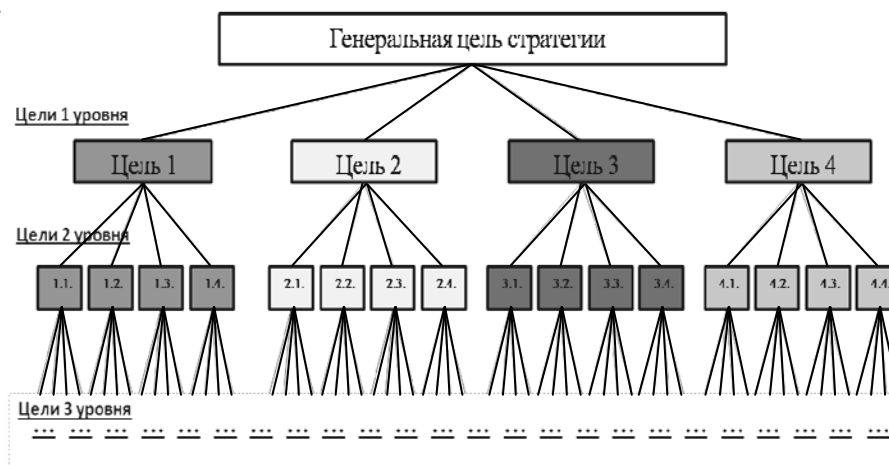

Рис. 5. «Дерево целей» стратегии территориального развития

Генеральная цель раскрывает общую *сверхзадачу* стратегии, общее видение будущего региона или города в результате ее реализации. *Це-*

ли первого уровня задают основные направления деятельности и главные мотивационные ориентиры стратегии, ответы на вопрос «зачем». *Цели второго уровня* формулируют приоритеты социально-экономического развития внутри основных направлений и отвечают на главные предметные вопросы — «что», «когда» и «где»; этот уровень связывает стратегию с генеральным планом. *Цели третьего уровня* предъявляют механизмы достижения целей более высоких уровней, они отвечают на реализационные вопросы — «кто», «чем» и «как»; этот уровень связывает стратегию со среднесрочными программами социально-экономического развития регионов и городов.

Цели первого уровня естественно соотнести с основными типами стратегических ресурсов развития региона или города:

— определенным образом обустроенной, организованной и используемой территорией;

— человеческим капиталом, населением с определенной поло-возрастной структурой, обладающим совокупностью навыков, компетенций, традиций;

— накопленным и действующим экономическим и социокультурным потенциалом;

— управлением, включая сложившуюся систему институтов, применяемые процедуры администрирования, бюджетирования и нормирования.

Система целей первого уровня формирует направления деятельности по преодолению основных стратегических разрывов в сферах организации использования территории, человеческого капитала, воспроизводства экономического потенциала и производства товаров и услуг, расширения возможностей регионального и городского управления. Система целей первого уровня призвана наметить основные пути формирования драйверов конкурентных преимуществ региона или города и параллельно — повышения эффективности и качества использования и воспроизводства их стратегических ресурсов.

Система целей второго уровня формулирует приоритеты социально-экономического развития внутри основных направлений деятельности, стратегическую последовательность (очередность) шагов по достижению целей первого уровня. Эта последовательность может устанавливаться по разным основаниям, в том числе по уровню остроты выявленных проблем или по возможности достижения так называемых *быстрых побед*. Целостность системы целей второго задает, например, баланс взаимодействия основных стратегических ресурсов территориального развития региона или города, который можно наглядно представить в виде матрицы, фиксирующей соответствующие линии их взаимодействия:

Взаимосвязь стратегических ресурсов территориального развития

	Потенциал	Территория	Население
Потенциал	Конкуренто-способность	Плотность деятельности, Связность объектов	Доступность товаров и услуг
Территория	Особые функциональные зоны	Планировочная структура	Городская среда
Население	Навыки и компетенции	Плотность населения	Социальная гармония

Такая матрица обобщенно представляет регион или город как объект управления. Основные инструменты управления этим объектом, которые также являются стратегическими ресурсами региона или города:

- администрирование, в том числе управление программами и проектами;
- бюджетирование, в том числе калькуляция внебюджетных источников;
- нормотворческая деятельность заксобраний и ведомств.

Совокупность взаимосвязей основных стратегических ресурсов региона или города, которые должны быть проанализированы для раскрытия стратегических разрывов в ходе выработки целей второго уровня, может быть схематически представлена как куб со стороной 3, а число отношений, подлежащих анализу, составляет 27.

Система целей третьего уровня предъясняет механизмы достижения целей более высоких уровней. На этом нижнем уровне «деревя целей» стратегии территориального развития стратегические цели в значительной мере пересекаются с показателями региональных и городских госпрограмм, обеспечивая прямое взаимодействие стратегического и текущего (среднесрочного) уровней управления. Однако, чтобы быть включенными в систему целей третьего уровня стратегии территориального развития, традиционным региональным и городским госпрограммам и их целям должен быть придан надведомственный и наддисциплинарный характер.

Перспективным путем формирования набора обязательных позиций оценки территориальных образований и совершенствования на этой основе госпрограмм является использование опыта, получившего особую популярность на стыке XX и XXI вв., опыта составления рейтингов мировых городов — тех 60—80 городов мира, которые концентрируют глобальные информационные, финансовые, миграционные и товарные потоки, сосредотачивают большую часть мирового богатства.

Число таких регулярно обновляемых рейтингов, составляемых для целей сравнения как деловых перспектив, так и качества жизни, постоянно растет. В настоящее время можно выделить как наиболее авторитетные два английских и два американских рейтинга. Это, соответственно, группа изучения глобализации и мировых городов (GaWC) во главе с П. Тейлором, аналитическое подразделение журнала «Economist» (EIU), а также *Global Cities Index* Чикагского совета по международным отношениям совместно с консалтинговой фирмой А. Т. Kearny и партнерство города Нью-Йорка и фирмы *PricewaterhouseCoopers*. Сложилась определенная международная традиция набора свойств-аспектов мировых городов, существенных для их международного сравнения, т.е. их свойств-аспектов, признаваемых существенными для всех заинтересованных сил в мире. При различиях количества сравниваемых городов (от 11 до 80), целей сравнения (деловые условия и перспективы или качество жизни) и количества рассматриваемых переменных эти рейтинги объединяет неперемный учет ряда позиций, которые признаются определяющими характеристиками мировых городов [5—9].

Подобные позиции-характеристики можно и нужно использовать не только в исследовательской деятельности, но и при выборе приоритетов, разработке направлений деятельности и механизмов реализации намеченного в рамках стратегического планирования территориального развития отнюдь не только мировых городов, из которых в нашей стране находятся два — Москва и, с рядом оговорок, Санкт-Петербург. С минимальными модификациями установленный набор свойств-аспектов городов может рассматриваться как перечень основных направлений деятельности руководства территориальных образований уровня субъекта федерации и его крупнейших городов. Тогда приоритетность позиций, их «порядок следования» может меняться в зависимости от конкретной ситуации региона или города, но состав этих позиций как основных направлений развития будет достаточно стабильным и может выглядеть следующим образом.

- Повышение уровня деловой активности (рост валового регионального продукта на душу населения, прежде всего за счет роста производства товаров и услуг, инновационной деятельности, поддержки экспорта, развития финансовых и товарных рынков).

- Развитие человеческого капитала (совершенствование системы образования высокого уровня, ориентированной на реальные потребности народного хозяйства; расширение возможностей трудоустройства, особенно для лиц, обладающих высокой квалификацией).

- Улучшение состояния окружающей среды (развитие современной системы местного транспорта и ЖКХ, повышение экологических стан-

дартов, усиление связи природоохранных мероприятий с хозяйственной и досуговой сферой).

- Повышение доступности товаров и услуг (рост средней и минимальной заработной платы, пенсий и пособий; развитие цивилизованного потребительского рынка, местных систем здравоохранения и социального обеспечения).

- Повышение уровня культурной жизни (ее разнообразия, инновационности, более тесной связи с решением актуальных социальных задач, а также с развитием туризма).

- Укрепление социальной стабильности (развитие многообразных форм общественного диалога и представительства интересов; развитие местного самоуправления).

- Укрепление безопасности (упрочение гражданского согласия; развитие служб экстренного реагирования и повышение уровня работы правоохранительных органов).

С помощью такого состава основных обобщенных результатов развития региона или города можно определять уровень сформированности **укрупненных, межотраслевых и межведомственных комплексных программ**, цели которых ориентированы на достижение выбранных реалистичных соответствующих международных стандартов. Обычно этот уровень среднесрочного планирования территориального развития «пунктирно» представлен набором отраслевых — ведомственных — региональных (городских) программ. Построение пакета из шести-семи **комплексных программ**, охватывающих всю базовую проблематику территориального развития, с добавлением одной-двух (не более) дополнительных программ, учитывающих местную специфику (уникальный «акцент» данного конкретного региона или города), представляется ближайшим шагом среднесрочного планирования территориального развития как механизма реализации системы стратегических целей первого и второго уровней.

Грамотно построенные **стратегии территориального развития**, способные изменить его ситуацию на основе достижения иерархически организованных целей, отличает ряд признаков. На основе корректного выявления основных факторов и тенденций динамики ситуации развития региона или города они четко фиксируют:

- **«коридор возможностей»** развития: набор неизменяемых данностей-ограничений, внутри которого будет неизбежно оставаться любая из выбранных траекторий развития, стремясь получить максимум из реально достижимого;

- **как положительные, так и отрицательные приоритеты** территориального развития, т. е. не только то, к чему и в какой последова-

тельности оно стремится, но — обязательно! — и то, от чего и в какой последовательности отказывается;

— жесткую *увязку выдвигаемых стратегических целей с механизмами их достижения*, выявляя и предъявляя эти механизмы, т. е. уделяя особое внимание процессу реализации стратегий;

— «естественные» тренды динамики ситуации, которые могут выступить *драйверами* достижения целевых характеристик стратегии.

Ситуационный мониторинг территориального развития выступает инструментом стратегического управления регионом или городом, средством укрепления стратегической обратной связи в управлении ситуацией территориального развития. Такой мониторинг предоставляет информационно-аналитические основания для разработки всех необходимых для этого документов (стратегии, генерального плана, пакета проектов и программ по их реализации), всестороннего контроля их реализации и своевременного внесения корректив и актуализации в связи с получаемыми на основе их заданий результатами, для изменения внешних условий, восприятия стратегических мероприятий населением, бизнес-сообществом, городскими и федеральными властями, экспертным сообществом. В сложившейся практике ситуационный мониторинг зачастую применяется интуитивно либо эпизодически. Вопрос в том, что необходимо построить основы его технологии и тем самым резко повысить эффективность и доступность.

Основное назначение Центра ситуационного мониторинга (ЦСМ) территориального развития — поддержка принятия стратегических и важнейших оперативных решений на основе визуализации и углубленной аналитической обработки больших массивов разнообразной и разнородной информации, дающей целостное представление о ситуации территориального развития. Для этого ЦСМ обеспечивает:

1) своевременное представление материалов о сложившемся состоянии и тенденциях динамики ситуации;

2) выдачу в оперативном режиме информации о точности и своевременности достижения показателей действующих документов территориального развития;

3) сценарирование возможных последствий принятия тестируемых вариантов решений;

4) представление материалов об инструментах, ресурсах, трендах и условиях изменения ситуации в желаемом направлении, способствующих выработке и обоснованию новых вариантов решений.

Главной задачей мониторинга выступает обеспечение органов государственной власти и местного самоуправления своевременной и достоверной информацией, адекватно отражающей наиболее значимые параметры социально-экономической ситуации в регионе или го-

роде. Такая информация будет основой для принятия решений, обеспечивающих реализацию всего комплекса функций управления (прогнозирование, планирование, организация, контроль). Для выполнения этой задачи ЦСМ совмещает работу *в различных режимах* — аналитическом, коммуникационном, координационно-диспетчерском, контрольном.

Объект мониторинга — совокупность процессов и результатов социально-экономического развития региона или города и их соответствие основным документам территориального развития (стратегии, генеральному плану, среднесрочным программам и т.п.), а также динамика отдельных отраслей, муниципальных образований, а при необходимости — важнейших предприятий. **Объектами особого внимания** выступают: «дорожная карта» реализации стратегии (осуществление взаимосвязанной последовательности ее основных мероприятий); график реализации ключевых проектов генерального плана, особенно по развитию инфраструктуры; внешние условия реализации стратегии; восприятие хода и последствий выбранного курса развития региона или города населением, бизнес-сообществом, федеральными властями, экспертным сообществом.

Предмет мониторинга — ключевые события реализации стратегии и генерального плана, степень соответствия плановых и фактических значений показателей «дерева целей» стратегии и обеспечивающих ее программ и проектов. Совокупность событий, критериев и показателей мониторинга отбирается в соответствии не только с его целевыми установками, но и с ресурсным обеспечением — кадровым, материально-техническим, финансовым и организационным.

Организация мониторинга включает нормативно-правовую документацию, определяющую круг организаций и лиц, участвующих в нем (их функции, соподчиненность, обязанности, права, ответственность), а также регламенты и алгоритмы порядка и формы сбора, обработки, передачи, предоставления информации тем или иным группам пользователей. Важнейшая **форма представления результатов** работы ЦСМ — визуализированные сценарии динамики ситуации территориального развития и ее выбранных аспектов.

Механизм индикации, заложенный в отчетных формах системы мониторинга, оповещает пользователя о тенденциях хода событий и движения показателей, характеризующих динамику ситуации территориального развития. При этом система сравнивает достигнутую динамику показателей и динамику, необходимую для достижения целевых значений показателей стратегии, генплана, программ социально-экономического развития региона или города в рамках различных сценариев, а также оценивает их соответствие макроэкономическим тенденциям и

распространенным прецедентам. Тогда при негативной динамике исследуемых показателей необходимо принятие управленческих решений для изменения ситуации в рассматриваемой сфере в нужном направлении. При невозможности изменения сложившейся тенденции или при изменении внешних для региональной социально-экономической ситуации условий (например, при очередном витке глобального экономического кризиса) нужна коррекция и актуализация стратегических установок и приоритетов.

Структуру системы ситуационного мониторинга определяют **два больших контура** движения данных — **информационный**, обеспечивающий их сбор и накопление, и **операционный**, обеспечивающий их обработку и визуализацию (рис. 6).

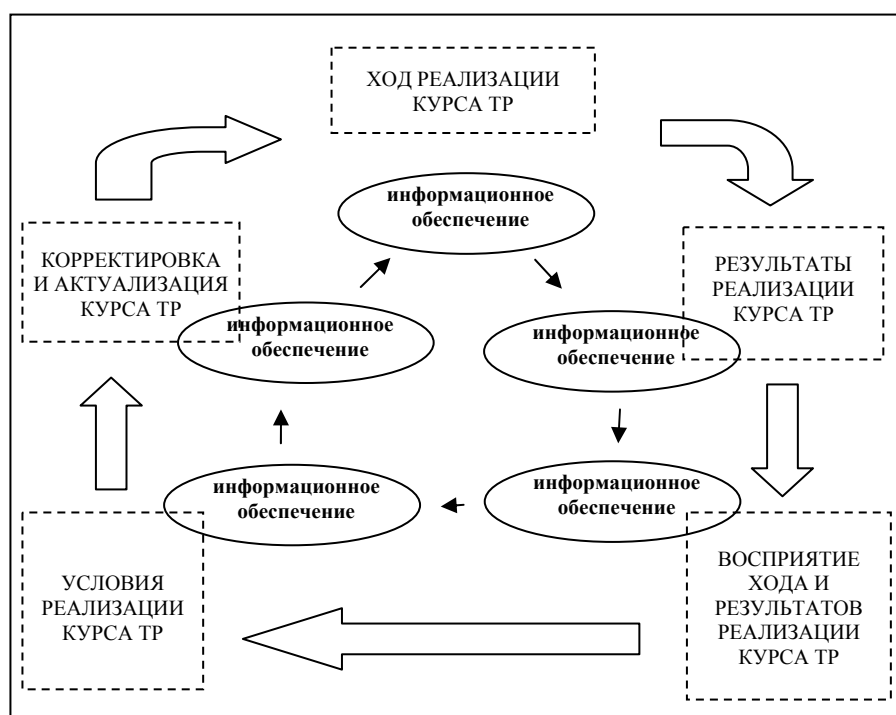

Рис. 6. Структура системы ситуационного мониторинга

Пять малых контуров движения данных обеспечивают их функциональное взаимодействие.

Внутренний контур — ход реализации курса территориального развития:

— ключевые критерии и показатели реализации стратегии и генерального плана;

— целевые критерии и показатели региональных или городских программ, в том числе автоматизированная система результативности и эффективности этих программ;

— критерии и показатели проектов-драйверов стратегии и генерального плана;

— ключевые события реализации стратегии и генерального плана;

— мониторинг привлечения внебюджетных средств для проектов территориального развития.

Выходной контур — результаты реализации курса территориального развития:

— оценка уровня и своевременности достижения показателей «дерева целей» стратегии и приоритетных целей программ, а также реализации приоритетных проектов генплана;

— оценка уровня ослабления ресурсных ограничений и роста конкурентных преимуществ региона или города.

Публичный контур — восприятие хода и результатов реализации курса территориального развития:

— мониторинг обращений граждан в органы власти и управления;

— мониторинг общественного мнения;

— мониторинг СМИ;

— мониторинг глобальных и национальных рейтингов регионов и городов;

— мониторинг обращений и оценок представителей бизнес-сообщества;

— заключения и рекомендации представителей экспертного сообщества;

— оценки и инструкции органов федеральной власти.

Внешний контур — условия реализации курса территориального развития:

— мониторинг глобальных и национальных трендов;

— стратегические направления развития Российской Федерации, федеральных округов, федеральных министерств и корпораций;

— стратегические ориентиры развития региона или города.

Поправочный контур — корректировка и актуализация курса территориального развития:

— оценка эффективности и результативности ключевых мероприятий, адекватности и надежности критериев и показателей стратегии и программ, генерального плана и проектов;

— актуализация и коррекция мероприятий, критериев и показателей стратегии и программ, генерального плана и проектов.

И в заключение. Ситуационный подход обеспечивает методическое единство стратегического управления и мониторинга регионального и

городского развития, разработки стратегических целей и основных механизмов их достижения. Построение системы стратегического управления и мониторинга территориального развития на основе ситуационного подхода позволяет решить главную проблему эффективности стратегического планирования территориального развития — преодолеть угрозу разрыва и несоответствия между процессами разработки стратегии и ее реализации.

Список литературы

1. *Аткинсон Р.* Евроремонт градостроительной политики // Территория и планирование. 2010. №2 (26). С. 21—29.
2. *Житков В. А., Лабренц Б. В., Розенталь В. О.* Региональные стратегии: практика разработки и направления совершенствования // Экономика мегаполисов и регионов. 2011. №4 (40). С. 22—33.
3. *Савченко А. Б.* О ходе работ над Стратегией социально-экономического развития города Москвы на период до 2025 года // Экономика мегаполисов и регионов. 2012. №1 (43). С. 36—43.
4. *Стратегическое планирование в регионах и городах России: ресурсы для развития: доклады участников юбилейного X Общероссийского форума лидеров стратегического планирования.* Санкт-Петербург, 17—19 октября 2011 г. / под ред. Е. С. Жихаревича. СПб., 2012.
5. *Global City Indicators Facility* (2011). URL: www.cityindicators.org/Default.aspx (дата обращения: 1.10.2012).
6. *Parnreiter C.* Megacities in the Geography of Economic Governance // *Die Erde*. 2009. Vol. 140, №4. P. 371—390.
7. *Taylor P. J.* Specification of the World Cities Network // *Geographical Analysis*. 2001. №2. P. 181—194.
8. *The Economist.* World in Figures 2011. URL: <http://www.economist.com/theworldin/2011> (дата обращения: 17.09.2012).
9. *Urban Indicators Guidelines* (2004). Monitoring Habitat Agenda and Millennium Development Goals. United Nations Human Settlements Programme. URL: http://ww2.unhabitat.org/programmes/guo/documents/urban_indicators_guidelines.pdf (дата обращения: 11.10.2012).

Об авторе

Савченко Александр Борисович, кандидат географических наук, директор Центра ситуационного мониторинга и региональных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

E-mail: savchenko_alex@mail.ru

A SITUATIONAL APPROACH TO STRATEGIC MANAGEMENT AND MONITORING OF REGIONAL AND URBAN DEVELOPMENT

A. B. Savchenko

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia*

Received on December 15, 2012

Through a situational approach to strategic management of regional and urban development it is possible to identify the interaction between the managerial process and mechanism; bring together the spatial and activity-related concepts of territorial development; and explain the phenomenon in question from both general and specific perspectives. Territorial development is becoming the principal object of strategic management of a region or a city, its key tool being the utilization of its own good practices. The main objective of territorial development is increasing the capacity for constructive interaction between all its “actors and factors”. In this situation, monitoring territorial development is seen as an integral part of management. It ensures the inventory, observation, and comparison of various trends determining the situation, as well as the results of actions aimed at its targeted alteration. Monitoring helps not only to promptly identify threats, but also to detect the opportunities for developing the situation in the desired directions within the “natural” trends of its dynamics.

The situational approach to the monitoring of regional and urban development presented in the article was implemented in the development of the Strategy for the Socioeconomic Development of the City of Moscow until 2015 (as commissioned by the Department of Economic Policy and Development of the Government of Moscow) by an international team headed by the experts of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration and the Higher School of Economics.

Key words: region, city, territorial development, strategy, monitoring, objective tree, life cycle

References

1. Atkinson, R. 2010, Evroremont gradostroitel'noj politiki [Eurorepair urban policy], *Territorija i planirovanie* [Territory and planning], no. 2 (26), p. 21—29.
2. Zhitkov, V. A., Labrents, B. V., Rosenthal, V. O. 2011, Regional'nye Strategii: praktika razrabotki i napravlenija sovershenstvovanija [Regional Strategy: development practice and areas for improvement], *Jekonomika megapolisov i regionov* [Cities and regions of the economy], no. 4 (40), p. 22—33.
3. Savchenko, A.B. 2012, O hode rabot nad Strategiej social'no-jekonomicheskogo razvitiya goroda Moskvy na period do 2025 goda [A progress report on

the socio-economic development of the city of Moscow in 2025], *Jekonomika megapolisov i regionov* [Cities and regions of the economy], no.1 (43), p. 36—43.

4. Zhyharevych, Ye.S. (ed.), 2012, *Strategicheskoe planirovanie v regionah i gorodah Rossii: resursy dlja razvitija / Doklady uchastnikov jubilejnogo X Obshherossijskogo foruma liderov strategicheskogo planirovanija* [Strategic planning in the regions and cities of Russia: Resources for Development / reports of the participants of the anniversary X All-Russia Forum of Strategic Planning Leaders], St. Petersburg 17—19 October, 2011, St. Petersburg, Leont'evskij centr, 152 p.

5. Global City Indicators Facility, 2011, available at: www.cityindicators.org/Default.aspx (accessed 1 October 2012).

6. Parnreiter, C. 2009, Megacities in the Geography of Economic Governance, *Die Erde*, Vol. 140, no. 4, p. 371—390.

7. Taylor, P.J. 2001, Specification of the World Cities Network, *Geographical Analysis*, no. 2, p. 181—194.

8. The Economist. World in Figures, 2011, available at: <http://www.economist.com/theworldin/2011> (accessed 17 September 2012).

9. Urban Indicators Guidelines, 2004, Monitoring Habitat Agenda and Millennium Development Goals, United Nations Human Settlements Programme, available at: http://ww2.unhabitat.org/programmes/guo/documents/urban_indicators_guidelines.pdf (accessed 11 October 2012).

About the author

Dr Alexander Savchenko, director of the Centre for Situational Monitoring and Regional Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: savchenko_alex@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ
К ФОРМИРОВАНИЮ
ИНСТРУМЕНТАРИЯ
И МЕТОДИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ
МОРСКОГО
ПРОСТРАНСТВЕННОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ**

В. М. Мякиненок*

Отмечается, что морское пространственное планирование получило широкое применение в ведущих морских странах, однако в России оно не применяется и отсутствует соответствующая нормативная база. Территориальное планирование имеет сходные с морским планированием черты — инструментарий, принципы и методы деятельности. Но различаются характеристики объекта планирования, принципы установления границ территории и морской акватории, полномочия органов власти по их развитию. Показано, что в ряде законов Российской Федерации морское пространство, его части и виды морепользования (водопользования) и их регламентация нашли отражение, однако целостный механизм морского планирования на законодательном уровне еще не сформирован. В «Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года» поставлена задача создания инструментария морского пространственного планирования. Рассмотрены некоторые направления разработки инструментария морского планирования — оценка применимости в данной сфере существующей правовой базы в области водных отношений, развития территории и стратегического планирования, а также возможное распределение полномочий органов власти различных уровней в этом новом виде управленческой деятельности.

Ключевые слова: территориальное планирование, морское планирование, стратегическое социально-экономическое планирование, территория, морская акватория

Морское пространственное планирование уже получило признание на уровне мирового сообщества [13; 21] и достаточно широкое распространение в ряде европейских стран (Германии

* Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.
Поступила в редакцию 2.12.2012 г.
doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-7
© Мякиненок В. М., 2013

[16], Финляндии [17], Швеции [16], Польше [19]). В частности, по акватории Балтийского моря уже разрабатываются морские планы [18; 20; 22]. В нашей стране морское планирование (как вид управленческой деятельности) не применяется, хотя уже реализуется федеральная целевая программа «Мировой океан» [8]. Вместе с тем очевидно, что зарубежный инструментарий морского планирования (система нормативных и методических документов) ввиду различий в государственном устройстве, структуре и полномочиях органов власти не может быть в полной мере применен в условиях нашей страны.

Отдельные виды морской деятельности имеют достаточную правовую регламентацию [1; 4]. Однако задача развития морского пространственного планирования впервые была обозначена в «Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года». В приложении №4 к этому документу «Перспективные пути развития основных видов морской деятельности Российской Федерации» в составе одного из видов морской деятельности («Управление морским природопользованием») предусмотрено «использование и развитие инструментария морского пространственного планирования». Это направление в Стратегии рассматривается как составная часть более общей задачи — «введение и развитие интегрального межотраслевого управления на всех уровнях, рассматривающего морепользование как целостный объект управления и направленного на преодоление конфликтности между видами пользования и сохранения морской среды».

В ряде законов Российской Федерации морское пространство, его части и виды морепользования (водопользования) и их регламентация нашли отражение. Однако целостный механизм морского планирования на законодательном уровне не сформирован.

Попытаемся сформулировать некоторые направления и подходы к разработке инструментария морского планирования в рамках действующих нормативных документов и системы управления. Указанные направления и подходы сформулированы в научно-исследовательской работе, выполненной в рамках реализации Федеральной целевой программы «Мировой океан».

По нашему мнению, создание такого инструментария должно идти по следующим направлениям.

1. На основе анализа действующей нормативной базы в области планирования, а также в смежных с морским планированием областях деятельности необходимо распределение полномочий органов власти различных территориальных уровней по решению вопросов морского планирования.

2. С учетом акцента в морском планировании на комплексное управление природопользованием необходим широкий (общегеографический) поход к содержанию соответствующего инструментария с оп-

ределением его места и особенностей в общей системе природопользования [11].

Инструментарий морского планирования должен быть дифференцирован по уровням разработки документов в соответствии с основными действующими полномочиями органов власти (табл. 1).

При определении подходов к формированию инструментария морского планирования необходимо учитывать:

- место видов морской деятельности в общей системе водопользования на морском пространстве;
- географическую привязку видов морской деятельности к отдельным частям акватории и береговой зоны;
- функциональное зонирование морского пространства и особенности определения местоположения создаваемых на нем (планируемых) объектов и зон.

Ниже указанные особенности рассмотрены более подробно.

1. Большинство видов морской деятельности входит в общую систему водопользования, которая регулируется Водным кодексом Российской Федерации. Некоторые же виды (например, судостроение) почти не связаны с использованием морской природной среды, хотя могут оказывать на нее негативное воздействие.

Особую социальную значимость имеет увязка морской деятельности с водопользованием населения для личных и бытовых нужд. В этой связи большое значение имеет предусмотренное Водным кодексом выделение обособленных и совместных видов водопользования. К обособленным видам, например, относятся военно-морская деятельность, охрана границ, товарное рыболовство. В случае совместного водопользования особенно актуальны вопросы правового регулирования деятельности в определенной акватории и предотвращения негативного воздействия на морскую среду.

С регулированием использования морского пространства также связано требование заключения договора водопользования (Водный кодекс, ст. 11), что необходимо при большинстве его видов. Однако, например, морское судоходство, плавание маломерных судов, воспроизводство водных биологических ресурсов, рыболовство, товарное рыболовство, охота, проведение дноуглубительных работ в акватории морского порта не требуют заключения такого договора.

2. Указанные правовые аспекты морских видов деятельности и других видов морского водопользования во многом связаны с их пространственной локализацией. Назовем ее особенности:

- по горизонтали морского пространства такая локализация приурочена к собственно морской акватории, береговой зоне, островам на морской акватории;
- по вертикали морское пространство может быть условно разделено на водную поверхность, водную толщу и морское дно.

Основные уровни, задачи и примерное содержание документов морского планирования

Уровень разработки документов	Задачи и результаты разработки	Основное содержание документов
1. Концептуальный уровень управления морским природопользованием	Комплексная увязка на межведомственной основе всех видов морепользования (водопользования) с учетом других видов природопользования в пределах бассейновых округов (бассейновый подход)	1. Рекомендации по комплексному (взаимувязанному) использованию водных объектов. 2. Зонирование бассейновых округов по видам водопользования
2. Правоустанавливающий уровень	1. Дополнения основополагающих нормативно-правовых документов (Водного, Градостроительного, Земельного кодексов и др.) и отраслевых нормативно-правовых документов (по отдельным видам морской деятельности). 2. Дополнения правил по отдельным видам водопользования на морском пространстве	1. Правовые нормы и правила регулирования использования морского пространства, учитывающие рекомендации на концептуальном уровне и увязывающие различные виды морепользования и использования территории
3. Прогнозный (программный) уровень	1. Целевые государственные программы по использованию морского пространства. 2. Комплексные программы социально-экономического развития, увязывающие задачи развития территории и прилегающей морской акватории. 3. Программы по использованию и охране водных объектов субъектов Российской Федерации	1. Программные мероприятия по решению отдельных задач государственного значения. 2. Мероприятия по взаимувязанному развитию различных видов деятельности на территории и акватории, включая создание объектов регионального значения. 3. Мероприятия по комплексному использованию отдельных видов водных объектов (включая морскую акваторию) в границах субъекта Российской Федерации

4. Плановый уровень	Пути реализации программных мероприятий через обоснование их привязки к отдельным частям морской акватории, включая размещение объектов федерального, регионального и местного значения, а также обоснование дальнейших (изыскательских, проектных) работ	<ol style="list-style-type: none"> 1. Обоснование пространственной локализации отдельных видов водопользования (включая морехозяйственную деятельность). 2. Пространственная увязка видов деятельности по использованию территории и морской акватории. 3. Разработка программы реализации решений по морскому планированию
5. Информационный уровень	<ol style="list-style-type: none"> 1. Гидрографическое и водохозяйственное районирование. 2. Ведение государственного водного реестра. 3. Дополнения федеральной государственной информационной системы территориального планирования и информационной системы обеспечения градостроительной деятельности в части информации, используемой для морского планирования 	Исходная информация о состоянии, видах использования водных объектов и территории, влияющих на решения в области морского планирования

Некоторые виды морской деятельности осуществляются во многих зонах (по горизонтали и по вертикали). Другие виды — в одной или нескольких зонах. Указанные особенности определяют степень техногенного воздействия отдельных видов деятельности на другие виды морского природопользования и на состояние морской окружающей среды, а также взаимосвязь с территориальным планированием.

3. Основным результатом морского планирования является установление функциональных зон и определение местоположения создаваемых на акватории объектов для реализации полномочий органов федеральной, региональной и местной власти.

Организация большинства видов морской деятельности связана с установлением на морском пространстве конкретных зон (с более или менее четкими границами), в пределах которых осуществляются определенные этапы и виды той или иной деятельности:

- морские и смешанные перевозки, развитие портов;
- военно-морская деятельность;
- охрана границ;
- рыболовство и рыборазведение;
- разведка и добыча полезных ископаемых.

В связи с этим морское планирование особенно актуально для тех морских акваторий, где интенсивно развиваются все указанные виды деятельности (например в акватории Балтийского моря), либо где предполагается их развитие в ближайшей перспективе (Арктическая зона) [7; 8; 12]. Одновременно в морском планировании необходимо учитывать, что другие виды водопользования на морском пространстве также требуют выделения здесь определенных зон, в пределах которых устанавливаются требования и ограничения. Часть этих видов водопользовании регулируется Водным кодексом и отраслевыми федеральными законами. В то же время муниципальные органы устанавливают правила использования водных объектов (включая море) для личных и бытовых целей, а также ограничения их использования.

Правовой инструментацией морского планирования должен включать и требования к обоснованию местоположения вновь создаваемых на морской акватории объектов (зон). Эти объекты разделяются соответственно полномочиям органов государственной и муниципальной власти, а также по их пространственному расположению в тех или иных функциональных зонах (зонах локализации). Самая общая их классификация должна учитывать особенности размещения этих зон:

- одновременно на территории (береговой зоне) и акватории;
- только на акватории.

Создание объектов одновременно на территории и акватории должно быть синхронизировано (взаимосвязано) с предлагаемым их место-

положением в соответствующих документах территориального планирования и градостроительного зонирования. При этом необходимо учитывать отдельные требования к объектам капитального строительства (линейным и нелинейным), к планируемым территориям и зонам. Объекты, создаваемые на акватории, часто имеют временный характер (плавучие платформы и т. п.). При этом они, как правило, связаны с определенной функциональной зоной (например, зоной добычи полезных ископаемых). Однако в любом случае расположение вновь создаваемых объектов должно учитывать требования и ограничения, соответствующие режиму использования той функциональной зоны, где они размещаются.

Размещение объектов, создаваемых только в береговой зоне, должно учитывать положения соответствующих документов территориального планирования и градостроительного зонирования.

Обобщая вышесказанное, отметим, что инструментарий морского планирования должен учитывать следующее.

1. Сложившуюся систему управления природопользованием (включая водопользование на морском пространстве), в том числе интересы населения (представителем которого выступают органы местного самоуправления).

2. Полномочия и функции органов государственного и муниципального управления различных территориальных уровней, на которые возложены полномочия в области планирования.

Инструментарий морского планирования должен учитывать специфику функциональных зон, характеризуемую преимущественным видом использования и системой ограничений, обеспечивающей увязку различных видов использования морского пространства и охрану морской среды.

Большинство видов деятельности регулируется законами и постановлениями государственных органов власти и правовыми актами органов местного самоуправления. Среди них определяющее значение имеет Водный кодекс Российской Федерации, регулирующий водные отношения и отдельные виды водопользования. Поэтому в первую очередь необходимо дополнение и конкретизация его положений применительно к видам морской деятельности. В действующей редакции Водного кодекса практически не отражена специфика морей и их частей как особого вида водного объекта. Не обозначены полномочия органов власти в отношении регулирования использования морского пространства и его частей, не ставится вопрос о необходимости морского планирования. В связи с этим предлагаются следующие направления совершенствования Водного кодекса.

• Ведущим принципом водного законодательства является регулирование водных отношений в границах бассейновых округов (бассейновый подход) (ст. 3, ч. 1, п. 9). Однако в развитие этого принципа предусмотрена разработка, утверждение и реализация схемы комплексного использования и охраны водных объектов только части бассейнового округа (речного бассейна). Бассейновые советы разрабатывают рекомендации в границах бассейновых округов как основной единицы управления в области использования и охраны водных объектов. Но на практике они могут быть реализованы только в указанных схемах (на части бассейнового округа). Таким образом, в связи с тем, что в бассейновые советы входит широкий круг лиц (включая представителей органов власти и общественных организаций), необходимо возложить на этот орган разработку рекомендаций по всем видам водопользования (включая отдельные виды морской деятельности). Указанные рекомендации должны найти практическое применение при разработке инструментария в области морского планирования.

В гл. 4 «Управление в области использования и охраны водных объектов» необходимо включить статью по морскому планированию, которое должно найти отражение и в других статьях Водного кодекса, связанных с управлением, регулированием видов водопользования и охраной водных объектов.

• Морское планирование должно быть взаимосвязано с территориальным планированием, которое регулируется Градостроительным кодексом Российской Федерации [5]. Возможные направления совершенствования Градостроительного кодекса в части его увязки с морским планированием могут быть следующими.

1. Поскольку основной задачей территориального планирования является обоснование размещения объектов федерального, регионального и местного значения, то в случае нахождения этих объектов одновременно на территории и акватории требования и подходы к обоснованию их размещения должны быть отражены в Градостроительном кодексе (и одновременно в Водном кодексе). Это касается и проведения любых строительных работ на морской акватории (так как строительная деятельность регулируется Градостроительным кодексом). Следует также учитывать, что некоторые виды морской деятельности осуществляются только на территории (береговой зоны) — судостроение, развитие портов [2; 8; 9]. Их специфика также требует отражения в Градостроительном кодексе.

2. Другая важная задача территориального планирования — определение границ функциональных зон — также должна быть взаимосвязана с установлением функциональных зон на морской акватории, особенно в случае однотипности таких зон (например, особо охраняемые

территории и водные объекты). Необходимо учитывать взаимные требования и ограничения к определению границ разнотипных территориальных и акваториальных зон.

Правового разрешения требует вопрос о том, что в соответствии с Градостроительным кодексом функциональные зоны устанавливаются только в генеральных планах поселений, а в случае морского планирования необходимо установление аналогичных зон на акваториях, выходящих за границы отдельных муниципальных образований (городских и сельских поселений).

Кроме того, существует несоответствие круга решаемых задач и полномочий органов власти в области землепользования и водопользования. Градостроительным кодексом предусмотрена разработка правил землепользования и застройки, посредством которых муниципальные органы городских и сельских поселений регулируют все виды землепользования в пределах своих границ. А в области водопользования для муниципальных районов разрабатываются правила использования водных объектов для личных и бытовых целей.

3. Вопросы территориального и морского планирования должны быть увязаны с правовой и методической базой в области стратегического планирования. В настоящее же время морское планирование в этой базе не отражено. Аналогично территориальному планированию морское необходимо трактовать как «пространственную проекцию» реализации документов стратегического планирования на морском пространстве. Предусмотренные законодательством о стратегическом планировании документы (стратегии, прогнозы, программы) должны относиться как к территории Российской Федерации, ее субъектам, муниципальным образованиям, так и к морской акватории, входящей в состав соответствующих административно-территориальных единиц [3; 6; 10]. Цели и задачи их социально-экономического развития могут быть реализованы с учетом эффективного комплексного использования морского пространства, охраны морской среды. Размещение предусмотренных в этих документах объектов федерального, регионального и местного значения, финансирование создания которых намечается за счет государственных и муниципальных средств, должно быть обосновано и в документах морского планирования.

4. Для повышения эффективности управления природоохранной деятельностью органами государственной власти должны получить более четкое отражение вопросы управления морским природопользованием в программных документах, разрабатываемых органами власти субъектов Российской Федерации:

- программах по охране окружающей среды;
- программах по использованию и охране водных объектов или их частей.

Такого рода программные документы должны, с одной стороны, опираться на документы стратегического социально-экономического планирования, а с другой — учитывать упомянутые выше рекомендации и концепции по использованию водных объектов в рамках бассейновых округов.

5. Выше было отмечено, что морское планирование должно учитывать задачи сбалансированного природопользования в составе не только видов морской деятельности, но и видов морского природопользования (водопользования). В связи с этим целесообразно дополнить соответствующие федеральные законы, правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, регулирующие такие виды водопользования в части их координации с отдельными видами морской деятельности (в рамках единой системы морского планирования). В Водном кодексе (гл. 5) выделены виды водопользования (в том числе морской акватории), регулируемые федеральными законами в следующих областях:

- рыболовство и сохранение водных биологических ресурсов;
- охрана окружающей среды (в части сброса сточных вод, производства электроэнергии);
- охрана природных лечебных ресурсов, развитие лечебных оздоровительных местностей и курортов;
- охота и сохранение охотничьих ресурсов;
- недропользование (разведка и добыча полезных ископаемых);
- водный транспорт;
- использование водных объектов для взлета и посадки воздушных судов.

На уровне субъектов Российской Федерации устанавливается порядок использования водных объектов в целях защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Вопросы использования водных объектов (включая море) для отдыха, спорта и туризма, а также для личных и бытовых целей регулируются правилами использования водных объектов, разрабатываемыми и утверждаемыми органами местного самоуправления муниципального района, городского округа. Создание объектов капитального строительства в этих областях, а также пляжей регулируется Градостроительным кодексом.

С учетом рассмотренных выше подходов к морскому планированию и рекомендаций по совершенствованию законодательной и нормативной базы предлагается следующая система полномочий органов управления в области разработки правоустанавливающих и программных документов, учитывающих задачи морского планирования (табл. 2).

Таблица 2

Система полномочий органов управления в области разработки правоустанавливающих и программных документов, учитывающих задачи морского планирования

Органы управления	Основные полномочия, относящиеся к задачам морского планирования
<i>1. Федеральный уровень</i>	
1. Бассейновые советы	1. Разработка рекомендаций по регулированию водопользования на водных объектах по бассейновым округам. 2. Разработка и утверждение схемы комплексного использования и охраны водных объектов (в пределах всего бассейнового округа, включая морское пространство)
2. Министерство природных ресурсов	1. Гидрографическое и водохозяйственное районирование бассейновых округов. 2. Ведение водного реестра. 3. Дополнение схемы территориального планирования в области развития особо охраняемых природных территорий (в части их создания на морской акватории). 4. Дополнение Водного кодекса в части регулирования водопользования отдельными видами морской деятельности и заключение договоров водопользования, учитывающих результаты морского планирования
3. Министерство по чрезвычайным ситуациям	1. Разработка мероприятий по предотвращению возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на морском пространстве.
4. Министерство экономического развития	1. Разработка и реализация целевых программ в области использования и охраны Мирового океана. 2. Разработка рекомендаций по дополнению документов стратегического планирования в части планирования использования морского пространства (в том числе стратегий, программ социально-экономического развития)

Органы управления	Основные полномочия, относящиеся к задачам морского планирования
5. Министерство регионального развития	1. Дополнение Градостроительного кодекса Российской Федерации в части обоснования планируемого размещения объектов федерального, регионального и местного значения, взаимосвязанных с объектами, создаваемыми на акватории в рамках морского планирования. 2. Уточнение порядка ведения строительных работ на морской акватории. 3. Дополнение федеральной информационной системы территориального планирования (в части ее увязки с результатами морского планирования и с водным реестром)
6. Другие федеральные министерства и ведомства (участвующие в использовании морского пространства)	1. Дополнение схемы территориального планирования в области обороны, безопасности, транспорта, энергетики, связи, развития инфраструктуры естественных монополий в части создания объектов капитального строительства на морской акватории. 2. Разработка дополнений в основные законы, регулирующие их деятельность, в части задач и результатов морского планирования
<i>II. Региональный уровень</i>	
1. Исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации	1. Разработка программы по использованию и охране водных объектов (включая морское пространство) в увязке с программами охраны окружающей среды субъекта Российской Федерации. 2. Разработка документов стратегического планирования, учитывающих комплексное развитие береговой зоны и морской акватории. 3. Дополнение схем территориального планирования в части их увязки с документами морского планирования. 4. Разработка правил охраны жизни людей на водных объектах. 5. Разработка правил плавания на маломерных судах. 6. Установление порядка использования водных объектов в целях обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

III. Местный (муниципальный) уровень

1. Органы местного самоуправления муниципальных районов, городских округов.	1. Дополнения в документы стратегического планирования в части развития береговой зоны и морской акватории. 2. Разработка правил использования водных объектов общего пользования для личных и бытовых целей
2. Органы местного самоуправления городского округа, городского и сельского поселения	1. Дополнения в генеральные планы в части функционального зонирования и размещения объектов местного значения на морской акватории. 2. Дополнение правил землепользования и застройки в части видов деятельности, осуществляемых на территории и на морской акватории. 3. Разработка постановлений об ограничениях использования водных объектов

Рассмотренные выше подходы связаны только с некоторыми направлениями разработки инструментария морского планирования — оценкой применимости для морского планирования существующей правовой базы в области водных отношений, развития территории и стратегического планирования, а также с возможным распределением полномочий органов власти различных уровней в этом новом виде управленческой деятельности.

Список литературы

1. Батунова Г. В. Перспективы повышения конкурентоспособности морехозяйственного комплекса в условиях развития мирохозяйственных связей : дис. ... экон. наук. М., 2011.
2. Батунова Г. В. Региональные морехозяйственные кластеры как основа социально-экономического развития приморских территорий // Стратегическое планирование в регионах и городах России : доклады участников IX общероссийского форума «Стратегическое планирование в регионах и городах России» / под ред. Б. С. Жихаревича. СПб., 2011. С. 115—119.
3. Белюсов А. П. Сценарии социально-экономического развития России на пятнадцатилетнюю перспективу // Проблемы прогнозирования. 2006. №1. С. 3—52.
4. Войтоловский Г. К. Динамика развития. М., 2005. (Сер. Теория и практика морской деятельности; вып. 5).
5. Варгина Т. В., Мякинников В. М. Градостроительный кодекс РФ // Управление развитием территорий. 2008. №1. С. 17—20.
6. Коновалов А. М., Батунова Г. В. Целевое программирование развития российской морской деятельности // Морская политика России. 2008. 7 июня.
7. Коновалов А. М. Транспортная инфраструктура российской Арктики: проблемы и пути их решения // Евроатлантическое пространство безопасности / под ред. А. А. Дынкина, И. С. Иванова. М., 2011.
8. Коновалов А. М., Федоренко Н. М., Батунова Г. В. Рейтингование федеральных целевых программ // Федеративные отношения и региональная социально-экономическая политика. 2008. №10. С. 32—45.
9. Коновалов А. М. Приморские территории — особый плацдарм // Морская политика России. 2011. Март-апрель.
10. Прогнозирование будущего: новая парадигма / под ред. Г. Г. Фетисова, В. М. Бондаренко. М., 2008.
11. Студенецкий С. А. Рациональное и эффективное использование океанических биоресурсов как народно-хозяйственная задача // Биологические ресурсы Мирового океана. М., 1979.
12. Konovalov A. Transportation Network in the Arctic Zone of the Russian Federation // The Arctic: A Space of Cooperation and Common Security. М., 2010. С. 24—25.
13. Study on the economic effects for Maritime Spatial Planning // Report of Directorate-General for Maritime Affairs and Fisheries. 2010. April.

14. *The role of maritime clusters to enhance the strength and development of maritime sectors. Overview of the applied research methodology // Commissioned by the European Commission (DG MARE). 2008. November .*
15. *Backer H., Frias M. Planning the Bothnian sea. Helsinki, 2012.*
16. *Nolte N., Toben S., Lamp J. BaltSeaPlan Report 2 // Strategies with relevance for German maritime space. Hamburg, 2012.*
17. *Morf A. BaltSeaPlan Report 7 — Strategies with relevance for Swedish maritime space. Gothenburg, 2012.*
18. *Gee K., Kannen A., Heinrichs B. BaltSeaPlan Report 8 // Towards a common spatial vision: Implications of the international and national policy context for Baltic Sea space and MSP. Geesthacht, 2011.*
19. *Zaucha J., Matczak M. BaltSeaPlan Report 10 // Developing a Pilot Maritime Spatial Plan for the Southern Middle Bank. Gdańsk, 2011.*
20. *Käppeler B., Toben S., Chmura G. et al. BaltSeaPlan Report 9 // Developing a Pilot MSOP for the Pomeranian Bight and Arkona Basin. Hamburg, 2012.*
21. *UNESCO initiative on marine spatial planning. URL: http://www.unesco-ioc-marinesp.be/msp_around_the_world.*
22. *Project BaltSeaPlan. URL: <http://www.baltseaplan.eu/index.php/Reports-and-Publications;809/1>.*

Об авторе

Мякиненков Валерий Михайлович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: myakinenkov@yandex.ru

KEY STRATEGIES OF DEVELOPMENT OF RESEARCH TOOLS AND METHODS FOR MARINE SPATIAL PLANNING

V. M. Myakinenkov

Saint Petersburg State University

7—9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received on December 2, 2012

Marine spatial planning has been widely applied in the leading maritime countries. However, it is not so common in Russia, where the corresponding legislative framework is absent. Spatial planning has common features with marine planning, especially when it comes to the tools, principles, and methods. The difference lies in the characteristics of the planning object, the principles of delineating the borders

of territories and water areas and the authorities of governing bodies. Marine space, its parts, and sea (water) use types and regulation are covered by a number of laws of the Russian Federation. However, an integral mechanism of marine planning has not been developed at the legislative level. The Strategy for the Development of Maritime Activities until 2030 sets the task of developing the tools of marine spatial planning. This article considers certain lines of development of marine planning tools: the assessment of applicability of the existing legal framework in the field of water relations; development of territory and strategic planning; and possible distribution of authority of different governing bodies in this new field of administrative activity.

Key words: spatial planning, marine planning, strategic socioeconomic planning, territory, water area.

References

1. Baturova, G. V. 2011, *Perspektivy povyshenija konkurentosposobnosti morehozjajstvennogo kompleksa v uslovijah razvitija mirohozjajstvennyh svjazej* [Prospects of improving the competitiveness of the complex marine economic development in world economic relations], Dissertation for the degree of candidate of economic sciences, Moscow, Sovet po izucheniju proizvoditel'nyh sil (SOPS).
2. Baturova, G. V. 2011, Regional'nye morehozjajstvennye klasteri kak osnova social'no-jekonomicheskogo razvitija primorskih territorij [Regional marine economic clusters as a basis of socio-economic development of coastal areas]. In: Zhyharevych, B. S. (ed.). *Strategicheskoe planirovanie v regionah i gorodah Rossii. Doklady uchastnikov IX Obshherossijskogo foruma «Strategicheskoe planirovanie v regionah i gorodah Rossii»* [Strategic planning in the regions and cities of Russia. Reports the IX All-Russian Forum "Strategic planning in the regions and cities of Russia"], St. Petersburg, Leont'evskij centr, p. 115—119.
3. Belousov, A. R. 2006, Scenarii social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossii na pjatnadcatiletnjuju perspektivu [Scenarios of socio-economic development of Russia for fifteen years perspective], *Problemy prognozirovanija* [Problems of forecasting], no. 1, p. 3—52.
4. Voitilovsky, G. K. 2005, *Dinamika razvitija* [The dynamics of the development], Moscow, SOPS.
5. Vargina, T. V., Myakinenkov, V. M. 2008, Gradostroitel'nyj kodeks RF [Town Planning Code], *Upravlenie razvitiem territorij* [Managing the development of territories], no. 1, p. 17—20.
6. Konovalov, A. M., Baturova, G. V. 2008, Celevoe programmirovanie razvitija rossijskoj morskoy dejatel'nosti [Targeted programming for the Russian maritime activities], *Morskaja politika Rossii* [Russian Maritime Policy], June. 7. Konovalov, A. M. 2011, Transportnaja infrastruktura rossijskoj Arktiki: problemy i puti ih reshenija [Transport infrastructure in the Russian Arctic: Challenges and Solutions]. In: Dynkin, A. A. Ivanov, I. S. *Evroatlanticheskoe prostranstvo bezopasnosti* [Euro-Atlantic security], Moscow, LENAND.
7. Konovalov, A. M. 2011, Transportnaja infrastruktura rossijskoj Arktiki: problemy i puti ih reshenija [Transport infrastructure in the Russian Arctic: Challenges

and Solutions]. In: Dynkin, A. A. Ivanov, I. S. *Evroatlanticheskoe prostranstvo bezopasnosti* [Euro-Atlantic security], Moscow, LENAND.

8. Konovalov, A. M. Fedorenko, N. M., Baturova, G. V. 2008, Rejtingovanie federal'nyh celevykh programm [Ratings of federal programs], *Federativnye otnosheniya i regional'naja social'no-jekonomicheskaja politika* [Federal relations and regional socio-economic policy], no. 10, p. 32—45.

9. Konovalov, A. M. 2011, Primorskije territorii — osobyj placdarm [Coastal territory — a special foothold], *Morskaja politika Rossii* [Russian Maritime Policy], March-April.

10. Fetisov, G. G., Bondarenko, V. M. (eds.). 2008, *Prognozirovanie budushhego: novaja paradigma* [Forecasting the Future: A New Paradigm], Moscow, Economica.

11. Studenetsky, S. A. 1979, *Racional'noe i jeffektivnoe ispol'zovanie okeanicheskikh bioresursov kak narodnohozjajstvennaja zadacha* [Rational and efficient use of ocean biological resources as economic problems], Moscow, Nauka.

12. Konovalov, A. 2010, Transportation Network in the Arctic Zone of the Russian Federation. In: Zagorsky, A. V. (ed.), *The Arctic: A Space of Cooperation and Common Security*, Moscow, IMEMO RAN, p. 24—25.

13. Study on the economic effects for Maritime Spatial Planning, 2010, *Report of Directorate-General for Maritime Affairs and Fisheries*, April.

14. The role of maritime clusters to enhance the strength and development of maritime sectors, 2008, *Overview of the applied research methodology*, Commissioned by the European Commission (DG MARE), November. 16. Backer, H., Frias, M. (eds.). 2012.

15. *Planning the Bothnian sea — key findings of the Plan Bothnia project*, Helsinki.

16. Nolte, N., Toben, S., Lamp, J. 2012, *BaltSeaPlan Report 2 — Strategies with relevance for German maritime space*, Hamburg.

17. Morf, A. 2012, *BaltSeaPlan Report 7 — Strategies with relevance for Swedish maritime space*, Gothenburg.

18. Gee, K., Kannen, A., Heinrichs, B. 2011, *BaltSeaPlan Report 8 — Towards a common spatial vision: Implications of the international and national policy context for Baltic Sea space and MSP*, Geesthacht.

19. Zaucha, Ja., Matczak, M. 2011, *BaltSeaPlan Report 10 — Developing a Pilot Maritime Spatial Plan for the Southern Middle Bank*, Gdańsk.

20. Käppeler, B., Toben, S. 2012, *Grazyna Chmura, Stanislaw Walkowicz, Nico Nolte, Petra Schmidt, Jochen Lamp, Cordula Göke5 and Christian Mohn BaltSeaPlan Report 9 — Developing a Pilot MSOP for the Pomeranian Bight and Arkona Basin*, Hamburg.

21. *UNESCO initiative on marine spatial planning*, available at: http://www.unesco-ioc-marinesp.be/msp_around_the_world (accessed 17 October 2012).

22. *Project BaltSeaPlan*, available at: <http://www.baltseaplan.eu/index.php/Reports-and-Publications;809/1> (accessed 21 October 2012).

About the author

Dr Valery Myakinenkov, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University.

E-mail: myakinenkov@yandex.ru

УДК 338.485 (474/476)

**РАЗВИТИЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО
ТУРИЗМА В ЛИТВЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
АСПЕКТОВ**

Э. Спиряевас *

Отмечено, что процессы, связанные с развитием международного туризма в Литве, имеют важное значение для роста экономического, социального и культурного благосостояния страны. Возрастающая среди зарубежных гостей туристическая и рекреационная привлекательность таких городов, как Друскининкай, Тракай, Паланга, Вильнюс и Клайпеда, а также хорошее сочетание цены и качества предлагаемых услуг способствуют росту конкурентоспособности на рынке международного туризма. Стандарты услуг, применяемые на литовском рынке международного туризма, поддерживают и продвигают имидж Литвы в регионе Балтийского моря.

Межрегиональное сотрудничество Литвы, Латвии и Эстонии в сфере развития международного туризма реализуется на основе государственного и частного партнерства. Недавно было признано, что три Прибалтийских государства формируют интеграционный регион в сфере международного туризма и оказывают соответствующее влияние на Калининградскую область, Северо-Восточную Польшу, Южную Финляндию и частично на Беларусь. Показано, что в связи с этим Литва играет существенную роль в интеграции туристической инфраструктуры Калининградской области в туристическую систему Прибалтийских государств.

Цель настоящего исследования — провести сравнительный анализ процессов, связанных с развитием международного туризма в Литве, в контексте Прибалтийских государств. С практической стороны основное внимание в работе уделяется сравнению региональных аспектов и факторов конкурентоспособности, а также дальнейшему развитию международного туризма в Литве в рамках приграничного и трансграничного сотрудничества.

Ключевые слова: международный туризм, развитие, Литва, региональное сравнение, Прибалтийские государства, Калининградская область

* Клайпедский университет.
LT-92294, Литва, Клайпеда,
ул. Геркаус Манто, 84.

Поступила в редакцию 12.11.2012 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-8

© Спиряевас Э., 2013

Введение

В последнее время многие регионы Восточной Европы при создании стратегий регионального развития уделяют особое внимание процессам, связанным с развитием международного туризма. Туризм, будучи приоритетом в стратегиях регионального развития, оказал существенное влияние и на приграничное сотрудничество, что само по себе уже оправдывает усилия по его развитию не только в Европе, но и в других регионах мира [18; 19]. На развитие международного туризма влияют общие процессы мировой глобализации. Туризм, активно способствуя европейской интеграции, стал одним из наиболее важных приоритетов для Литвы [7], а также для Латвии и Эстонии. Эти страны располагаются на перекрестке межрегиональных контактов (Восток — Запад и Север — Юг), через их территорию проходят транспортные пути, что позволяет развивать международный туризм [2].

Согласно прогнозам Всемирной туристической организации до 2020 г., рост туристического сектора в регионе Балтийского моря будет выше по сравнению с другими регионами Европы [4; 5]. Это хорошая новость, поскольку развитие туризма внесет существенный вклад в экономический рост и благосостояние региона. Однако возникает и проблема качественного роста, т.е. сочетание роста туристического сектора с сокращением использования энергетических ресурсов и снижением загрязнения окружающей среды. Сегодня «Балтика-21» представляет собой проект регионального развития в рамках программы «Повестка-21», нацеленный на реализацию стратегии устойчивого развития в регионе Балтийского моря. Туризм выступает одним из семи основных приоритетов «Балтики-21» («Повестки-21») [1].

Развитие международного туризма в Литве — важный компонент в создании экономического, социального, культурного и даже экологического благосостояния, т.е. международный туризм играет важную роль в диверсификации экономики, защите природного и культурного наследия, повышении ценности нематериального наследия: местной кухни, ремесел и т.д. Упомянутые факторы стали ключевыми в разработке маркетинговых стратегий для туристического сектора в Литве. За последние годы в ЛР были созданы определенные социально-экономические предпосылки, и она уже представила себя на рынке международного туризма в качестве страны со своим особым туристическим продуктом. Литва поняла необходимость сохранения и заботы о своих природных, исторических и культурных памятниках. Природные ресурсы имеют большое значение для развития туризма [6]. Несмотря на то что Литва пережила период «планового социализма», удалось сохранить ее специфические особенности. В стране были созданы национальные и региональные парки, сочетающие в себе природные и этно-

культурные ценности, и они стали так называемыми точками притяжения для туристов.

Развитие международного туризма в Литве: региональный контекст в регионе Балтийского моря

Литва, Латвия и Эстония не новички в сфере туризма [8]. Так, Эстония была одним из наиболее любимых мест отдыха финских туристов в течение десятилетий [22], а пляжи и прибрежные грязевые лечебницы Латвии привлекали представителей российской элиты задолго до начала советской эпохи [17]. Благодаря своим рекреационным возможностям и курортам на берегу Балтийского моря Литва всегда была привлекательной для русских и белорусов в советский период.

Крупнейший рост въездного туризма в Литве, Латвии и Эстонии, а также во всем регионе Балтийского моря наблюдается с 2004 г., когда эти Прибалтийские страны вступили в ЕС. Вместе с тем и Калининградская область — российский эксклав на Балтийском побережье — стала одним из привлекательных туристических направлений на рынке международного туризма [11; 16]. Сочетание благоприятных факторов, таких как географическое положение, приемлемые цены, история и традиции, недостаток знаний о прибалтийских государствах, новая геополитическая ситуация в регионе, а также развитая транспортная сеть и относительно малые расстояния — все это создало предпосылки для появления новых туристических направлений на небольшой географической территории, обладающей различными возможностями для отдыха и туризма, что, в свою очередь, повышает конкурентоспособность Прибалтийских государств и Калининградской области.

После распада Советского Союза в 1991 г. и обретения Прибалтийскими государствами независимости туристический сектор столкнулся со многими проблемами в части реструктуризации и реформирования, принятия новых правил игры в условиях свободного рынка [8]. Изменение структуры туристического потока, т. е. практически полное прекращение визитов туристов из России, Беларуси и Украины, привело к существенным экономическим потерям. Новый туристический рынок еще не был сформирован. Рекреационные сооружения не соответствовали международным стандартам, здравницы на побережье Балтийского моря и в глубине страны пустовали, поскольку они не были известны на западном рынке туристических услуг. В некоторых случаях степень обветшания рекреационной инфраструктуры достигала 60%. После 1994 г. наблюдается определенная тенденция к росту количества зарубежных туристов в Прибалтийских странах. Основным движущим фактором стало то, что «новые страны Европы все еще оставались закрытыми для за-

падных рынков». Другими словами, Прибалтийские страны начали вызывать все больший интерес в связи с процессом их вступления в ЕС. В путеводителе «Lonely Planet», изданном в 1994 г., раздел, посвященный Прибалтийским государствам и Калининградской области, начинается словами: «Будучи последним рубежом путешествий по Европе, Прибалтийские государства, возможно, являются кладом исторического, культурного и природного очарования. Поездка в Прибалтийские государства считалась экзотическим приключением и была сродни путешествию к давно забытым рубежам». Первые гости с Запада прибыли из Финляндии в Эстонию (благодаря географической близости между столицами этих стран начали активно развиваться ежедневные паромные туры) и из Германии в Литву (в Клайпедский округ).

История Клайпедского округа связана с историей бывшей Восточной Пруссии, поэтому там преобладал так называемый ностальгический туризм (как и в Калининградской области). Туристы из Польши начали посещать восточную часть Литвы и ее столицу Вильнюс, которые до Второй мировой войны входили в состав Польши и где проживала довольно многочисленная польская диаспора. Вместе с тем благодаря изменению геополитической ситуации в Прибалтийских государствах в Латвию продолжали приезжать туристы из России, поскольку там проживала большая русскоговорящая диаспора.

В Латвии и Эстонии также стали появляться первые предпосылки для развития международного туризма, нацеленного на туристические рынки Скандинавских стран и Германии; начали применяться международные стандарты в сфере туристического бизнеса и транспортной системы. Было организовано хорошее паромное сообщение по маршруту Таллин — Хельсинки, Таллин — Стокгольм, а также между Ригой и Стокгольмом.

Литовская столица Вильнюс располагается вдалеке от побережья, и поэтому добраться до него зачастую сложнее по сравнению с Таллином и Ригой. Кроме того, аэропорт в Риге предлагал более разветвленную сеть авиамаршрутов между Востоком и Западом, и за Ригой закрепилось неофициальное название «прибалтийский Париж» — благодаря западноевропейскому уровню предлагаемых туристических услуг и прекрасно сохранившимся объектам культурного наследия. Туристический рынок Эстонии взял ориентир на Финляндию и Швецию, тогда как туристический рынок Литвы стал более диверсифицированным и более ориентированным на Центрально-Восточную Европу и Скандинавские страны. Туристический рынок Латвии был направлен строго на Швецию и Германию. До вступления в Евросоюз туристический сектор Прибалтийских государств не в достаточной мере занимался восточными рынками (Россией, Беларусью, Украиной), хотя поток туристов оттуда, и особенно из России, всегда был значительным.

Сегодня Прибалтийские государства стали известны на европейском рынке международного туризма благодаря своим природным ландшаф-

там, пляжам и курортам на Балтийском побережье, природным и региональным паркам, где отдых сочетается с культурно-этническими элементами и возможностями сельского туризма. Развитию международного туризма также способствуют компактность территорий Прибалтийских стран, небольшие расстояния, развитая сеть автомобильных дорог и авиаперевозок. Кроме того, туристические маршруты по городам (столицам) и развитие круизного туризма также играют существенную роль.

В географическом и историческом плане Калининградская область, будучи территорией бывшей Восточной Пруссии, особенно связана с Литвой. Схожесть природного ландшафта, наличие большого количества объектов культурного наследия, развитие одинаковых видов туристической активности, идентичные особенности рекреационных ресурсов, транспортная доступность, западные стандарты предлагаемых услуг — все это создает предпосылки для сотрудничества в сфере развития международного туризма. Однако основными препятствиями на пути развития считаются эксклавное положение российского региона, визовый режим для граждан Европейского союза, прибывающих в Калининградскую область, и для калининградцев, выезжающих в ЕС. Поэтому основными потребителями туристических услуг в Калининградской области выступают российские туристы. С 2004 г. поток иностранных туристов здесь снижается. Визовый режим является преградой для развития приграничного сотрудничества, и, таким образом, Калининградская область становится все более изолированной на рынке международного туризма в регионе Балтийского моря. При этом она остается популярной с точки зрения въездного туризма у жителей Польши, Литвы, других регионов России и стран СНГ.

Потоки иностранных туристов: структура и перемены

В настоящее время въездной международный туризм играет существенную роль в экономиках Прибалтийских государств и, являясь фактором экономического развития, оказывает влияние на многие процессы регионального развития и территориального сотрудничества на международном уровне.

Рост потока иностранных туристов в Прибалтийских странах стал особенно заметен с 1995 г. В 1995 г. в Литве побывало 650 тыс. иностранных туристов [14], в Латвии и Эстонии — 539 тыс. и 530 тыс. соответственно [9; 13]. По последним статистическим данным, в 2011 г. Литву посетили 4 504 300 [15], Латвию — 3 257 000 [13] и Эстонию — 2 460 000 [10] туристов с различной продолжительностью пребывания. География стран, откуда они приезжали, также различна. В 2009 г. Литву посетили 1 800 000 иностранцев, среди них преобладали туристы из Польши (16,7%), Германии (14,6%), России (10,5%), Латвии (8,3%),

Беларуси (6,9%), Эстонии (4,0%), Финляндии (4,0%), Великобритании (3,4%), Франции (2,9%), Италии (2,7%), Швеции (2,5%), США (2,3%), Норвегии (2,1%) (данные «Lithuanian Tourism...», 2009 г.) [14]. В 2011 г. в Литве побывали 1 775 000 иностранцев с длительностью пребывания более 3 дней среди них были туристы из Беларуси (19%), России (15%), Польши (12%), Латвии (10%), Германии (9%), Финляндии (4%), Великобритании (3%), Швеции (3%), Эстонии (3%), Норвегии (2%) (данные «Lithuanian Tourism...», 2011 г.) [15].

В 2009 г. Латвию посетили 1 113 898 туристов, в основном из Литвы (13,9%), России (12,4%), Швеции (10,9%), Эстонии (10,2%), Германии (8,9%), Финляндии (8,7%), Норвегии (4,7%) и Великобритании (4,6%) [13]. В 2011 г. из 1 807 919 иностранных туристов с длительностью пребывания более 3 дней, были в основном гости из России (18,1%), Литвы (12,9%), Германии (7,8%), Швеции (10,1%), Эстонии (6,8%), Финляндии (6,4%), Норвегии (4,2%) и Великобритании (4,1%) [13].

В 2009 г. Эстонию посетили 1 380 540 туристов, главным образом из Финляндии (54,4%), России (6,8%), Швеции (5,6%), Германии (5,5%), Латвии (4,94%), Норвегии (2,9%), Великобритании (2,4%) и Литвы (2,4%) [9]. В 2011 г. гостями Эстонии стали 1 807 919 туристов с длительностью пребывания более 3 дней — из Финляндии (46,5%), России (11,2%), Германии (5,7%), Швеции (4,7%), Латвии (4,7%), Великобритании (3,9%), Норвегии (2,8%) и Литвы (2,6%) [10].

Недавно продвижение въездного туризма из России и Беларуси было выбрано в качестве одного из приоритетов развития на основе объединяющих их с Прибалтийскими странами международно признанных стандартов, особенно между Литвой и Беларусью, имеющих долгие исторические связи. Другими странами, развитие и поддержку въездного туризма из которых Литва также обозначила своим приоритетом, выступают Польша, Германия, Великобритания, Франция, Италия и Испания.

В целом регион стал наиболее динамично развивающимся туристическим направлением во всей Европе. Еще одна особенность въездного туризма в Прибалтийских странах: высокая пропускная способность туристических достопримечательностей и большие возможности для размещения туристов в столичных городах. Около 57% ночного пребывания иностранных туристов приходилось на столицы в 2009 г., при этом самый высокий показатель был в Риге (73%), в Таллине — 56%, в Вильнюсе — 46% (данные «Consumetric...», 2009 г.) [3].

За период с 1993 по 2011 г. доходы от пребывания иностранных туристов в Литве выросли почти в 36 раз и к концу 2011 г. достигли суммы в 1,01 млрд евро. В течение всего этого периода наблюдался положительный баланс, т.е. доходы от иностранного туризма постоянно превосходили расходы [20]. По последним данным, на долю въездного туризма приходится около 26,9% от всего экспортного дохода Литвы.

Факторы конкурентоспособности в развитии иностранного туризма в Литве

В целом, определяя конкурентоспособность международного туризма в Литве, можно выделить следующие факторы (см. табл.).

Факторы конкурентоспособности

Положительные факторы	Отрицательные факторы
<p>Географически малая территория и небольшое население.</p> <p>Географическое расположение между Востоком и Западом, восточная граница ЕС.</p> <p>История и аутентичность (отражение польской, белорусской, российской и немецкой истории и культуры).</p> <p>История, а также материальное и нематериальное наследие советского периода.</p> <p>Аутентичность литовской культуры (язык, этническая культура, кухня, традиции).</p> <p>Низкая плотность населения (в Литве около 49 человек на км², в Латвии — 34, в Эстонии — 29).</p> <p>Почти нетронутая природная среда: леса, болота, озера, прибрежные зоны, плотная сеть охраняемых территорий.</p> <p>Деревенский уклад и традиции — база для сельского туризма.</p> <p>Высокая плотность городов с населением до 1,5 тыс. жителей.</p> <p>Еда, напитки и развлечения дешевле, чем в западных странах и СНГ», т. е. умеренные цены и хорошее качество по западным стандартам.</p> <p>Платежи принимаются по кредитным и дебетным картам даже в небольших городах и на окраинах.</p> <p>Развитая национальная информационная система для туристов</p>	<p>Погода (недостаток солнечных дней, климат прохладный и влажный).</p> <p>Сезонный характер (3—4 месяца туристического сезона), недостаток развлечений в зимнее время.</p> <p>Плохая железнодорожная связь между Литвой и Польшей.</p> <p>Нехватка кемпингов.</p> <p>Недостаточная интегрированность туристических маршрутов с Латвией и Эстонией.</p> <p>Недостаточное сотрудничество на региональном уровне между соседними странами в сфере туристического маркетинга и распространения туристической информации.</p> <p>Недостаточное сотрудничество в рамках модели трехстороннего партнерства (Triple Helix) между органами власти, представителями бизнеса и научно-исследовательскими и учебными учреждениями.</p> <p>Отсутствие четкой туристической стратегии для восточных рынков (Россия, Белоруссия и другие страны СНГ).</p> <p>Неясно определенный имидж Литвы в России.</p> <p>Визовый режим: необходимость получения туристических виз в летний сезон потенциальными туристами из России, Белоруссии и других стран СНГ.</p> <p>Для литовских туристов посещение России является дорогостоящим, и зачастую российские туристические объекты имеют недостаточное качество.</p> <p>Недостаток туристической информации и прочих видов социальной связи между Литвой и Калининградской областью</p>

Источник: результаты собственного исследования автора (2012 г.).

Рассматривая комплекс туристических ресурсов и их территориальное распределение, можно сказать, что Литва специализируется в следующих сферах международного туризма:

— экотуризм (наблюдение за птицами, природные тропы, велосипедные прогулки, катание на лыжах, соревнования на открытом воздухе);

— культурно-познавательный туризм (архитектура, история, искусство, национальная кухня, события культурной жизни, выдающиеся личности), включая историю советского периода;

— медицинский и оздоровительный туризм;

— водолечебные процедуры;

— деловой туризм (конференции, семинары и выставки);

— сельский туризм;

— городской туризм («долгий уик-энд»).

Развитие подобных направлений международного туризма также характерно для Латвии [12; 21] и Эстонии. В Литве более развиты направления: медицинский и оздоровительный туризм, водолечебный и сельский туризм. В Латвии преобладают городской туризм и культурно-познавательный туризм, спортивный туризм в зимний период [12]. В Эстонии — круизный туризм, сельский и городской туризм.

Создание концептуального туристического имиджа Прибалтийских стран всегда было важной задачей, особенно для Литвы, однако до сих пор не появилось общего регионального туристического бренда из-за желания каждой страны подчеркнуть собственную важность и привлекательность. Эстония была первой страной, применившей «позывной» бренд: «*Посетите Эстонию*»; в Латвии лозунг «*Поющая страна*» был изменен на «*Лучшим наслаждаются не спеша*». Литва испытала трудности в создании туристического бренда из-за своей культурной ориентации и исторических связей с Центрально-Восточной Европой, а также расположения столицы вблизи границы с Беларусью. Лозунг «*Храбрая страна*» подчеркивает особое культурно-историческое положение Литвы на перекрестке Запада и Востока.

Говоря о сотрудничестве Прибалтийских государств в сфере оказания туристических услуг, следует отметить, что между странами организовано довольно плодотворное взаимодействие в области инфраструктуры и предоставления электронных услуг. В данном случае была перенята и применена скандинавская модель, которая позволила обрисовать не только физические, но и виртуальные границы между странами в сфере транспорта, путешествий и гостиничного бизнеса.

Процессы слияния туристических секторов Прибалтийских стран усилились после их вступления в Евросоюз, когда все три государства воспринимались как единый регион, в том числе и с точки зрения туризма. Позднее эти страны присоединились к Шенгенскому пространству, что привело к физическому исчезновению границ между ними. Как следствие — возникло институциональное единство между поставщиками различных услуг. Таким образом, в Литве, Латвии и Эстонии появилась единая сеть гостиниц и систем бронирования номеров в них, авиационных, автобусных и паромных маршрутов, а также виртуальная инфраструктура для получения туристической информации (веб-сайты, брошюры, реклама). Банковские системы этих трех стран также в основном консолидированы с банками скандинавских соседей (Финляндии, Швеции, Дании и Норвегии), благодаря чему широко распространены платежи по банковским картам и при снятии наличных денег через банкоматы дочерних банков (при этом не взимаются банковские сборы).

В целом дальнейшее успешное развитие туризма в Прибалтийских государствах зависит от пространственной интеграции их инфраструктуры с Финляндией, Калининградской областью России, Северо-Восточной Польшей и частично с Беларусью в сфере приграничного и трансграничного сотрудничества. Тем не менее все еще сохраняются существенные региональные отличия в конкурентных преимуществах в разных частях Прибалтийских стран с точки зрения развития рынка международного туризма. Так, Литва играет важную роль в продвижении международного туризма в Северо-Западной Беларуси и Калининградской области, которые являются приоритетами в территориальном сотрудничестве и развитии совместных туристических проектов.

Список литературы

1. *Agenda 21: Baltic Sea Region Tourism* // Baltic 21 Tourism Group. Baltic 21 Series. № 7/98.
2. *Bengtsson R.* An EU Strategy for the Baltic Sea Region: Good Intentions Meet Complex Challenges // *European Policy Analysis*. 2009. №9. P. 1—11.
3. *Consumetric*. Estonian Tourism Board information. 2009. URL: www.consumetric.ee (дата обращения: 15.11.2012).
4. *Europe's Strategy for the Baltic Sea Region*. European Commission // SEC. 2009. 712/2.
5. *European Tourism 2010: Trends and Prospects* // *Quarterly Report*. 2010. 3Q.
6. *Demunter Ch., Dimitrakopoulou Ch.* Camping Holidays in the European Union, More Than 350 Million Nights Spent on Campsites in 2008 // *Eurostat Statistics in Focus*. European Commission, 2010.

7. *Grundey D.* Managing Sustainable Tourism in Lithuania: Dream or Reality? // *Baltic Journal of Sustainability*. 2008. Vol. 14, №2. P. 118—129.
8. *Hall D.R.* Tourism Development and Sustainability Issues in Central and South-eastern Europe // *Tourism Management*. 1998. Vol. 19, №5. P. 423—431.
9. *Inbound Tourism in Estonia 2009*. EAS Enterprise Estonia. URL: www.visi-testonia.com (дата обращения: 7.11.2012).
10. *Inbound Tourism in Estonia 2011*. EAS Enterprise Estonia. URL: www.visi-testonia.com (дата обращения: 17.11.2012).
11. *Kropinova E.* Zoning of the Kaliningrad Region for the Purposes of Tourism and Recreation and Development of Trans-border Cooperation // *Tiltai*. 2009. №. 3 (48). P. 117—128.
12. *Latvian Tourism Marketing Strategy 2010—2015*. URL: <http://www.tava.gov.lv/sites/tava.gov.lv/files/dokumenti/strategiskie-dokumenti/Latvian-tourism-marketing-strategy-2010—2015.pdf> (дата обращения: 5.10.2012).
13. *Latvian Statistical Bureau*. 2012. URL: www.csb.lv (дата обращения: 5.10.2012).
14. *Lithuanian Tourism Statistics 2008*. Valstybinis Turizmo departamentas prie LR Ūkio ministerijos. Vilnius, 2009.
15. *Lithuanian Tourism Statistics 2011*. Valstybinis Turizmo departamentas prie LR Ūkio ministerijos. Vilnius, 2012.
16. *Morozov V.* Russia in the Baltic Sea Region: Desecuritization or Deregionalization? // *Cooperation and Conflict*. 2004. №39. P. 317—331.
17. *Nichols K.* Tourism as a Nation-Building Tool in the Baltic Republics // *Middle States Geographer*. 2001. №34. P. 1—9.
18. *Panorama on Tourism*. Eurostat Statistical Book. European Commission, 2008. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 7.11.2012).
19. *Spiriajevas E.* The Impact of Tourism Factor for Development of the South-East Baltic Coastal-Border Regions // *GTG: GeoJournal of Tourism and Geosities*. 2008. №. 2. P. 118—128.
20. *Strategy of Lithuania's Tourism Communication and Marketing 2009—2013*. Valstybinis Turizmo departamentas prie LR Ūkio ministerijos. Vilnius, 2009.
21. *Sustainable Development Strategy of Latvia until 2030*. Saeima of the Republic of Latvia. Riga, 2010.
22. *Unwin T.* Tourist Development in Estonia: Images, Sustainability and Integrated Rural Development // *Tourism Management*. 1996. Vol. 17, №4. P. 265—276.

Об авторе

Спиряевас Эдуардас, доктор естественных наук (география), профессор, руководитель Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва).

E-mail: borderlithuania@gmail.com

THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TOURISM IN LITHUANIA:
A COMPARATIVE ANALYSIS OF REGIONAL ASPECTS

E. Spiriajevas

Klaipėda University
84, Herkaus Manto, Klaipėda, LT-92294, Lithuania

Received on November 12, 2012

The processes related to the development of international tourism in Lithuania are of importance for the growth of economic, social, and cultural welfare. The increasing tourist and recreational attractiveness of such cities as Druskininkai, Trakai, Palanga, Vilnius, and Klaipėda to international tourists, as well as an advantageous quality-price ratio of the services offered contribute to the growth of competitiveness on the international tourism market. Service standards applied in Lithuania at the international tourism market uphold and improve the image of Lithuania in the Baltic Sea region.

The interregional cooperation between Lithuania, Latvia, and Estonia in the field of international tourism development is based on the principle of public private partnership. It has been recently acknowledged that the three Baltic States form an integrating region in the field of international tourism and thus affect the Kaliningrad region, North-east Poland, Southern Finland, and partially Belarus. Therefore, Lithuania plays an important role in the integration of the tourist infrastructure of the Kaliningrad region into the tourist system of the Baltics.

This study aims to conduct a comparative analysis of the processes relating to the development of international tourism in Lithuania in the context of the Baltic States. We also carry out the comparison of regional competitive factors and trace the patterns for further development of international tourism in Lithuania in the framework of cross-border and transborder cooperation.

Key words: International tourism, development, Lithuania, regional comparison, Baltic states, Kaliningrad region

References

1. *Agenda 21: Baltic Sea Region Tourism. Baltic 21 Tourism Group*, 1998, Baltic 21 Series no. 7/98, Agenda 21 for the Baltic Sea Region Baltic 21 Tourism Group, USA, Stockholm Environment Institute-Boston Center, 74 p.
2. Bengtsson, R. 2009, An EU Strategy for the Baltic Sea Region: Good Intentions Meet Complex Challenges, *European Policy Analysis*, no. 9, p. 1—11.
3. *Consumetric. Estonian Tourism Board information*, 2009, available at: www.consumetric.ee (accessed 15 November 2012).
4. *Europe's Strategy for the Baltic Sea Region*, 2009, European Commission, SEC 712/2.
5. European Tourism 2010: Trends and Prospects, 2010, *Quarterly Report*, 3Q, 28 p.

6. Demunter, Ch., Dimitrakopoulou, Ch. 2010, Camping Holidays in the European Union, More Than 350 Million Nights Spent on Campsites in 2008, *Eurostat Statistics in Focus*, European Commission, 8 p.
7. Grundey, D. 2008, Managing Sustainable Tourism in Lithuania: Dream or Reality?, *Baltic Journal of Sustainability*, Vol. 14, no. 2, p. 118—129.
8. Hall, D. R. 1998, Tourism Development and Sustainability Issues in Central and South-eastern Europe, *Tourism Management*, Vol. 19, no. 5, p. 423—431.
9. Inbound Tourism in Estonia 2009, *EAS Enterprise Estonia*, available at: www.visitestonia.com (accessed 7 November 2012).
10. Inbound Tourism in Estonia 2011, *EAS Enterprise Estonia*, available at: www.visitestonia.com (accessed 17 November 2012).
11. Kropinova, E. 2009, Zoning of the Kaliningrad Region for the Purposes of Tourism and Recreation and Development of Trans-border Cooperation, *Tiltai*, no. 3 (48), p. 117—128.
12. *Latvian Tourism Marketing Strategy 2010—2015*, available at: <http://www.tava.gov.lv/sites/tava.gov.lv/files/dokumenti/strategiskie-dokumenti/Latvian-tourism-marketing-strategy-2010—2015.pdf> (accessed 5 October 2012).
13. *Latvian Statistical Bureau*, 2012, available at: www.csb.lv (accessed 5 October 2012).
14. *Lithuanian Tourism Statistics 2008. 2009*, Valstybinis Turizmo departamentas prie LR Ūkio ministerijos.
15. *Lithuanian Tourism Statistics 2011. 2012*, Valstybinis Turizmo departamentas prie LR Ūkio ministerijos.
16. Morozov, V. 2004, Russia in the Baltic Sea Region: Desecuritization or De-regionalization? *Cooperation and Conflict*, no. 39, p. 317—331.
17. Nichols, K. 2001, Tourism as a Nation-Building Tool in the Baltic Republics, *Middle States Geographer*, no. 34, p. 1—9.
18. *Panorama on Tourism. Eurostat Statistical Book*, 2008, European Commission, 96 p., available at: <http://ec.europa.eu/eurostat> (accessed 7 November 2012).
19. Spiriajevas, E. 2008, The Impact of Tourism Factor for Development of the South-East Baltic Coastal-Border Regions, *GTG: GeoJournal of Tourism and Geosities*, no. 2, p. 118—128.
20. *Strategy of Lithuania's Tourism Communication and Marketing 2009—2013*, Valstybinis Turizmo departamentas prie LR Ūkio ministerijos, 155 p.
21. *Sustainable Development Strategy of Latvia until 2030*, 2010, Saeima of the Republic of Latvia, 107 p.
22. Unwin, T. 1996, Tourist Development in Estonia: Images, Sustainability and Integrated Rural Development, *Tourism Management*, Vol. 17, no. 4, p. 265—276.

About the author

Prof. Dr Eduardas Spiriajevas, Head of the Centre for Transborder Studies, Klaipėda University.

E-mail: borderlithuania@gmail.com

УДК 339.92+001.83 (474/476)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАН БАЛТИИ И РОССИИ

А. А. Михайлова*

Оценивается возможность интеграции России в единое научно-техническое и инновационное пространство Балтийского региона. Приводятся результаты сравнительного анализа инновационного развития России и стран Балтии на основе расчета показателей интегральной оценки научно-технического потенциала для Российской Федерации, Северо-Западного федерального округа РФ, Швеции, Дании, Финляндии, Норвегии, Германии, Польши, Эстонии, Литвы и Латвии.

Дается характеристика уровня научно-технологического развития России, в том числе СЗФО, в период 2008—2010 гг. с точки зрения оценки кадровой, научно-исследовательской, материально-технической компонент и преобразующей способности научно-технического потенциала.

Выделяются ключевые проблемы в области науки и инноватики, препятствующие росту концентрации научно-технического потенциала и сдерживающие инновационное развитие РФ.

Рассматриваются перспективы наращивания научно-технического потенциала России через использование инструментов международного научно-технологического сотрудничества в регионе Балтийского моря.

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 21.01.2013 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-9

© Михайлова А. А., 2013

Ключевые слова: научно-технический потенциал, сравнительная оценка, Балтийский регион, международное научно-техническое сотрудничество

Переход к инновационной модели экономического роста как стратегический приоритет развития России до 2020 г. [9; 21] предполагает укрепление уже имеющихся и формирования новых конкурентных преимуществ за счет увеличения научно-технического потенциала (НТП) страны и активизации деятельности предпринимательского сектора в инновационной сфере. В качестве одного из эффективных механизмов наращивания НТП Российской Федерации выделено международное сотрудничество с развитыми европейскими странами, включающее реализацию совместных проектов в области науки и инноваций; формирование и развитие единой исследовательской инфраструктуры; обеспечение доступа к объектам научно-технической инфраструктуры мирового значения; развитие приоритетных научных направлений [14].

Возможность участия России в качестве полноправного партнера в международном научно-технологическом сотрудничестве обусловлена совокупностью внутренних (общий уровень социально-экономического развития страны, мощность научно-технического потенциала, в том числе эффективность использования его преобразующей способности, развитие системы образования) и внешних факторов (направление и характер реализуемой внешней политики России; степень вовлеченности страны в международное сотрудничество, в том числе в сфере образования и науки; наличие точек соприкосновения с европейскими странами по приоритетным для РФ областям науки и инноватики).

Цель данной статьи — определить возможности интеграции России в единое европейское инновационное пространство на основе проведения оценки научно-технического потенциала в сравнении со странами Балтийского региона: Швецией, Данией, Финляндией, Норвегией, Германией, Польшей, Эстонией, Литвой и Латвией. Интерес представляет сопоставление на уровне не только отдельных стран, но и региона. Для реализации поставленной цели решались следующие практические задачи:

1) расчет интегральной оценки НТП для России (с выделением СЗФО как одного из наиболее инновационно развитых регионов [22]) и стран Балтии;

2) характеристика российского потенциала в научно-исследовательской сфере на основе проведенного анализа;

3) оценка перспектив роста концентрации НТП России через инструменты международного сотрудничества в регионе Балтийского моря.

В качестве методической основы исследования применен метод интегральной оценки научно-технического потенциала в разрезе «регион-страна» [1]. Эмпирическая база исследования сформирована на основе официальных источников статистической информации, включая базы данных Росстата, Евростата, Центрального статистического бюро Норвегии, Центрального статистического бюро Польши, Всемирного банка, Европейской кластерной обсерватории, статистических сборников

по науке и инновациям Высшей школы экономики РФ. Период изучения охватывает 2008—2010 гг., что обусловлено отсутствием в полном объеме необходимых для расчета данных по каждой из стран за 2011—2012 гг. Итоговые значения рассчитанных интегральных оценок НТП стран Балтии за исследуемый период приведены в таблице.

**Интегральная оценка научно-технического потенциала СЗФО
и стран Балтийского региона за период 2008—2010 гг.**

Страна	2008	2009	2010	Темпы прироста 2010 г. к 2008 г., в %
РФ	0,163	0,181	0,183	12,3
СЗФО	0,215	0,207	0,226	5,2
Германия	0,624	0,650	0,586	-6,1
Дания	0,629	0,664	0,668	6,2
Латвия	0,191	0,213	0,245	28,4
Литва	0,260	0,282	0,288	10,7
Норвегия	0,489	0,524	0,533	9,0
Польша	0,190	0,227	0,252	32,5
Швеция	0,680	0,701	0,652	-4,0
Финляндия	0,728	0,744	0,678	-6,9
Эстония	0,426	0,483	0,454	6,7

Источник: рассчитано на основе данных [2; 4—8; 16—18; 20; 24; 25; 27; 30].

Положение России в Балтийском регионе по уровню концентрации инновационного потенциала тяготеет к странам Прибалтики и Польше и значительно уступает лидерам: Финляндии, Швеции и Дании, входящим в первую десятку стран мира по созданию и продвижению инноваций. Динамика значений интегральной оценки РФ на протяжении рассматриваемого периода положительная, что свидетельствует о позитивных изменениях в научно-технической и инновационной сфере (росте доли внутренних затрат на научные исследования и разработки в ВВП страны; повышении инновационной активности хозяйствующих субъектов; увеличении охвата услугами интернет-связи и т. д.). Однако существующие темпы прироста НТП недостаточны для преодоления четырехкратного разрыва с высокоразвитыми Северными странами. Несмотря на то что НТП СЗФО несколько выше среднероссийского и сопоставим по величине с Литвой, Латвией и Польшей, общий уровень инновационного развития федерального округа в контексте макрорегиона остается достаточно низким.

Структурный анализ композиционного индекса позволяет выделить факторы, повлиявшие на изменение концентрации общей величины научно-технического потенциала исследуемых регионов (см. рис.).

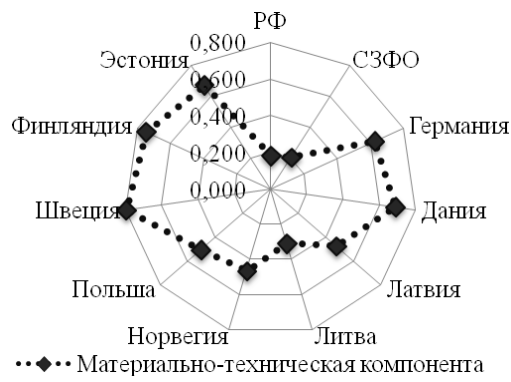

Рис. Структура интегральной оценки научно-технического потенциала СЗФО и стран Балтийского региона в 2010 г.

Кадровая компонента НТП региона выступает одной из важнейших составляющих инновационного развития. Лидерами по концентрации кадрового потенциала стали Финляндия, Норвегия и Дания, что преимущественно обусловлено высокой долей исследователей в среднегодовой численности занятого населения этих стран (более 1%). В административно-территориальном разрезе первенство по доле исследователей в среднегодовой численности занятых в экономике держат Столичная часть Дании (2,59%), Северная Финляндия (2,23%) и Центральная Норвегия (2,15%) [27].

Величина кадровой компоненты России несколько ниже ее среднего значения этого показателя по макрорегиону. Страна, обладая значительными кадровыми ресурсами в научно-исследовательской сфере¹, демонстрирует негативные тенденции к сокращению как общей численности исследователей, так и их доли среди экономически активного населения. В стратегическом аспекте данные процессы ведут к существенному ослаблению НТП и потере конкурентных преимуществ в инновационной сфере, в том числе в рамках единого научно-технологического и инновационного пространства Балтийского региона.

Концентрация кадрового потенциала в СЗФО выше общероссийского уровня и некоторых стран Прибалтики, но характеризуется значительной степенью неоднородности. Основным полюсом роста выступает Санкт-Петербург (город входит в первую пятерку регионов стран Балтии по доле исследователей в среднегодовой численности занятых в экономике — 1,8%). Кадровый потенциал прочих субъектов СЗФО значительно скромнее. В целом для региона характерно повторение общестрановых тенденций, что становится лимитирующим фактором для последующего инновационного развития.

Основным механизмом наращивания кадрового потенциала, обеспечивающим постоянный приток и обновление персонала, занятого исследованиями и разработками, выступает обучение в аспирантуре и докторантуре. Высокие показатели по выпуску докторантов с тенденцией к их дальнейшему росту демонстрируют Швеция (3,0%) и Финляндия (2,5%), что отражено в усилении кадровой составляющей этих стран в последнем десятилетии. Россия по доле выпускников занимает промежуточное положение в Балтийском регионе, опережая страны Прибалтики почти в 2 раза и одновременно уступая Северным странам более чем в 2 раза [31].

Величина научно-исследовательской компоненты связана с изменением таких показателей, как доля финансирования научных исследова-

¹ В России численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, в 2011 г. составила 735,3 тыс. человек (из них 374,8 тыс. — исследователи). Совокупный объем численности занятых в НИОКР во всех остальных странах Балтийского региона лишь в 1,8 раза превосходит данную величину [27].

ний и разработок в ВВП страны; инновационная активность хозяйствующих субъектов; уровень занятости в сфере производства высокотехнологичных продукции и услуг. Высокие значения интегрального индекса в рассматриваемом периоде характерны для Швеции, Германии, Финляндии и Дании (см. рис.). Эти страны отличаются стабильно растущей долей внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП (более 3%) и активной заинтересованностью предпринимательского сектора в осуществлении научно-исследовательской деятельности как источника конкурентных преимуществ на мировом рынке². По уровню финансирования науки и инноваций лидирующие позиции занимают регионы Швеции и Финляндии: Северная Финляндия (6,58% от ВРП), Южная Швеция (4,73%), Средне-Восточная Швеция (4,55%), Западная Швеция (4,32%) [27].

Показатели финансирования науки в России и странах Прибалтики значительно ниже и колеблются в пределах от 0,6% ВВП в Латвии до 1,6% в Эстонии. Удельный вес внутренних затрат в ВВП РФ в 2010 г. — около 1,2%. Инновационная активность бизнеса данных стран остается сравнительно невысокой, что обусловлено низким спросом хозяйствующих субъектов на результаты НИР и НИОКР и ориентацией на формирование дохода в краткосрочном периоде без учета возможностей реинвестирования прибыли и роста капитала.

Почти двукратное превышение величины научно-исследовательской компоненты СЗФО в сравнении с среднероссийским уровнем обеспечено более высокой здесь долей финансирования науки в структуре ВРП. Однако объем внутренних затрат на исследования и разработки сильно дифференцирован по субъектам (Санкт-Петербург — 3,5%, Калининградская область — 0,56% [16]), что существенно ограничивает возможность наращивания НТП региона в целом и взаимодействия с другими регионами.

Материально-техническая оснащенность является одним из факторов, стимулирующих инновационное развитие. Значение материально-технической компоненты большинства стран Балтийского региона превышает 0,5 (см. рис.). Лидирующие позиции — у Северных стран, Германии, Эстонии и Польши. Данные страны характеризуются высокими показателями интенсивности затрат на технологические инновации и

² Германия и Северные страны (Дания, Финляндия, Швеция) в течение 2000—2010 гг. сохраняли стабильно высокий уровень внутренних затрат на исследования и разработки, ежегодно составляя пятерку ведущих стран по объемам финансирования науки в Балтийском регионе. Основной источник финансирования НИОКР — предпринимательский сектор (например, в Германии 57% от общих инвестиций составляет доля 20 крупнейших коммерческих компаний; основной инвестор НИОКР в Швеции — компания «Эрикссон», в Финляндии — компания «Нокиа» [10]).

использование информационных и коммуникационных технологий. В Финляндии, Швеции, Дании и Германии практически 100 % организаций используют в своей работе персональные компьютеры, сеть Интернет; более 80 % — имеют широкополосный доступ к Интернету и собственный веб-сайт.

Активность российских организаций в применении информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) остается недостаточно высокой. Несмотря на то что в 2010 г. уже 93,8 % всех организаций использовали персональные компьютеры, 82,4 % — сеть Интернет, только 56,7 % имели широкополосный доступ к Интернету и 28,5 % — собственный веб-сайт [18]. Доля работников, использующих персональные компьютеры (41 %) и сеть Интернет (29 %), существенно ниже, чем в технологически развитых странах Балтийского региона (Скандинавские страны, Германия) [5]. Удельный вес затрат на технологические инновации российских компаний также сравнительно невелик.

Оценивая значения компоненты, характеризующей преобразующую способность НТП, следует учитывать наличие разрыва во времени между увеличением концентрации инновационного потенциала и успешной коммерциализацией научно-технических разработок и инноваций. Ведущие позиции по данному индикатору среди стран Балтийского региона занимает Германия. Более 70 % всех немецких организаций внедряют инновации в производство, что обеспечивает до 10 % оборота новой продукции (товаров, работ, услуг) в общем обороте. Высокие показатели по коммерциализации инноваций у Дании, Швеции, Финляндии и Норвегии. Страны Прибалтики и Польша почти в 3 раза отстают от лидера — Германии — по удельному весу организаций, осуществляющих инновационную деятельность, однако интенсивность затрат на инновации по некоторым видам деятельности здесь сопоставима с передовыми странами Балтийского региона.

Значения интегральной оценки по данной компоненте для России, в том числе СЗФО, сравнимы с Литвой, Латвией и Польшей, но сильно уступают технологически развитым странам макрорегиона. Слабое проявление преобразующей способности НТП в российской экономике свидетельствует о низкой заинтересованности предпринимательского сектора в использовании результатов НИОКР, а также об отсутствии эффективного механизма внедрения новшеств в экономику РФ.

Результаты проведенного анализа выделили недостаточную эффективность национальной инновационной системы России в сравнении со странами Балтийского региона. Исследования Всемирного экономического форума показывают, что возможность полномасштабной интеграции РФ в единое инновационное пространство Европы сдерживается как сравнительно невысоким уровнем развития научно-технической и инновационной сферы, так и неудовлетворительными рамочными ус-

ловиями ведения экономической деятельности. К последним относятся, прежде всего (в порядке значимости): коррупция (22,8%), государственная бюрократия (13,3%), криминал и незаконная деятельность (10,1%), высокий уровень налогообложения (9,1%), труднодоступность финансовых ресурсов (7,6%), инфляция (6,7%), налоговое законодательство (6,2%) [33].

Наращивание НТП России и ее отдельных регионов требует преодоления ряда существенных проблем, связанных с низким уровнем финансирования науки; сокращением кадрового потенциала в научной сфере; слабой заинтересованностью предпринимательского сектора в НИОКР; необходимостью активизации и поддержки инновационной активности бизнес-сектора и укрепления его связей с научными организациями и вузами.

Одним из эффективных механизмов по преодолению указанных проблем может стать международное сотрудничество со странами Балтийского региона. В Российской Федерации международное научно-техническое сотрудничество (МНТС) осуществляется в рамках государственной научно-технической политики и выступает одним из ее основных принципов [11]. Главным программным документом по стимулированию международного сотрудничества в сфере науки стала Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий на 2013—2020 годы» [14]. На органы государственной власти возложены обязанности по формированию благоприятных условий для осуществления научно-технического сотрудничества и привлечения иностранных инвестиций, а также функции по контролю за передачей научных и/или научно-технических результатов (продукции) иностранным государствам.

Ключевыми партнерами России в научно-технологической сфере выступают страны Европейского союза. Нормативно-правовую базу международного научно-технического сотрудничества Россия — ЕС составляют: Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС (СПС) [13]; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий (2000 г.), возобновленное в 2003 и 2009 гг. [12; 19]; «дорожная карта» по Общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты (2005 г.)³; программа «Механизм партнерства для модернизации» (2010 г.); ряд отраслевых соглашений в области ядерной безопасности и ядерного синтеза [23].

По данным Департамента международного сотрудничества Минобрнауки России, в сфере МНТС действуют двусторонние международные соглашения с 15 странами Европы и с 4 международными организация-

³ В настоящее время действует «дорожная карта» по научно-технологическому сотрудничеству России и ЕС на 2011—2013 гг. [26].

ми. Основная часть этих соглашений была подписана еще в 1990-е гг., что свидетельствует о необходимости их обновления в соответствии с новыми приоритетными для страны направлениями совершенствования научно-технического потенциала, выделенными в «Стратегии инновационного развития 2020» [21].

Осуществление МНТС между Россией и ЕС возможно на следующих уровнях:

— панъевропейских программ, к которым относится европейская программа научно-технического сотрудничества в области высоких технологий и инноваций «Эврика» (EUREKA) [15];

— рамочных программ ЕС; в период 2007—2013 гг. действуют 7-я Рамочная программа по науке и технологическому развитию⁴ и программа «Европейская сеть поддержки предпринимательства» (EEN) в рамках Программы ЕС по конкурентоспособности и инновациям (CIP)⁵;

— партнерских программ в области академической мобильности: к общеевропейским программам относятся «Эразмус Мундус»; Программа Мари Кюри (в составе РП ЕС), ТЕМПУС; также действуют программы на уровне отдельных стран — членов ЕС: программа Германской службы академических обменов (DAAD), Шведского управления международного сотрудничества в области развития (SIDA) и др. [3; 29; 32];

— совместных многосторонних инициатив и международных проектов — например, мегапроекты, направленные на создание общей исследовательской инфраструктуры: «Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах» (XFEL), «Ускоритель для исследования антипротонов и ионов» (FAIR), «Международный термоядерный реактор» (ITER) и др. [26].

С 2014 г. планируется запуск новой рамочной программы ЕС по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020» («Horizon 2020» — the Framework Programme for Research and Innovation), которая объединит все существующие финансовые инструменты Европейского союза по поддержке научных исследований и инноваций: РП, CIP и Европейский институт инноваций и технологий (EIT) [28]. Бюджет этой программы — 80 млрд долларов США. В качестве ключевого приоритета «Горизонта 2020» выделено международное сотрудничество с третьими странами в области решения глобальных социальных проблем, осуще-

⁴ В 7-й Рамочной программе приняла участие 391 российская научно-исследовательская организация, подписано около 264 соглашений о предоставлении грантов на общую сумму более 45,6 млн евро [26].

⁵ Пример: российский проект «Gate2RuBIN» в рамках EEN, осуществляемый консорциумом из трех организаций (Союз инновационно-технологических центров России, НП «Российская сеть трансфера технологий» и российское Агентство поддержки малого и среднего бизнеса). Источник: Российский проект «Gate2RuBIN». URL: www.gate2rubin.ru (дата обращения: 28.01.2013).

ствления фундаментальных и прикладных исследований, содействия академической мобильности и т. д.

Перспективным направлением сотрудничества в инновационной сфере может стать участие СЗФО в международных кластерных инициативах и международных кластерах в Балтийском регионе в области энергетики, ИКТ, нанотехнологий, охраны окружающей среды, производства продуктов питания и биотехнологий, здравоохранения и др.⁶

Список литературы

1. Волошенко К. Ю. Методические основы сравнительной оценки научно-технического потенциала России и ЕС: региональный и международный аспекты // Балтийский регион. 2012. №4(14). С. 22—38.
2. Всемирный банк. URL: <http://data.worldbank.org> (дата обращения: 10.01.2013). doi: 10.5922/2074-9848-2012-4-2.
3. Европейские стипендии и гранты: каталог по стипендиям и грантам, предоставляемым студентам, магистрантам, докторантам и ученым Европейским союзом и странами ЕС. 2012—2013. URL: http://mobility.ukgu.kz/download/Европейские_стипендии_и_гранты.pdf (дата обращения: 10.01.2013).
4. Индикаторы инновационной деятельности: 2012 : стат. сб. М., 2012.
5. Индикаторы информационного общества: 2012 : стат. сб. М., 2012.
6. Индикаторы науки: 2012 : стат. сб. М., 2012.
7. Индикаторы образования: 2011 : стат. сб. М., 2011.
8. Кластерная обсерватория. URL: <http://www.clusterobservatory.eu/> (дата обращения: 22.12.2012).
9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Межевич Н. М., Прибышин Т. К. Инновационная экономика в регионе Балтийского моря// Балтийский регион. 2012. №3(13). С. 59—72. doi: 10.5922/2074—9848—2012—3—4.
11. О науке и государственной научно-технической политике (с изменениями и дополнениями) : федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О повторной пролонгации Соглашения Россия — ЕС о сотрудничестве в области науки и технологий : распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 октября 2009 г. № 1530-р. URL: <http://eu-law.ru/o-nas/> (дата обращения: 03.12.2012).
13. О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Ев-

⁶ От редакции: см. статьи А.С. Михайлова «Формирование международных кластеров в Балтийском регионе» и Г.М. Федорова «Перспективы сетевого сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике» в данном номере журнала.

ропейскими сообществами и их государствами — членами, с другой стороны : федеральный закон от 25.11.1996 № 135-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013—2020 гг.* : распоряжение Правительства РФ от 20.12.2012 № 2433-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. *Об участии Российской Федерации в Европейской научно-технической программе «Эврика»* : постановление Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2011 г. № 319. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

16. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011* : стат. сб. М., 2011.

17. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012* : стат. сб. М., 2012.

18. *Российский статистический ежегодник. 2012* : стат. сб. М., 2012.

19. *Соглашение о возобновлении действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий* (заключено в г. Риме 06.11.2003). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. *Статистические таблицы по инновациям. Росстат. 2012.* URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/science/#> (дата обращения: 22.12.2012).

21. *Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года.* : распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. *Федоров Г. М., Волошенко Е. В., Михайлова А. А. и др.* Территориальные различия инновационного развития Швеции, Финляндии и Северо-Западного федерального округа РФ // Балтийский регион. 2012. №3(13). С. 87—102. doi: 10.5922/2074-9848-2012-3-6.

23. *Хронология двухсторонних отношений между Россией и ЕС. Представительство Европейского союза в России.* URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/chronology/index_ru.htm (дата обращения: 28.12.2012).

24. *Центральное статистическое бюро Норвегии.* URL: <http://www.ssb.no/> (дата обращения: 10.12.2012).

25. *Europe in figures — Eurostat yearbook 2011.* URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/publications/eurostat_yearbook_2011 (дата обращения: 22.12.2012).

26. *European Union — Russian Federation cooperation in science, technology and innovation. A roadmap for action 2011—2013.* URL: http://ec.europa.eu/research/iscrp/pdf/russia_road_map_2011-2013.pdf (дата обращения: 28.12.2012).

27. *Eurostat regional yearbook 2012: Statistical books.* Eurostat. European Union, 2012. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-HA-12001/EN/KS-HA-12-001-EN.PDF (дата обращения: 10.12.2012).

28. *Horizon 2020 — the Framework Programme for Research and Innovation.* URL: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/index_en.cfm?pg=h2020 (дата обращения: 28.12.2012).

29. *International co-operation in education and training*. The European Commission. URL: <http://ec.europa.eu/education/external-relation-programmes/overviewen.htm> (дата обращения: 03.02.2013).

30. *Science and technology in Poland in 2010*. Warszawa. 2012. URL: http://www.stat.gov.pl/gus/5840_800_ENG_HTML.htm (дата обращения: 22.12.2012).

31. *Science, Technology and Industry Scoreboard: 2011*. OECD. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-science-technology-and-industry-scoreboard_20725345 (дата обращения: 09.12.2012).

32. *The German Academic Exchange Service (DAAD)*. URL: <http://www.daad.de/en/> (дата обращения: 03.01.2013).

33. *The Global Competitiveness Report 2011—2012*. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf (дата обращения: 06.08.2012).

Об авторе

Михайлова Анна Алексеевна, аспирантка, младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

INNOVATION CAPACITY OF RUSSIA AND THE BALTICS: A COMPARATIVE APPROACH

A. A. Mikhailova

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received on January 21, 2013

This article considers the possibility of Russian integration into a common research, technological, and innovative space of the Baltic region. The author presents the results of a comparative analysis of innovative development in Russia and the Baltic Sea countries based on the calculation of an integral research and technological potential index for the Russian Federation, the Northwestern federal district of Russia, Sweden, Denmark, Finland, Norway, Germany, Poland, Estonia, Lithuania, and Latvia. The paper describes the level of research and technological development of Russia in 2008-2010 in terms of human resources, R&D, material and technical components, and the transformation capacity of innovative potential. The author identifies the key issues in the field of research and innovation that inhibit the growth of research and technological potential concentration, as well as innovative development of the Russian Federation. The article considers the prospects for the

development of research and technological potential in Russia through the use of instruments of international research and technological cooperation in the Baltic Sea region.

Key words: research and technological potential, comparative assessment, Baltic Sea region, international research and technological cooperation

References

1. Voloshenko, K. Yu. 2012, Metodicheskie osnovy sravnitel'noj ocenki nauchno-tehnicheskogo potenciala Rossii i ES: regional'nyj i mezhdunarodnyj aspekty [The methodological bases of comparative evaluation of scientific and technological potential of Russia and the EU: regional and international aspects], *Balt. reg.*, no. 4(14), p. 22—38. doi: 10.5922/2079-8555-2012-4-2.
2. *The World Bank*, available at: <http://data.worldbank.org> (accessed 10 January 2013).
3. *Evropejskie stipendii i granty: katalog po stipendijam i grantam, predostavljajemym studentam, magistrantam, doktorantam, i uchenym Evropejskim sojuzom i stranami ES. 2012—2013* [European grants and scholarships: the catalog for scholarships and grants to students, undergraduates, doctoral students, and scientists of the European Union and countries in the EU. 2012—2013], available at: http://mobility.ukgu.kz/download/Европейские_стипендии_и_гранты.pdf (accessed 10 January 2013).
4. *Indikatory innovacionnoj dejatel'nosti: 2012* [Indicators of innovative activity: 2012], 2012, Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki».
5. *Indikatory informacionnogo obshhestva: 2012* [Indicators of the Information Society: 2012], 2012, Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki».
6. *Indikatory nauki: 2012* [Science Indicators: 2012], 2012, Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki».
7. *Indikatory obrazovaniya: 2011* [Indicators of Education: 2011], 2011, Moscow, Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki».
8. *Klasternaja observatorija* [Cluster observatory], available at: <http://www.clusterobservatory.eu/> (accessed 22.12.2012).
9. *Koncepcija dolgosrochnogo social'no — jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda. (Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 №1662-r.)* [The concept of long-term socio — economic development of the Russian Federation for the period up to 2020. (Order of the RF Government of 17.11.2008 №1662-r.)], legal-reference system "ConsultantPlus".
10. Mezhevich, N. M., Pribyshin, T. K. 2012, Innovacionnaja jekonomika v regione Baltijskogo morja [Innovative economy in the Baltic Sea region], *Balt. reg.*, no. 3(13), p. 59—72. doi: 10.5922/2079-8555-2012-3-4.
11. *O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike (s izmenenijami i dopolnenijami) (Federal'nyj zakon ot 23 avgusta 1996 g. N 127-FZ)* [On Science and State Science and Technology Policy (as amended) (Federal Law of August 23, 1996 N 127-FZ)], legal-reference system "ConsultantPlus".

12. *O povtornoj prolongaciji Soglashenija Rossija-ES o sotrudnichestve v oblasti nauki i tehnologij (Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 oktjabrja 2009 g. N 1530-r)* [About Re-extension of Russia-EU Agreement on Cooperation in Science and Technology (Order of the Government of the Russian Federation on October 17, 2009 N 1530-p)], *Evropejskij sojuz i Rossija. Zakonodatel'stvo i praktika* [The European Union and Russia. Legislation and practice], available at: <http://eu-law.ru/o-nas/> (accessed 3 December 2012).

13. *O ratifikaciji Soglashenija o partnerstve i sotrudnichestve, uchrezhdajushhego partnerstvo mezhdu Rossijskoj Federaciej, s odnoj storony, i Evropejskimi soobshhestvami i ih gosudarstvami — chlenami, s drugoj storony (Federal'nyj zakon ot 25.11.1996 N 135-FZ)* [On ratification of the Agreement on Partnership and Cooperation Agreement establishing a partnership between the Russian Federation, on the one hand, and the European Communities and their Member States — members of the other party (the Federal Law of 25.11.1996 N 135-FZ)], legal-reference system "ConsultantPlus".

14. *Ob utverzhenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie nauki i tehnologij» na 2013—2020 (Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 20.12.2012 N 2433-r)* [On approval of the state program of the Russian Federation, "The development of science and technology" for 2013—2020 (Decree of the RF Government of 20.12.2012 N 2433-p)], legal-reference system "ConsultantPlus".

15. *Ob uchastii Rossijskoj Federacii v Evropejskoj nauchno-tehnicheskoj programme «Jevrika» (Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 aprelja 2011 g. N 319)* [On the participation of the Russian Federation to the European scientific and technical program "Eureka" (Government of the Russian Federation on April 25, 2011 N 319)], legal-reference system "GARANT".

16. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2011* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2011], 2011, Moscow, Rosstat.

17. *Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2012* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2012], 2012, Moscow, Rosstat.

18. *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2012* [Russian Statistical Yearbook. 2012], 2012, Moscow, Rosstat.

19. *Soglashenie o vozobnovlenii dejstvija Soglashenija mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Evropejskim Soobshhestvom o sotrudnichestve v oblasti nauki i tehnologij (Zakljucheno v g. Rime 06.11.2003)* [Agreement on the renewal of the agreement between the Russian Federation and the European Community on Cooperation in Science and Technology (concluded in Rome on 11/06/2003)], legal-reference system "ConsultantPlus".

20. *Statisticheskie tablicy po innovacijam. Rosstat. 2012* [Statistical tables on innovation. Statistics. 2012], available at: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/science/#> (accessed 22.12.2012).

21. *Strategija innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda. (Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 dekabrja 2011 g. №2227-r)* [The strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020. (Order of the Government of the Russian Federation from December 8, 2011 №2227-p)], legal-reference system "ConsultantPlus".

22. Fedorov, G. M., Voloshenko, Ye. V., Mikhailova, A. A., Osmolovskaya, L. G., Fedorov, D. G. 2012, Territorial'nye razlichija innovacionnogo razvitija Shve-

cii, Finljandii i Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga RF [Territorial differences in the innovative development of Sweden, Finland, and the Northwestern federal district of the Russian Federation], *Balt. reg.*, no. 3(13), p.87—102. doi: 10.5922/2079-8555-2012-3-6.

23. *Hronologija dvuhstoronnih otnoshenij mezhdru Rossiej i ES. Predstavitel'stvo Evropejskogo Sojuza v Rossii* [Chronology of bilateral relations between Russia and the EU. Delegation of the European Union to Russia], available at: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/chronology/index_ru.htm (accessed 28 December 2012).

24. *Statistics Norway*, available at: <http://www.ssb.no/> (accessed 10 December 2012).

25. *Europe in figures — Eurostat yearbook 2011*, available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/publications/eurostat_yearbook_2011 (accessed 22 December 2012).

26. *European Union — Russian Federation cooperation in science, technology and innovation. A roadmap for action 2011—2013*, available at: http://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/russia_road_map_2011-2013.pdf (accessed 28 December 2012).

27. *Eurostat regional yearbook 2012: Statistical books. Eurostat. European Union, 2012*, available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-HA-12001/EN/KS-HA-12-001-EN.PDF (accessed 10 December 2012).

28. *Horizon 2020 — the Framework Programme for Research and Innovation*, available at: http://ec.europa.eu/research/horizon2020/index_en.cfm?pg=h2020 (accessed 28 December 2013).

29. *International co-operation in education and training. The European Commission*, available at: http://ec.europa.eu/education/external-relation-programmes/overview_en.htm (accessed 03 January 2013).

30. *Science and technology in Poland in 2010. Warszawa. 2012*, available at: http://www.stat.gov.pl/gus/5840_800_ENG_HTML.htm (accessed 22 December 2012).

31. *Science, Technology and Industry Scoreboard: 2011.OECD*, available at: http://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-science-technology-and-industry-scoreboard_20725345 (accessed 09 December 2012).

32. *The German Academic Exchange Service (DAAD)*, available at: <http://www.daad.de/en/> (accessed 3 January 2013).

33. *The Global Competitiveness Report 2011—2012*, available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GCR_Report_2011-12.pdf (accessed 6 August 2012).

About the author

Anna Mikhailova, PhD student, Junior Research Fellow, Centre for Socio-economic Studies, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: tikhonova.1989@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

ТРУДНЫЕ ГОДЫ ПРИБАЛТИКИ¹

**Кантор Ю. Прибалтика: война без правил (1939—1945).
СПб.: Звезда, 2011. 336 с.**

Сегодня, когда в глобализирующемся мире XXI в. происходят стремительные изменения, вопросы истории по-прежнему остаются важным фактором, влияющим на развитие международных отношений. Это воздействие может быть позитивным: страны и народы, связанные узами многолетней дружбы, испытывают друг к другу взаимное уважение и доверие и легче находят пути разрешения возникающих проблем. Однако если между странами и народами в прошлом происходили войны, конфликты, если они поступали несправедливо, то это может создавать весьма негативный фон для восприятия друг друга уже в современных условиях, порождать недоверие и подозрительность. Особенно это заметно в тех случаях, когда в отношениях между государствами остались сложные нерешенные проблемы. К сожалению, именно это мы наблюдаем в отношениях России и ее соседей — стран Балтии. В такой ситуации особое значение приобретают серьезные аргументированные исследования историков, свободных от конъюнктуры текущей политической борьбы. К числу таких работ относится рецензируемая книга советника директора Государственного Эрмитажа, доктора исторических наук Ю. З. Кантор.

Важное достоинство работы Ю. Кантор — фундаментальная источниковая база. Прежде всего, речь идет об архивах. Автор использует документы Архива внешней политики России, Российского государственного архива Военно-морского флота, Центрального архива ФСБ, а также Эстонского государственного архива, Латвийского государственного исторического архива, Особого архива Литвы, Архива Центра литовской эмиграции Каунасского университета. Следует особо подчеркнуть, что часть этих материалов впервые вводится в научный оборот.

Ю. Кантор нашла ряд новых, интересных материалов в российских архивах. Однако в еще большей степени она выступает первопроходцем в изучении архивов балтийских государств. Так, Ю. Кантор стала одним из первых ученых, работавших в архиве Центра литовской эмиграции Каунасского университета, чьи материалы, безусловно, можно назвать одними из самых интересных в книге.

doi: 10.5922/2074-9848-2013-1-10

© Худoley К.К., 2013.

Рецензируемая книга состоит из трех глав, каждая из которых имеет краткое, но очень емкое название: «От Балтии к Прибалтике», «Территория "Остланд"» и «Снова Прибалтика». Эти названия четко отражают тот путь, который прошли народы Литвы, Латвии и Эстонии в годы Второй мировой войны.

В первой главе рассматривается развитие событий в Литве, Латвии и Эстонии в предвоенные годы и начальный период Второй мировой войны. В это время странами Балтии управляли авторитарные режимы А. Сметоны, К. Ульманиса и К. Пятса. Их появление было не случайным, а скорее даже закономерным. В 1920 — 30-е гг. схожие режимы были установлены почти во всех странах, ставших независимыми после Первой мировой войны, кроме Чехословакии и Финляндии. Причинами этого были практически полная несформированность городских средних слоев, неопытность политической элиты и отсутствие демократических традиций, обострение внутривнутриполитической борьбы под влиянием мирового экономического кризиса конца 1920 — 30-х гг. и ряд других факторов.

Ю. Кантор справедливо определяет балтийские диктатуры как авторитарные. Это представляется важным, так как в ряде работ современных авторов они по-прежнему, как и в коминтерновские времена, называются фашистскими. Спецификой балтийских диктаторов стало то, что, в отличие от многих других авторитарных режимов, у них было значительно меньшее поле для маневра в сфере международных отношений. Хотя Литва, Латвия и Эстония ориентировались на Лигу Наций и западные державы и стремились проводить политику нейтралитета по скандинавскому образцу, на практике им приходилось маневрировать между Советским Союзом и Германией, которые не хотели сохранения Версальско-Вашингтонской системы. Минимальным было и сотрудничество трех балтийских государств между собой.

Автор книги обоснованно отмечает, что «пакт Молотова — Риббентропа, ставший по сути "вторым раундом" Мюнхенского сговора 1938 г., предопределил судьбу балтийских государств на многие десятилетия» (с. 6). В работе подробно рассматриваются события в Литве, Латвии и Эстонии осенью 1939 — весной 1940 г., политика СССР в отношении балтийских государств. В российской историографии, как известно, имеются две точки зрения по поводу оценки изменений, которые произошли в государствах Балтии летом 1940 г. Согласно первой, установление Советской власти и включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР происходило по воле народов этих стран и при строгом соблюдении норм международного права, действовавших в то время; сторонники же другой точки зрения дают противоположные оценки этим процессам. Ю. Кантор придерживается второй позиции и приводит серьезные аргументы в ее обоснование.

Вторая глава, посвященная периоду германской оккупации Прибалтики в 1941—1944 гг., представляется наиболее важной и интересной, поскольку именно в ней использовано большинство архивных материалов, изученных автором. Ю. Кантор детально описывает политику гитлеровских оккупантов, их высокомерное отношение к литовцам, латышам и эстонцам, которые не подлежали уничтожению как евреи, но и не считались равными, а также массовые репрессии. Автор не обходит и вопроса о местных коллаборационистах, их роли в проведении политики гитлеровцев, в том числе и в организации террора. Отмечая жестокость оккупантов, Ю. Кантор в то же время признает, что антифашистское сопротивление — вопреки тому, что утверждалось в советской историографии, — было слабым. И еще один важный момент: в книге показана специфика положения, существовавшего в Литве, Латвии и Эстонии. В целом рассмотрение событий 1941—1944 гг. в исследовании Ю. Кантор выгодно отличается от ряда публикаций по данной тематике, поскольку речь идет не о поверхностных рассуждениях, а о глубоком анализе, основанном на прекрасном знании фактологической стороны данного сюжета.

Третья глава посвящена периоду 1944—1945 гг., когда вслед за изгнанием германских войск в Литве, Латвии и Эстонии произошли процессы, которые Ю. Кантор удачно называет «ресоветизацией» (с. 243). Речь идет и об укреплении власти союзного центра над балтийскими республиками, где в то время появились надежды на получение большей самостоятельности, и об установлении советских порядков во всех сферах жизни, в том числе тех, до которых советские власти не успели «добраться» осенью 1940 — весной 1941 г., — например, всеобщая коллективизация. Данная линия осуществлялась самыми грубыми и жестокими методами, свойственными сталинскому времени. Это, конечно, вызывало сопротивление, причем более сильное и массовое, чем в 1940—1941 гг. Вполне естественно, что при рассмотрении этих сюжетов Ю. Кантор иногда делает экскурсы и в более поздний период.

В рецензируемой книге имеется и ряд дискуссионных положений.

Во-первых, в отечественной историографии почти не исследован вопрос, почему из четырех стран, попавших в сферу советского влияния, Литва, Латвия и Эстония — в отличие от Финляндии — не оказали вооруженного сопротивления ни в 1939, ни в 1940 г. Конечно, важную роль играли менее удачное географическое положение (у Финляндии был тыл в виде нейтральной, но симпатизирующей Швеции), военнотехническая неподготовленность (ничего подобного «линии Маннергейма» у балтийских государств не было), но главным оказалось иное. Ю. Кантор справедливо пишет, что авторитарная политика А. Сметоны, К. Ульманиса и К. Пятса порождала «внутренний кризис» (с. 20), что затрудняло возможность сопротивления, но главный акцент

делается на несформировавшейся в молодых государствах Балтии «способности ценить независимость и отстаивать ее» (с. 20). Можно согласиться с тем, что уровень национального самосознания в Финляндии был выше, чем в странах Балтии, хотя следует отметить, что часть населения и военнослужащих, особенно в Эстонии, были готовы сражаться. Главной причиной политики балтийских диктаторов стало то, что они боялись своих народов. Отсюда их стремление сохранить власть путем различных договоренностей с Советским Союзом. Этот путь казался балтийским диктаторам более надежным, чем вооруженная борьба с непредсказуемым исходом.

Во-вторых, представляется, что несколько иначе следует расставить акценты при анализе международной реакции на изменения в странах Балтии.

Советизация Западной Белоруссии и Украины началась сразу после вступления в них Красной армии; почти сразу после нападения СССР на Финляндию с той же целью было создано «народное» правительство О. Куусинена, но никаких шагов по советизации Балтии Москва первоначально не предпринимала. Ю. Кантор связывает это с нежеланием СССР «обострять отношения с Англией и Францией и неясностью перспектив войны в Европе» (с. 39). По нашему мнению, главной причиной сдержанности Москвы была позиция Германии. По воспоминаниям одного из руководителей НКВД П. Судоплатова, именно об этом говорил В. М. Молотов в октябре 1939 г. на совещании по вопросам советской политики в странах Балтии. При этом В. М. Молотов подчеркивал необходимость создания такой ситуации, когда народы Литвы, Латвии и Эстонии сами свергнут буржуазный строй. После паузы из-за войны с Финляндией, которая продолжалась дольше, чем это планировало советское руководство, Коминтерн попытался весной 1940 г. активизировать деятельность компартий стран Балтии, но без успеха. Победы Германии на Западном фронте в мае-июне 1940 г. испугали И. Сталина, который был вынужден вновь изменить тактику и пойти на открытое вторжение в июне 1940 г.

Реакция западных держав на события лета 1940 г. в странах Балтии также была неоднозначной. Великобритания, которая вела на тот момент войну с Гитлером один на один, приветствовала ввод советских войск. Вашингтон выразил недовольство, но в значительно более мягкой форме, чем по поводу нападения на Финляндию. Чтобы не осложнить отношений с Советским Союзом, западные державы были (по некоторым признакам) готовы иметь дело с «народными» правительствами балтийских государств, сформированными под советскую диктовку. Однако они категорически отказались признать советизацию стран Балтии. Примечательно поведение иностранных диплома-

тов, которые 21 июля 1940 г. пришли на первое заседание Государственной думы Эстонии, избранной и работавшей уже по советскому образцу. Они выслушали «Интернационал», исполненный вместо гимна формально еще независимой Эстонии, присутствовали при формировании рабочих органов, но демонстративно покинули зал, когда в повестку дня были включены пункты о провозглашении Эстонии советской социалистической республикой и вхождении ее в состав Союза ССР.

Спорно, на наш взгляд, утверждение Ю. Кантор, что в годы Второй мировой войны и после нее «Запад признал за Советским Союзом право на Прибалтику де-факто, по умолчанию» (с. 243). Считаем, что ситуация и в этом случае была не столь однозначной. Конечно, в годы Второй мировой войны балтийский вопрос не был приоритетным, но он и не замалчивался полностью. Так, в мае 1942 г. Лондон отказался включить в советско-британский союзный договор пункт о признании СССР в границах 1941 г., что означало, в частности, признание де-юре вхождения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР, и И. Сталин был вынужден уступить. В декабре 1943 г. во время Тегеранской конференции состоялась беседа Ф. Д. Рузвельта и И. Сталина, на которой обсуждался вопрос о возможности проведения в Литве, Латвии и Эстонии свободных выборов или референдума, хотя это и происходило в самой общей форме.

После окончания Второй мировой войны эта линия в основном продолжалась. Доктрины «сдерживания коммунизма» и «отбрасывания коммунизма», которых Запад придерживался на начальных этапах «холодной войны», предусматривали возврат СССР к границам 1939 г., то есть без Литвы, Латвии и Эстонии. В 1960 — 70-е гг. в позиции западных стран появились определенные различия. Так, Великобритания и некоторые другие западноевропейские страны согласились на урегулирование имущественных споров с СССР, возникших в результате советизации стран Балтии в 1940 г., что можно расценивать их как признание де-факто. США, Канада и ряд других западных стран на это не пошли. Случаи признания западными странами вхождения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР де-юре были единичны (Нидерланды, Финляндия). Перед Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975) президент США Дж. Форд подчеркнул, что подписание Заключительного акта не означает признания инкорпорации Литвы, Латвии и Эстонии в СССР.

В-третьих, Ю. Кантор пишет, что в 1946 г. прибалтийские республики «перестали быть "беспокойной" зоной» и «превратились в своеобразную, по советским меркам зажиточную "витрину социализма"» (с. 286).

Нам представляется, что это произошло позже — после смерти И. Сталина и XX съезда КПСС. Сопrotивление советским порядкам было значительным с самого начала. Даже в серьезных исследованиях советских времен признавалось, что в Прибалтике еще до нападения Германии на СССР шла «гражданская война в малых размерах». Борьба против ресoветизации была значительно более масштабной. Подавить партизанское и подпольное движение только репрессиями не удалось. Это вынудило руководство КПСС в середине 1950-х гг. сменить курс: национальным кадрам был открыт доступ в партийно-государственную, хозяйственную и интеллектуальную элиту, жизненный уровень населения стал выше, чем в среднем в СССР, были разрешены некоторые «вольности» в сфере культуры. Это привело к успокоению основной массы населения и стало предпосылкой для формирования образа Прибалтики как «советского Запада». И. Сталин, как нам кажется, сделал выводы из опыта советизации балтийских стран в 1940 г. и ресoветизации послевоенных лет применительно к странам Центральной и Восточной Европы. Там коммунистические порядки стали устанавливаться в более мягкой форме — народной демократии, — что было очень схоже с тем, о чем просили советское руководство некоторые левые круги стран Балтии летом 1940 г.

Естественно, что данные сюжеты ни в коем случае не снижают общего впечатления о книге Ю. Кантор, а заставляют лишь задуматься о новых направлениях исследования этой важной, но очень сложной темы.

К. К. Худoley

Об авторе

Худoley Константин Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

About the author

Prof. *Konstantin Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University.

E-mail: kkhudoley@gmail.com

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 0,5 уч.-изд. л. (20 тыс. знаков с пробелами), для научного сообщения — 0,15 уч.-изд. л. (6 тыс. знаков с пробелами).

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф.И.О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче статьи в электронном виде рецензию можно представить в формате PDF.

7. Статья направляется в редакцию журнала ведущему редактору периодической печати издательства Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com.

8. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме ONLINE. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью online».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150—200 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210×297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2013
1 (15)

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Корректор *Е. В. Владимирова*
Компьютерная верстка *О. М. Хрустальной*

Подписано в печать 26.02.2013 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,2.
Тираж 1000 экз. (1-й завод — 150 экз.). Заказ 28.

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14